

Институт философии РАН
Институт психологии РАН
Институт прикладной математики им. М.В. Келдыша РАН
Институт экономических стратегий РАН
Институт рефлексивных процессов и управления
Институт рефлексивных процессов творчества и гуманизации образования
Институт проблем безопасности и устойчивого развития
Российский фонд развития высоких технологий

РЕФЛЕКСИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ И УПРАВЛЕНИЕ

Сборник материалов VI Международного симпозиума
«Рефлексивные процессы и управление»
10-12 октября 2007 г., Москва

Под редакцией В.Е.Лепского

Издательство «Когито-Центр»
Москва – 2007

УДК 100
ББК 74.226.3
С 60

Рефлексивные процессы и управление. Сборник материалов VI Международного симпозиума 10-12 октября 2007г., Москва / Под ред. В.Е.Лепского – М.: «Когито-Центр», 2007. – 136 с.

ISBN 978-5-89353-242-5

Сборник материалов отражает широкий круг проблем, связанных с исследованием рефлексивных процессов. Все больше внимания специалисты в области рефлексивных исследований уделяют проблемам развития России. Тезисы представлены по трем ведущим направлениям симпозиума:

Научное фундаментальное – «Субъектный подход и рефлексия в инновационном развитии».

Научно-прикладное – «Рефлексивные технологии инновационного развития».

Практическое – «Рефлексивное обеспечение инновационного развития».

Следует отметить резкое возрастание роли специалистов из области философии в разработке методологического обеспечения инновационного развития России.

Сборник материалов в основном отражает планируемые выступления на секционных заседаниях и слабо отражает содержание Круглых столов и Пленарных заседаний, материалы которых планируется издать отдельно, а также частично опубликовать в журнале «Рефлексивные процессы и управление».

*Материалы симпозиума подготовлены и изданы при поддержке РГНФ,
проект 07-03-14053г*

ISBN 978-5-89353-242-5

© Институт философии РАН, 2007

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Аксюмов Б.В.</i> «Конфликт цивилизаций»: субъектный подход	5
<i>Анисимов О.С.</i> Рефлексивные аспекты межэтнических и межрелигиозных проблем субъектов социального проектирования в области образования	6
<i>Аршинов В.И., Свицкий Я.И.</i> Интерсубъективность в контексте постнеклассической парадигмы	7
<i>Бермус А.Г.</i> По ту сторону рефлексивного субъекта	9
<i>Боршевич В.И.</i> Русская национальная идея и «национальный вопрос» в свете рефлексивного подхода к этнопсихологии	11
<i>Буров В.А.</i> Знание как средство детерминации реальности	14
<i>Буров В.А., Лепский В.Е., Рабинович В.Л.</i> Культурные медиаторы в постнеклассической науке	16
<i>Бурова Л.В.</i> Рефлексивное право и постнеклассический детерминизм	18
<i>Васильченко В.А.</i> Локус скептического инструментария в арсенале философской рефлексии	19
<i>Войтик И.М.</i> Психология лидерства: рефлексивный подход в оценке личностного потенциала кадрового резерва на руководящие должности государственной гражданской службы	20
<i>Воробьев О.Ю.</i> Эвентологический подход в гуманитарных и социально-экономических науках	24
<i>Горюнов И.А.</i> Нравственная составляющая стратегической деятельности в инновационную эпоху	25
<i>Давыдова Г.И.</i> Рефлексивно-диалогическое взаимодействие с учащимися как фактор развития профессионализма педагога	27
<i>Давыдова Г.И., Семенов И.И.</i> Рефлексивно-диалогическая модель развития субъекта: психотерапевтическая парадигма	29
<i>Дацюк С.А.</i> Онтология рефлексии, контрафлексии и контррефлексии	30
<i>Евстифеева Е.А., Калинин М.Н., Филиппченко С.И.</i> Социальная модель врачевания: холистическое здоровье, атрибуция ответственности и образ жизни	32
<i>Ершико А.Ф.</i> О рефлексии на валютных и фьючерсных рынках	34
<i>Журавлев А.Л.</i> Большие социальные группы как коллективные субъекты: постановка проблемы и направления исследования	37
<i>Иванова С.Ю.</i> Потенциал этнополитических элит как субъектов стабилизационных процессов в регионе (на примере ЮФО)	39
<i>Казбеков К.А.</i> Проблемы рефлексивного управления и творчества в организациях (пост-) Нового времени	42
<i>Ковшов Е.М.</i> Рефлексия в управленческой деятельности	45
<i>Кононов Д.А., Косяченко С.А., Кульба В.В., Чернов И.В.</i> Устойчивое развитие социально-экономической системы: сценарно-рефлексивный подход	46
<i>Костюк В.Н., Смолян Г.Л.</i> Инфраструктура поддержки инноваций – основа экономики информационного общества	48
<i>Кравченко С.А.</i> Наблюдатель, взгляд, двойник и предвидение	51
<i>Кузьмин А.А.</i> Трансверсальные структуры рефлексии в современном мире	54
<i>Лебедев Ю.А.</i> Рефлексивный подход и эвереттика	56
<i>Лепский В.Е.</i> Онтологии субъектно-ориентированной парадигмы социального управления и развития	59
<i>Липатникова И.Г.</i> Технология рефлексивного подхода к процессу обучения студентов в педагогическом университете	61
<i>Малахов А.И.</i> «Объективная реальность» как модель бытия. Субъект как «иная» модель	63
<i>Малиновский Л.Г.</i> Конкретизация постнеклассической научной рациональности	67

<i>Малков С.Ю., Ковалев В.И., Коссе Ю.В.</i> Рефлексивные аспекты определения оптимальных размеров военных расходов государства	70
<i>Моисеев В.И.</i> К интегрально-экранной теории субъекта	71
<i>Морозов И.Л.</i> Рефлексивные технологии и стратегия противодействия современному экстремизму	74
<i>Никонов Ю.В.</i> Распутывание квантовых операций и автобиографическая память	77
<i>Островский А.М.</i> Гуманизация человеко-компьютерного взаимодействия как субъект-ориентированная технология	78
<i>Паньшин И.В.</i> Рефлексивные процессы в инновационных механизмах ресурсозамещения	80
<i>Петрова И.В., Малков С.Ю.</i> Моделирование принятия решений в изменяющихся внешних условиях: цивилизационные отличия стереотипов поведения	82
<i>Подьяков А.Н.</i> Альтер-альтруизм и рефлексия	83
<i>Полуян П.В.</i> Рефлексивность и квантовая онтология	86
<i>Потемкина М.В.</i> Особенности структурной организации метасвойств на разных уровнях метаодаренности личности	88
<i>Реут Д.В.</i> Субъект инновации и структура его деятельности	91
<i>Санникова О.В.</i> Субъектные основания конструирования содержания образования	93
<i>Санникова О.В., Меньшиков И.В.</i> Социокультурные типы рефлексии содержания образования: субъектно-ориентированный подход	96
<i>Сафонов П.А.</i> Техники рефлексии в высшем образовании	99
<i>Семенов И.Н., Смирнов С.А.</i> Роль рефлексивной гештальт-терапии в субъектном развитии руководителя малого бизнеса	100
<i>Серов Н.В.</i> Цветовая семантика – адекватная информационная модель рефлексии и креативности	102
<i>Солицева Г.Н., Азатова Л.А.</i> Лояльность персонала как фактор безопасности организации	104
<i>Сорина Г.В.</i> Рефлексивное мышление в образовательном процессе	107
<i>Сорокина Н.Д.</i> Социальные технологии управления новациями в вузах	109
<i>Стюжин М.А.</i> Рефлексивный аспект информационной безопасности	110
<i>Сухарев А.В.</i> Рефлексия этнической функции развития системы отношений как фактор повышения энергетического потенциала личности и этносреды	112
<i>Тимошук А.С.</i> Эволюция рефлексивности в традиционной культуре	114
<i>Трунов Д.Г.</i> Функциональные разновидности рефлексии	116
<i>Ушева Т.Ф.</i> Формирование кооперативной рефлексии студентов педагогического вуза	118
<i>Федотова И.В.</i> Когнитивная графика в визуализации рефлексивной модели В.А. Лефевра	120
<i>Филимонов В.А.</i> Рефлексивный театр в проекте междисциплинарного исследовательского комплекса «Ген Гуру»	121
<i>Хиценко В.Е.</i> Связь самореферентности и рефлексии в контексте радикального конструктивизма	123
<i>Цой Л.Н., Сергеев С.С., Комалова Л.Р.</i> Выявление различий в оценке «этического компромисса» и «этической конфронтации» среди студентов московских вузов	126
<i>Чхартишвили А.Г.</i> О трансформации структур информированности в рефлексивных играх	128
<i>Шалина О.С.</i> Рефлексия и символизация как механизмы деятельности переживания	130
<i>Шемаева Л.Г.</i> Управление взаимодействием предприятия с субъектами внешней среды на основе сочетания развёрнутой и быстрой форм рефлексии	132
<i>Янович К.Т.</i> Эффективность функциональной роли рефлексивности в структуре психики	133

«КОНФЛИКТ ЦИВИЛИЗАЦИЙ»: СУБЪЕКТНЫЙ ПОДХОД

Б.В. Аксюмов

*(Ставропольский государственный университет,
г. Ставрополь)*

Интерес к проблеме «конфликта цивилизаций» и со стороны общества, и со стороны научного сообщества в последнее время не только не падает, но, наоборот, неуклонно растет. Эхо событий во Франции все отчетливее начинает ощущаться и на российской почве. Недавние события в Ставрополе, которые некоторые аналитики поспешили обозначить как «войну миров», невольно актуализируют в сознании сюжет о «конflikте цивилизаций». В этой связи представляется целесообразным обратиться к проблеме выделения субъектов данного глобального противостояния.

Обычно принято утверждать, что субъектами конфликта могут быть только как бы собственно субъекты, то есть определенные личности, обладающие конкретными интересами, ценностями, установками и вообще обладающие сознанием. Момент сознания является здесь ключевым и определяющим, конфликтотенная интенциональность сознания рассматривается как необходимый атрибут любой конфликтной ситуации. Действительно, конфликт как таковой обнаруживается самим сознанием (ученого или участника конфликта). Возникает типичная ситуация: объективный процесс субъективируется и воспринимается уже не как объективный, а как субъективный. Соответственно, сам конфликт гносеологически становится частью сознания (то есть действительно становится субъективным), однако онтологически конфликт как был, так и остается в любой момент своего протекания объективным, то есть не фактом нашего сознания, а фактом внешней реальности. Типичная ошибка как раз и заключается в том, что гносеологическая субъективная данность сознания часто отождествляется с онтологической объективной ситуацией конфликта, происходящего вне сознания.

Подобная субъективная трактовка конфликта приемлема, когда речь идет о разного рода бытовых конфликтах, возникающих на почве субъективного неприятия одного человека другим. Однако как только мы выходим в сферу предельно теоретически и идеологически насыщенных, имеющих давнюю онтологическую историю конфликтов, мы сразу же начинаем понимать недостаточность либо субъектного подхода вообще, либо ограниченность понимания самого понятия «субъект». Почему, собственно, субъектом конфликта может быть только человек, точнее, только сознание? Очевидно, что на макроуровне современного мирового бытия субъектами конфликта являются не отдельные люди с их ограниченным фрагментарным сознанием, а целые социокультурные макросистемы, которые традиционно принято обозначать как «цивилизации». Цивилизации сами по себе не обладают сознанием, у них нет никаких интересов, никаких ценностей, но у них есть главное — история, вмещающая в себя и жизнь многих миллиардов людей (сознаний), и борьбу самых различных интересов, и столкновение разнообразных ценностей. Цивилизации со-

ставляют саму возможность исторического, в том числе и конфликтного, существования человечества. Они есть те универсальные формы, которые идентифицируют и отождествляют как принадлежащее именно к этой цивилизации пестрое содержание реальной фактической жизни. Именно поэтому цивилизации выступают как подлинные субъекты любых отношений, в том числе конфликтных. В этом смысле само понятие «конфликт цивилизаций» выступает уже не просто как метафора, а как вполне релевантная научная категория, позволяющая выразить наиболее глубинные фундаментальные противоречия современного мира, которые существуют совершенно объективно и не зависят от сознания и умонастроения отдельного субъекта.

Таким образом, на макроконфликтном уровне необходимо либо переосмысление субъектного подхода, либо вообще отказ от него. Феноменологическая основа традиционного субъектного подхода достаточна только с гносеологической точки зрения, однако она не дает никаких онтологических гарантий.

РЕФЛЕКСИВНЫЕ АСПЕКТЫ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ И МЕЖРЕЛИГИОЗНЫХ ПРОБЛЕМ СУБЪЕКТОВ СОЦИАЛЬНОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ В ОБЛАСТИ ОБРАЗОВАНИЯ

О.С. Анисимов

*(Российская академия государственной службы
при Президенте РФ, г. Москва)*

Ситуации возникновения межэтнических и межрелигиозных конфликтов в сфере образования возникали в предшествующие годы, но стали более частыми и переходящими в острые формы конфликтов сравнительно недавно. Так как динамика жизни общества зависима от внешних и внутренних факторов, то при распространении негативных явлений внутри общества, во всех сферах общества, и при стимулирующей роли внешних ТВ, особенно имеющих свои субъектные носители совершенно неизбежно было быстрое увеличение конфликтного потенциала в период ослабления СССР и период реформ, резких трансформаций общества и оснований к руководству обществом. Эти процессы не могли не коснуться и образовательной сферы, а также научных поисков, межкультурных взаимоотношений, высших обоснований, включая и духовные основания. В связи с этим возникают вопросы, касающиеся не только сглаживания этнокультурной конфликтности, включая и в рамках образовательной сферы, создания условий «растворения» конфликтного напряжения, борьбы с резкими формами проявления конфликтов и т.п., но и изучения их динамики, положительной или отрицательной, выявления сущностной основы, причин проблем, путей их решения. Роль качества исследовательских, прогностических, проблематизационных, проектных разработок возрастает, так как управленческим структурам нужны научные основания, научные картины, сущнос-

тные раскрытия возможных проблем, проекты, прежде всего – стратегические, и именно «сейчас», и именно верные, надежные.

В качестве объекта приложения выступает выявление проблем в разработке концепций, методологических, методических подходов к оценке этнокультурной, религиозной и в целом социальной напряженности в сфере образования и в разработке концепций, методологических, методических и технологических подходов к оказанию психолого-педагогической помощи в ситуациях межэтнических и межрелигиозных конфликтов в сфере образования. Результаты реконструкций проблемного поля выступают в роли «материала» для оценки, проблематизации и последующего прогнозирования и проектирования как относительно содержания мысли, так и формы мышления. Поэтому возможен переход от констатации содержаний, выражающих «явления», к опознаванию их «существенности» с помощью представлений более высокого уровня, а это означает форму мышления, в которой базисным процессом предстает соотнесение «субъекта» и «предиката», материала и средства мышления. Совмещая переходы по нескольким уровням можно вести «сущностное раскрытие» с привлечением метасредств, заимствуемых из мировоззренческих онтологий. Получение более совершенного и надежного результата в ходе рефлексии предопределяется внесением в мыслительную самоорганизацию участника (индивидуального и коллективного) разработок критериев – как к содержанию мыслительного материала, так и к материалу рефлексивных описаний осуществляемых процедур. Можно выделить методологические, философско-онтологические и логико-семиотические критерии организации (внутренней и внешней) мыслительных процедур, а также любого типа деятельности. Кооперативная рефлексия предопределяет не только правильное реагирование на возникающие затруднения в базисном процессе, но и совмещение всех рефлексий, внесение единого «образа» межгруппового хода разработок и получения непротиворечивого и строго оформленного результата.

Литература

1. *Анисимов О.С.* «И Цзин Чжоу И» как шедевр акмеологической мысли. – М. ФГОУ Рос АКО, 2006.
2. *Анисимов О.С.* Развивающие игры. Игротехника. Методология. – М. ФГОУ Рос АКО, 2006. т.1 и 2.
3. *Анисимов О.С.* Методологическая парадигма (опыт ММПК). – М. ФГОУ Рос АКО, 2007.

ИНТЕРСУБЪЕКТИВНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ

В.И. Аршинов, Я.И. Свирский
(*Институт философии РАН, г. Москва*)

Наша цель—обсудить специфику становления интересубъективной коммуникации в контексте парадигмы постнеклассической рациональности. Постнеклассическая парадигма для нас —это парадигма коллективного сетевого разума, формируемого в процессах межличностной синергичной коммуникации. В свою очередь, синергетика рассматривается нами в качестве инструмента ста-

новления сетевой постнеклассической парадигмы. В этом один из исходных пунктов круга наших рассуждений, в которых репрезентируется когнитивный потенциал постнеклассической синергетики как узла сети становящейся практической философии 21 века....

Говоря о синергетике в контексте интересубъективной коммуникации, мы производим различие смыслов классической, неклассической и постнеклассической компонент синергетического миропонимания. Мы различаем их в качестве отдельных (сепарабельных) миров-монад, или, если воспользоваться постнеклассической эволюционно-кибернетической концепцией Матураны и Варелы, различных автопоэтических единств, понимаемых в качестве операционально замкнутых на себя коммуникативных дискурсов. Различаем мы их для того, чтобы подойти к проблеме коммуникации между разными когнитивными дискурсами иначе, чем это имеет место в рамках постпозитивистского методологического контекста, изначально порождаемого констатацией их (лингвистической) несоизмеримости. (Т.Кун, П.Фейрабенд, Н.Хэнсон). Наша цель — выйти за рамки указанного контекста, опираясь на коммуникативно интерпретированное понятие рекурсии, выводящее нас в конечном счете на понятие рекурсивного субъекта. При этом мы исходим из предположения, что такого рода трансдискурсивная коммуникация сама по себе так же может рассматриваться как автопоэзис второго или, быть может, уже третьего порядка. С нашей точки зрения, именно трансдискурсивная коммуникация, находящаяся «поверх барьеров» логиколингвистической несоизмеримости классики, неклассики и постнеклассики (несоизмеримости, являющейся, строго говоря, таковой лишь с точки зрения асубъектной классики) и есть то, что рекурсивно объединяет классическую, неклассическую и постнеклассическую формы научной рациональности, если их рассматривать как отдельные автопоэтические дискурсы. В наши намерения не входит сведение проблемы интересубъективности к проблеме формирования некоего нового (транс)коммуникативного дискурса. Последнее означало бы для нас утрату специфики самой проблемы постнеклассической интересубъективности. Мы полагаем, что эта специфика вполне может быть удержана в контексте представлений об трансдискурсивной коммуникации, если последнюю мы будем соотносить с концептом рекурсии — понятии первоначально (если ограничиться только рамками науки 20 столетия) сформировавшегося в лоне проблем теории множеств и конструктивной теории математических (алгоритмических) процессов.

Отметим два момента. Первый связан с указанием на когнитивную связь понятия рекурсии с такими сугубо синергетическими понятиями как автомодельность, фрактал, странный аттрактор, циклическая причинность. Второй момент касается конструктивной природы рекурсии, особенно отчетливо проявляющейся в автопоэтической концепции эволюции живого как познания Матураны, для которого «ответ на вопрос “Что есть познание?” должен возникнуть из понимания знания и познающего субъекта, возникающего из способности последнего к познанию» (*Матурана У. Биология познания // Язык и интеллект. — М.: Прогресс. 1996, с. 95).*

Таким образом, рекурсия для нас есть инструмент самовосстановления субъекта постнеклассической науки, понимаемого как процесс преодоления в ней самой ее собственного автореферентного дискурса и формирования новых коммуникативных смыслов, новых познавательных стратегий, горизонтов и интуиций.

*Работа выполнена при поддержке РГНФ, исследовательский проект
05-03-03473а*

ПО ТУ СТОРОНУ РЕФЛЕКСИРУЮЩЕГО СУБЪЕКТА

А.Г. Бермус

*(Педагогический институт Южного Федерального
университета, г. Ростов-на-Дону)*

Одна из основных проблем содержательного определения рефлексии заключается в ее специфической «скрытности», неуловимости, проявляющейся в сравнении с большинством психических функций субъекта. Действительно, мышление, речь, даже воображение могут быть с большей или меньшей точностью диагностированы и определены при помощи психодиагностических методов (измерение количества правильно решенных задач, аспектный анализ речи, лингвоструктурный и семантический анализ высказываний и рисунков). Между тем, субъектность и рефлексивность, как таковая, ускользают от прямого наблюдения. Более того, они склонны к хитрости, проявляющейся в демонстрации собственного отсутствия: хрестоматийными являются примеры из пьес А.Н.Островского, наподобие Глумова («На всякого мудреца довольно простоты»), Глафиры («Волки и овцы») и др.

В то же время, крайне редки ситуации, когда человек хотел бы выглядеть глупее, чем он есть на самом деле; столь же исключительны обстоятельства, когда человек целенаправленно демонстрирует ограниченность своего воображения или убожество речи. И, только ситуация демонстрации утраты индивидуальной субъектности перед лицом имперсональной субъектности составляет самую суть любой системы власти.

Наконец, при попытке прямого определения содержания обоих понятий, мы оказываемся в «дурной бесконечности»: субъектное Я, созерцающее себя в акте рефлексии, является основанием субъектности, которая проявляется через рефлексивное самосознание и т.д. и т.п.

На этом этапе, мы можем сделать несколько предварительных замечаний: и субъектность, и рефлексия не являются простыми понятиями, содержание которых может быть эксплицировано простым перечислением атрибутов и свойств, но принадлежат сложной системе внутренних зависимостей и отношений, характерных для власти. Именно это заставляет нас обратиться к категории дискурса, как наиболее адекватной объективации этих феноменов. Кроме того, содержательное определение соотношений между субъектностью и рефлексией не может быть дано через их внутреннее отношение, но

через задание их общей идентичности в более широком историко-культурном контексте.

Наконец, субъектность и рефлексия обнаруживают некоторую весьма сложную внутреннюю топологию, и, анализируя их формы, мы напрямую выходим на анализ различных форм и моделей рациональности. Так, мы можем рассматривать философские системы Р.Декарта, И.Канта, Г.Гегеля, Э.Гуссерля как различные формы рациональности, рассматривая их как производные от различных способов конституирования субъектности и ее критики (рефлексии). Иными словами, через анализ соотношений между субъектностью и рефлексией мы можем достичь нового уровня понимания новоевропейской рационалистической традиции во всем ее внутреннем многообразии и противоречивости.

Одновременно, развиваемый нами подход («гуманитарная методология») позволяет наметить перспективы обсуждения и решения ряда прикладных проблем.

1) *Проблема технологизации развития.* При обсуждении этой проблемы, мы склонны исходить не из формального представления о технологии, как некоторой нормализованной последовательности действий и процедур, приводящих к априорно известному результату, но – рассматривая *технологизацию* как один из феноменов той же самой онтологической конфигурации, что и *субъектность и развитие*. Иными словами, проблема заключается в комплексной проблематизации феноменов «субъектности», «технологии» и «развития» относительно современной культурно-исторической ситуации.

2) *Рефлексивное обеспечение социальных инноваций и проектирования.* Проблема рефлексивного обеспечения инноваций может быть понята в контексте общего пересмотра представлений об инноватике, как о целенаправленной трансформации существующей реальности в направлении оптимального Будущего. В той же мере, в которой инновационный процесс и, шире того, любая модернизация, начинает мыслиться в категориях *возобновления, возвращения, смены дискурса*, рефлексивность опознается в качестве неизбежного и распределенного феномена конверсии знаковых систем. В этой же логике можно ставить вопрос о соотношении и взаимозависимости инновационных процессов и реализуемых в них рефлексивных практик.

3) *Рефлексия и субъектность как образовательная проблема.* Статус рефлексии и субъективности в образовании задает тип образования. Анализируя способы рефлексии и формирования субъектности в различные исторические периоды, мы можем достичь более точного понимания трансформаций образовательных систем в прошлом, а проектное изменение рефлексивных и субъектно-ориентированных практик может стать важнейшим инструментом трансформации образовательной практики в будущем. Собственно методологической проблемой является реконструкция основных критериев и схем, задающих ситуации рефлексии и субъективации, а также – апробация технологий влияния на образовательную практику через их изменение.

*Исследование выполнено при поддержке РГНФ,
проект 05–06–06036а*

РУССКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ И «НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС» В СВЕТЕ РЕФЛЕКСИВНОГО ПОДХОДА К ЭТНОПСИХОЛОГИИ

В.И. Боршевич

(Кишиневский муниципальный университет, г. Кишинев, Молдова)

Есть процессы, которые практически невозможно изучать в рамках лабораторных исследований с классическим и стерильным подходом, унаследованным от «естественнонаучной» парадигмы. Это хорошо известно всем, кто сталкивался с этническими и межэтническими конфликтами, которые подчас приобретают характер массовых «торнадо» и «цунами», возникая как бы ниоткуда и исчезая как бы в никуда.

Политики разводят руками, этнопсихологи дают путанные объяснения, обыватели поражаются массовым проявлением вандализма и насилия, иррациональным и бесчеловечным поведением людей, охваченным «этнопсихозом», политтехнологи теряют почву под ногами и доверие работодателей. Вспомним шок и фиаско политтехнологий и мастеров «пиара» после «оранжевых» событий на Украине, приведших к падению репутаций и бюджетов практически всех брэндов и имиджей в «политтехнологическом» бизнесе. Казалось бы несокрушимые и досконально отработанные, «пиар»-технологии электоральных манипуляций испытали полный «облом», столкнувшись со «стихией» этнического сознания и подсознания.

С другой стороны, нелишне вспомнить, сколько «высокоинтеллектуальной» иронии и насмешек вызвал по-человечески понятный антитеррористический пассаж российского Президента насчет того, кого и где «будем мочить». Однако именно эта, сказанная в- сердцах, а потому и совершенно искренняя и совершенно не «политкорректная», фраза вызвала массовый энтузиазм в отчаявшихся душах русских людей, небывалый всплеск этнического подъема, самосознания и уверенности в своих силах. Массовое сознание вернулось в русло массовой традиции, традиционные этнические установки заняли традиционную рефлексивно-дискурсивную позицию. Лидеры сепаратистских течений и движений почувствовали, что теряют авторитет в собственных этнических группах и сменили тактику открытого вызова на тактику выжидания и вынужденного конформизма. Надолго ли?

Потому что этногенетические подсознательные процессы, перейдя из фазы этнопсихологической агрессии в фазу этнопсихологической защиты, перешли в латентные, скрытые формы существования и развития. О том, что это так, свидетельствуют спорадические и неожиданные для местных властей всплески межэтнических столкновений на так называемом «бытовом» и «хулиганском» уровнях. Так гейзеры и подземные толчки свидетельствуют о скрытом передвижении тектонических массивов.

Умнейший и опытнейший государственный С. Ю. Витте в своих бесценных «Мемуарах» писал, что ничего не смыслит в делах российских тот, кто не пони-

мает, что около одной трети подданных Государства Российского являются представителями других этносов, религий и культур, что российская держава образовалась в результате силовой экспансии, и что этническая историческая память продолжает таить семена взрывоопасной феноменологии. Опасения мудрейшего С. Ю. Витте оказались пророческими – пренебрежение властью и обществом «национального вопроса» привели в свое время к крушению династии Романовых (чего так опасался великий государственный), а в более позднее время – к распаду Варшавского договора и СССР.

А вот китайские аналитики сделали далеко идущие и конструктивные выводы из катастрофического опыта российской истории. Работая послом в Пекине, я обнаружил, что этой тематикой до сих пор занимаются более двадцати партийно-государственных исследовательских институтов и научных центров КНР.

Что выясняется? Каковы причины этногенетических центробежных сил, какие тенденции этнопсихологического плана участвуют в этих процессах? Прежде всего, это диалектика кооперации и противостояния.

Если для одной из сторон кооперация перестает быть более привлекательной, чем самостоятельная деятельность либо кооперация с другим партнером, то назревает конфликт, сначала латентный, затем – явный. Если индивидуальный субъект чувствует себя «лишним», отчужденным от участия в процессе общегосударственного строительства, он «голосует ногами» и уезжает за рубеж в поисках работы и лучшей доли. С коллективными «этническими субъектами» дело обстоит сложнее. Если «лишней» чувствует себя этническая группа, не обладающая исторической территорией – имеем процессы типа массового исхода еврейской диаспоры, но если «лишней» в процессе общегосударственного строительства начинает чувствовать себя территориальная этническая группа, то возникают предпосылки для катастрофических центробежных процессов, типа тех, что имели и имеют место на Кипре, в Стране Басков, в Восточном Тиморе, на Цейлоне, в Кашмире, в Косово и т. д. Специально не заостряю вопрос о процессах такого рода на всем пространстве СНГ, включая Россию – слишком сильную фрустрацию может вызвать их перечисление.

Но важно помнить одно – именно чувство отчужденности от процессов общегосударственного строительства всенепременнейше приводит к поиску нового смысла жизни, к реанимации этнической исторической памяти, к возврату старых этногенетических программ. И не дай Бог превратить в общегосударственный юбилей такие страшные в этнопсихологическом аспекте события, как разгром Казани великим «собирателем земель» Иваном Грозным. Историческая память народов (о чем предупреждал умнейший Витте), этническая символика и мифология требуют глубочайшего уважения, сочувствия и сопричастия.

Вывод один – не должно быть ни одного «лишнего» человека, ни одной социальной либо этнической (особенно территориальной) группы, которые бы чувствовали себя отчужденными от процесса общегосударственного строительства. Однажды возникнув и оформившись, соблазн сепаратного этногенеза, «сепаратистской этнопсихологии» становится подобным раковой метастазе.

У многонационального и поликультурного народа Молдовы большой и печальный опыт преодоления этнического высокомерия и сепаратистских настроений. Потому что земля Молдовы – это не просто «периферия» – это «периферия периферий», это местность встречи нескольких социокультурных тектонических платформ – православной, западной, тюркской, еврейской, армянской и даже индийской (цыганский этнический пласт). И потому опережающий опыт нашей небольшой, но очень динамичной страны имеет такое важное значение для многонациональной России.

Я никогда не забуду, как убеленный седидами дед-молдованин сказал своему «продвинутому» внуку: «Относись к другим только так, как бы ты хотел, чтобы они относились к тебе». Потрясающий пример упреждающего этнорефлексивного управления (!), выпестованный многовековым историческим опытом катастрофического существования в несвободе, но существования достойного и креативного.

Глубоко убежден и уверен в том, что вместе со старыми и испытанными друзьями нашего многонационального народа, такими, как неукротимый и настоящий русский интеллигент, профессор Владимир Лепский, нам еще придется не раз, после плодотворного обсуждения сложнейших и актуальных вопросов упреждающего этнорефлексивного управления, продолжить дружеские беседы под сенью миротворящей виноградной лозы. Время собирать камни, время строить новые отношения.

Комплекс «старшего брата» губителен не только для него самого, потому что он порождает еще более деструктивный комплекс «младшего брата», видящего себя отчужденным от общеисторического наследия. Таковы законы этнопсихологии. Но чувство братства, как таковое, неистребимо в душах людей, чья историческая память хранит великое наследие Дня Победы.

Я не зря написал, что земля Молдовы – это особая «этногенетическая площадка», особая «периферия периферий», где сталкиваются различные тектонические массивы этно- и культурогенеза, где процессы рефлексивного обмена и взаимодействия постоянно порождают уникальные этнопсихологические ситуации и уникальных людей.

В 1966 году молодой Сергей Витте с блеском закончил в Кишиневе губернскую гимназию. Однако из этих же пенат вышел в свет и молодой Владимир Пуришкевич, известный шовинист и черносотенец. Оба были людьми редкого дарования, могучей воли и высочайшего ранга рефлексивной позиции, блестящими мастерами упреждающего рефлексивного управления. Но ранг рефлексии у государственника графа С.Ю. Витте оказался на одну ступеньку выше, а потому и его провидческий кругозор оказался шире и, как мы видим сейчас, этот выходец из культурогенетической среды многонациональной Молдовы дальше и раньше других усмотрел новые истоки русской национальной идеи.

Именно С.Ю. Витте *de facto* стремился воплотить в жизнь истинно русскую национальную идею – идею максимального вовлечения всех народов Государства Российского (и особенно национальных элит) в общегосударственное строительство. Как сказал в фильме «Брат-2» безвременно ушедший Бодров-млад-

ший словами своего героя: «Вот скажи, американец, в чем сила? В деньгах? Тебе не помогли твои деньги. А сила — в правде».

Но у каждого народа своя этническая история и свое представление о справедливости. И без упреждающего рефлексивного взаимодействия и взаимопомощи никак не обойтись. Потому что есть и позитивный опыт совместного исторического пути, и только развитие этого бесценного исторического опыта способно остановить всеокрушающую, деструктивную поступь ксенофобии и ретроксенофобии. И академическая наука обязана всерьез заняться изучением конструктивных аспектов этнокультурной рефлексивной психологии. Необходимо, чтобы диалог культур породил новую культуру диалога как в самой России, так на всем пространстве СНГ, унаследовавшем бесценный опыт евразийской цивилизации.

ЗНАНИЕ КАК СРЕДСТВО ДЕТЕРМИНАЦИИ РЕАЛЬНОСТИ

В.А. Буров

(Институт философии РАН, г. Москва)

Знание нам нужно не столько для того, чтобы узнать «каков мир на самом деле», что стало планом науки с XVII века, сколько для более скромной и прагматичной задачи — для того, чтобы сделать этот мир определеннее при построении нами своих действий. Неопределенными по отношению к используемым нами средствам представления являются не только будущее, но и прошлое и настоящее. Практически равноправными оказываются множество вариантов картины мира — различные, порой до противоположности, репрезентации действительности методами познания. Собираемое нами как наша позиция для руководства действиями (рефлексивная площадка) конкретное знание позволяет нам не однозначно представить «каков мир на самом деле», а сделать его определеннее — детерминировать мир, изначально слишком неопределенный и непрогнозируемый для наших выборов. Вместо широкой универсальной определенности мира, искомой классической наукой на практике получают узкие определенности реальности по отношению к определенным способам действия.

Дело здесь в необходимости разделить открытую наукой XVII века реальность классического мира и используемые практикой открываемые наукой сегодня реальности миров деятельности. Мы имеем дело не с отделенными от нас универсалиями, а с мирами нашей деятельности. Многие реальности, с которыми мы сталкиваемся на практике не являются исходно полностью определенными. Они требуют действий по их детерминации и включают в себя создающего их субъекта. Каждая такая реальность — это нечто, вроде маленького, связанного с определенным способом действия, постоянно самовоссоздающегося мира, существующего лишь актуально — здесь и теперь. Е.А. Климов ввел для реальности мира деятельности субъекта термин — субъектные миры. Такие, лишь актуально существующие реальности Н.А. Носов определил как виртуальные. У. Матурана и Ф. Варела для постоянно самовоссоздающихся систем ввели термин — автопоэзис, автопоэтические системы. Восполь-

зовавшись этими терминами, мы будем называть такие реальности автопоэтическими субъектными виртуальными реальностями или просто – субъектными реальностями. С субъектными реальностями имеют дело многие практики – в экономике, праве, педагогике, психологии, медицине и других областях.

Каждая автопоэтическая субъектная реальность является маленьким уникальным виртуальным миром со своими уникальными виртуальными законами. Классическая наука, основываясь на определившихся в XVII веке исходных установках на познание мира «каков он на самом деле», стремилась к максимальной общности и универсальности результатов, вынося за скобки науки все виртуальное и относя эти уникальные субъектные миры с их виртуальными законами к сферам ненаучного практического знания. Предполагалось, что отказ от рассмотрения субъектных реальностей в рамках научного знания обеспечивает рафинированную универсальную истинность последнего. Но случилось совсем наоборот – отказ от рассмотрения реальности в ее полноте привел в XX веке к порой катастрофической ложности выводов такого ограниченного знания. В становящемся мире XXI века виртуальные автопоэтические субъектные реальности и их знание становятся определяющими детерминантами продуктивной деятельности. Возникла ситуация, когда уже не практическое знание этих реальностей оказалось вынесено за скобки науки, а наука, в силу редукционистской ложности исходных установок, оказалась вынесена за скобки актуально используемого практического знания. В России практики относятся к науке со все большим скепсисом.

Факт актуальной необходимости изменения расстановки скобок, ограничивающих поле научного знания, был определен В.С.Степиным как постнеклассическая научная революция. Это современное изменение расстановки скобок в системе знания мы видим как включение в поле компетенции науки не рассматриваемых до того субъектных реальностей с их виртуальными законами. И, хотя в астрономическом времени мы уже находимся в веке XXI, но наука, не перейдя выделенного В.С.Степиным постнеклассического рубежа, все еще живет в историческом времени века XX.

В.С.Степин, выделяя для XXI века постнеклассический тип научной рациональности, подчеркнул то, что здесь происходит перенос в скобки научного знания целей и ценностей его субъекта, ранее вынесенные за эти скобки. Т.е. в предыдущих определениях научности знания то, что открыто детерминировалось целями и ценностями субъекта знания, не считалось научным и объективным, а относилось к выносимым за скобки науки проявлениям субъективности конкретных людей, работающих с научным знанием. Так как практика не могла игнорировать эти реальности, то они были отнесены к сфере обслуживающего практику знания практического, которое, неся большой заряд субъективности, тогда уже не могло быть научным с вытекающими последствиями принятия в качестве научных, хотя и проверенных практикой, его результатов.

Надо сказать, что определяющими факторами – детерминантами – субъектных реальностей конечно являются не только цели и ценности субъекта, и мы имеем дело с очень широкой сферой таких детерминант. Только, если на преды-

дущем этапе развития науки эти детерминанты определялись с целью вынесения тех или иных знаний за скобки науки, то теперь наука должна перейти к рассмотрению реальностей, определенность которых вне этой системы детерминант оказывается потеряна. Знание, не учитывающее таких детерминант оказывается не просто бесполезным, но и ложным, неверно ориентирующим человека в его выборах. Актуальное – виртуальное – знание субъектных реальностей является одной из детерминант для принятия компетентных решений. Попытки ухода от определения таких актуальных детерминант основных действующих реальностей ради «универсальности и объективности» часто оказывались лукавыми и предназначенными для манипуляции сознанием других людей. Развилась ситуация, когда классическая объективистская модель научности знания на практике постепенно стала, как и ранее такая же модель религии, оружием многих недобросовестных манипуляций. Сегодня отсутствие в науке развитых средств работы со сферой детерминант субъектных реальностей постепенно выводит ее из пространства доверия все большего числа людей.

Решаемая нами задача постнеклассического развития научного знания состоит в изменении расстановки скобок в общей системе знания и формировании позиции работы с детерминантами субъектных реальностей теперь уже в сферах отраслевого научного знания.

Классическая модель научного знания разделяет «внешнюю» реальность и «действующего в ней» субъекта. Знание относится к этой «внешней» реальности. В субъектную же реальность включен ее субъект и его деятельность. Возникает совершенно новая ситуация структурирования. Такая реальность обладает большой степенью неопределенности, которая должна быть устранена действиями субъекта. В зависимости от задействованной субъектом системы детерминант будет актуализироваться та или иная виртуальная определенность субъектной реальности. Таких детерминант, обеспечивающих определенность субъектной реальности можно выделить очень много. В качестве таких детерминант мы рассмотрим знание субъекта, самосборку субъекта, создаваемый им для своей деятельности канал реальности и др.

Работа выполнена при поддержке РГНФ, исследовательский проект 05-03-03473а

КУЛЬТУРНЫЕ МЕДИАТОРЫ В ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ НАУКЕ

В.А. Буров, В.Е. Лепский

(Институт философии РАН, г. Москва)

Рабинович В.Л.

(Российский институт культурологии, г. Москва)

В постнеклассической науке в центре внимания оказываются функции обеспечения взаимодействия субъектов научного познания:

- коммуникативная – обеспечение эффективной коммуникации субъектов;

- репрезентативная — обеспечение рефлексии субъектов;
- онтологическая — связь субъекта познания с реальностями бытия;
- интегративная — интеграция пространства знания.

Реализация этих функций требует построения выходов субъекта знания из дисциплинарных в трансдисциплинарные пространства и оснащения его трансдисциплинарной позиции соответствующим трансдисциплинарным инструментарием. Мы привыкли, что такую позицию науке дают философия и методология, которые берут на себя обеспечение указанных функций. Однако наиболее общим таким пространством является культура.

Формальная логика научного знания и его точные определения создают образ кажущейся замкнутости и отделенности науки от широкой культуры. Если такая замкнутость системы научных истин и заложена в конструкцию науки, то для конкретного человека это совсем не так. Даже очень рафинированное и формализованное знание остается представленным словами, где почти каждое принадлежит широкой культуре и является культурным посредником — медиатором, выводящим субъекта научного знания из замкнутой конструкции науки. Возвращаясь после такого выхода в пространство строгого научного знания, субъект не оставляет это знание неизменным, а структурирует и переструктурирует его на основе открывшихся ему способов видения исследуемого предмета.

Культурные медиаторы, включенные в научное знание, создают поток креативности — порождения новых формальных схем, конструкций, определений. Эти же медиаторы позволяют разным субъектам научного познания, находящимся в разных научных дискурсах, найти общие точки для построения коммуникации через метафоры.

Сегодня уже существует практика конструирования культурных микросред, через которые возможна коммуникация разных научных дискурсов. И если для классической модели науки такие практики лежали вне научного знания и относились к индивидуальному коммуникативному мастерству ученого, то постнеклассическая наука переводит конструирование культурных микросред в поле науки.

Сложность такого конструирования заключается в том, что осуществлявшие его ученые всегда сами были включены в мир живописи, музыки, поэзии, театра — реального художественного творчества. Они чувствовали звук, слово, цвет и форму, ощущали жизнь и красоту. Для постнеклассики возникает ситуация, когда эта способность должна сознательно включаться в сложную коммуникативную научную ткань, обеспечивающую сшивку множества результатов человеческого познания. То есть наука для обеспечения реальной эффективности создаваемого ею пространства знаний должна вобрать в себя и развить как метод ранее отделенные от нее опыты конструирования коммутирующих целостное знание культурных медиаторов.

*Работа выполнена при поддержке РГНФ, исследовательский проект
05-03-03473а*

РЕФЛЕКСИВНОЕ ПРАВО И ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКИЙ ДЕТЕРМИНИЗМ

Л.В. Бурова

(Московская финансово-юридическая академия, г. Москва)

Следуя концепции постнеклассического развития науки и внесения в ее скобки субъекта знания, мы рассматриваем государство и право как субъектные реальности – реальности, включающие их субъектов. Определенность таких реальностей (постнеклассический детерминизм) возникает в результате действия множества факторов, которые не входили в сферу рефлексии классической науки. Таким важнейшим, открывающимся постнеклассической научной рефлексии детерминирующим субъектную реальность фактором являются осуществляемые субъектами сборки субъектных реальностей.

В.Е.Лепский в качестве детерминирующего фактора субъектной реальности государства и права выделяет проекты, вокруг которых осуществляется сборка социальных субъектов, определяющая легитимность осуществляющей такие проекты власти [В.Е.Лепский. *Исходные посылы совершенствования системы национальной безопасности России (субъектно-ориентированный подход)* // Рефлексивные процессы и управление. 2007. № 1. С.5-21]. Такая проектная легитимность уже показала свою эффективность в Москве и развивается в регионах. В работе выделяется также факт сборки социальной реальности проектами не узких групп лиц, а населения территорий, обеспечивающего легитимность власти через традиционные демократические процедуры. Подчеркивается, что сведенная к управляемым PR-технологиями процедурам и формально закрепленная правом легитимность не обеспечивает безопасности государства и развития, если реализована как проект узкой группы лиц. Легитимность как субъектная реальность государства и права возникает только как реальность осуществления проектов, объединяющих население и собирающих социальных субъектов.

Таким образом, устойчивая сборка социальных субъектов национальными проектами, а не их кратковременная манипулятивная сборка PR-компаниями, определяют безопасность государства и развития. Такая постнеклассическая рефлексия приводит к разведению формальной и реальной законности. Проблема здесь состоит в том, что логически непротиворечивые формальные системы оказываются неполны (теорема Геделя). Очевидно, что нерелефлексивное подчинение реальности формальным схемам может приводить в результате расхождения этих схем с действительностью к катастрофам. Но к катастрофам приводит и отказ от подчинения правовых действий формальным схемам.

Выходом из этого фундаментального конфликта формальной схемы и реальности является динамичность закона и постнеклассическое включение субъекта в скобки правового знания. В этом случае схема оказывается открыта культуре и опыту. Возникает необходимость в законе о национальных проектах. Такие привязанные к конкретным частным проектам, временно действующие и собирающие социальных субъектов законы как раз и осуществляют постнеклассическое включение субъекта в скобки правового знания.

ЛОКУС СКЕПТИЧЕСКОГО ИНСТРУМЕНТАРИЯ В АРСЕНАЛЕ ФИЛОСОФСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

В.А. Васильченко

*(Ставропольский государственный университет,
г. Ставрополь)*

В последнее время значительно возрастает интерес к культуре скептического рассуждения, чьи мыслемки процедуры способны существенно расширить возможности рефлексии, привыкшей работать с блоками общих идей и категорий. Скептические практики (назначением которых выступает селекция спекулятивных представлений в том или ином контуре заранее заданного контекста) выглядят надежным средством борьбы с галлюцинациями общественного сознания: агрессивными идеологиями, псевдонаучными учениями и т. п. Необходимы они и в процессе самопознания, классификации личностных ценностей, выработке инновационных технологий мышления.

Скептицизм как культурный феномен не раз становился объектом специальных исследований. Однако общая картина скептической методологии напоминает все еще недозаполненный и перепутанный пазл. Созданный античными скептиками критический инструментарий в начале оказался не востребован традицией, а затем назначение его просто перестало быть понятным, что находит свое отражение в известном предрассудке о выдвигании якобы скептиками всеобъемлющего сомнения и в реальности мира, и в возможности его познания (рассмотрение древнего скепсиса как механически вышедшего из берегов в грозную эпоху эллинизма пропедевтического сомнения античной рационалистической философии не вызывает возражений у большинства авторов, занимающихся данным вопросом).

В действительности же особенностью античного скептицизма является критика (но отнюдь не тотальное отрицание) рационального мышления путем выявления его дедуктивных постулатов и культурных презумпций. В этом убеждает анализ логической фабулы сочинений Секста Эмпирика, на риторическом холсте которой утверждения пропедевтического и презентационного свойства сочетаются с доказательствами против догматиков; последние носят характер промежуточных гипотез в косвенном умозаключении и могут быть отброшены после проведения вывода. Слишком уж пестро пастичко скептической аргументации для того, чтобы воспринимать ее в качестве непосредственно очевидной. Далекое не все положения, известные нам через Секста Эмпирика (включая и знаменитые тропы), можно без рассмотрения отнести к его собственным мнениям. Скорее энезидемовы тропы у Секста, как рупор, призваны усиливать весомость скептической аргументации. Они моментально испускают смысл, будучи извлечены из ареала своего контекста.

Таким образом, скептическая критика как бы внедряется в ткань наработанных традицией философских сюжетов, питаясь их структурными связями и понятийным каркасом. Целью скептицизма, как и любого другого самоопровергающего учения, является маркировка противоречием границы условного

изнутри условного и тем самым указание на безусловное. Скептическая концепция (как не только критика червивого от противоречий рассудочного мышления, но и вполне положительное его, рассудочного мышления, преодоление) близка к диалектике понятий Г. Гегеля, хотя, конечно, решение, предложенное первой, было совершенно отличным от собственно гегелевского.

Межевание поступающей субъекту информации вложенными в нее культурными смыслами позволяет определить границы и условия ее применимости. Следовательно, обращение к созданным скептической традицией приемам логического анализа способно стимулировать развитие рефлексивных способностей субъектов.

ПСИХОЛОГИЯ ЛИДЕРСТВА: РЕФЛЕКСИВНЫЙ ПОДХОД В ОЦЕНКЕ ЛИЧНОСТНОГО ПОТЕНЦИАЛА КАДРОВОГО РЕЗЕРВА НА РУКОВОДЯЩИЕ ДОЛЖНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБЫ

И.М. Войтик

(Сибирская академия государственной службы,
г. Новосибирск)

В настоящее время существует около десятка тысяч научно-исследовательских работ по социально-психологическим проблемам лидерства. В современной литературе появляется такое понятие как «*управленческий лидер*» – это индивид, который гармонично сочетает лидерские и менеджерские качества. Как менеджер, управленческий лидер реализует свои законные полномочия и статусную власть для эффективного решения организационных задач, а как лидер он использует силу личностного влияния на подчиненных. Управленческий лидер имеет больше возможностей эффективно управлять организацией, чем просто менеджер или неформальный лидер, не имеющий статусной власти. Одним из векторов современной кадровой политики в сфере государственной службы является подготовка резерва кадров на должности руководителей новой формации, способных продуктивно работать в любых ситуациях современной управленческой практики. Под *кадровым резервом* правомерно понимать специально отобранных перспективных работников, обладающих необходимыми для замещения руководящих должностей профессиональными и нравственно-психологическими качествами, успешно проявивших себя в сфере профессиональной деятельности, выявление которых является результатом специфической системы работы.

В Сибирской академии государственной службы автором было проведено эмпирическое исследование на базе Межрегионального центра повышения квалификации, где проходят обучение кадровые резервы на руководящие должности государственной гражданской службы.

Цель исследования: оценить личностный потенциал управленческих лидеров.

Задачи: 1) развивать рефлексивное мышление государственных служащих в

процессе обучения; 2) реализовать рефлексивно-гуманистический подход в оценке личностного потенциала и управлении процессом обучения кадрового резерва на руководящие должности государственной службы.

В исследовании приняло участие 83 человека – кадровые резервы государственной гражданской службы. Составы включали служащих различных краев и областей Сибирского федерального округа, а также разных профессиональных направленностей, проходивших повышение квалификации в СибАГС в 2004–2007 гг.

Допущением явилось положение о том, что если служащие прошли отбор в кадровый резерв, то они обладают необходимым лидерским потенциалом.

Для достижения цели исследования были использованы следующие методы и методики: анализ научно-методической литературы, моделирование ситуаций, анализ продуктов деятельности, тестирование, дисперсионный анализ.

Анализ результатов, полученных в ходе тестирования по методике Р.Кеттелла, показал, что широкий разброс личностных черт не позволяет выделить наиболее значимые черты лидеров и проранжировать их по степени значимости.

Результаты тестирования по методике Р.Кеттелла (%)

	Фактор	Оценки			Фактор
		Низкие	Средние	Высокие	
A	Замкнутость	0	40	60	Общительность
B	Низкая сообразительность	6	72,3	21,7	Высокая сообразительность
C	Эмоциональная неустойчивость	1,2	49,4	49,4	Эмоциональная устойчивость
E	Подчиненность	18	74,7	7,3	Доминантность
F	Сдержанность	36,5	68,7	4,8	Экспрессивность
G	Подверженность чувствам	0	49,4	50,6	Высокая нормативность поведения
H	Робость	3,6	48,2	48,2	Смелость
I	Жесткость	2,4	56,6	41	Чувствительность
L	Доверчивость	41	56,6	2,4	Подозрительность
M	Практичность	8,4	73,5	18,1	Развитое воображение
N	Прямолинейность	16,8	82	1,2	Дипломатичность
O	Уверенность в себе	14,5	65	20,5	Тревожность
Q1	Консерватизм	7,3	69,9	22,8	Радикализм
Q2	Конформизм	19,3	75,9	4,8	Нонконформизм
Q3	Низкий самоконтроль	0	68,7	31,3	Высокий самоконтроль
Q4	Расслабленность	27,7	63,9	8,4	Напряженность

Из таблицы видно, что профессиональная среда, в которой служат члены кадрового резерва, требует от них достаточно высокого уровня общительности, работоспособности, стрессоустойчивости, осознанного соблюдения норм и правил поведения, но вместе с тем и готовности к разумному риску. Это подтверждает и тот факт, что представляемые последнее время критерии-требования ру-

ководителем-заказчиком обучения в оценке персонала совпадают с вышеперечисленными выявленными особенностями. Кроме того, наряду с преобладающими средними показателями по факторам, обнаружена тенденция в интеллектуальной сфере - к достаточной сообразительности; в коммуникативной сфере - доверчивости, прямолинейности, конформизму, в эмоционально-волевой сфере - чувствительности высокому самоконтролю и расслабленности. Преобладание средних значений практически по всем факторам, неслучайно.

Это может свидетельствовать о формировании индивидуального стиля лидерства, о проявлении гибкой позиции, об оптимальном поведении лидера и выборе им ситуативного подхода в решении профессиональных задач.

Поведение лидера в контексте *ситуационного подхода* изучалось по результатам проективного тестирования по методике С.Розенцвейга. Анализ фрустрационных реакций испытуемых показал, что преобладающим типом является реакция «самозащиты» с направленностью «вовне», тогда как профессионала, управленческого лидера должен отличать внутренний локус контроля с фиксацией на разрешение ситуации. Однако тенденция последних лет в оценке кадрового резерва позволяет сделать вывод о наметившейся положительной тенденции сдвига этих реакций.

Наряду с экстрапунитивными реакциями (направленность вовне) резко возрастает процент интрапунитивных реакций (направленность вовнутрь).

Реакция самозащиты усиливается возросшим процентом направленности на разрешение проблемно-конфликтных ситуаций.

Изучение мотивационных предпочтений позволило выделить приоритетные мотивы по Ф.Герцбергу. Приоритетными мотивами являются чувство достижения, карьерный рост и структура организации. Слабо выражены гигиенические мотивы отношения с вышестоящими и подчиненными, которые создают настрой и негативно влияют на трудовую мотивацию. Это может объясняться характером взаимоотношений.

Снижение мотивации видно и из методики Р.Кеттелла. Возможным направлением актуализации мотивации во взаимоотношениях по вертикали может быть усиление своей индивидуальности в плане совершенствования своей групповой роли в зависимости от стиля лидерства.

В контексте *теории распределенного лидерства* в рамках методологии командной работы анализировались роли лидера в команде в моделируемых проблемных ситуациях. Так анализ результатов психологической оценки групповых ролей членов кадрового резерва показывает, что преобладающим типом лидерства является роль организаторов работы, т.е. выполнение функций преобразования идей в конкретные задания и организация их выполнения. Это свидетельствует о преобладании стиля лидера-исполнителя – это волевой тип личности, нуждающийся в предложениях и идеях группы.

Роль председателя – вторая по значимости показывает, что такой тип делового лидера – спокойный, стабильный, нуждается в высокомотивированной группе; впитывает все возможные мнения и принимает решение. Этот тип лидерства противоположен эмоциональному типу лидера-формирователя (7%) и

организатора группы (10%), что подтверждают и результаты по методике Р. Кеттелла.

Таким образом, была предпринята попытка проанализировать лидерский потенциал кадровых резервов с позиций синтетического подхода. В результате проведенных исследований были сформулированы следующие выводы:

1. Эмпирический анализ теории черт лидерства показал, что каждому лидеру невозможно приписать определенный набор качеств. Каждый обладает индивидуальным набором характеристик (теория черт).

2. Лидеры способны компенсировать свои личностные ограничения другими чертами, т.е. формируется индивидуальный стиль лидерства (ситуативный подход).

3. Преобладающим стилем лидерства является лидер-исполнитель - организатор работы, поэтому мотивация выстраивания взаимоотношений по вертикали низкая (теория лидерских ролей – распределенного лидерства).

4. Однако группа выдвигает на лидерские позиции того человека, который проявляет роль генератора идей (когнитивный подход).

5. Во взаимодействии управленческих лидеров с людьми в условиях проблемно-конфликтных ситуаций обнаружена положительная тенденция в сторону конструктивного типа направления и типа поведенческих реакций (интеракционистский подход).

Данные выводы составили основу для переосмысления кадровыми резервами собственных результатов в процессе его психологической оценки и в ходе индивидуального и группового консультирования, а также рефлексии результатов автором с целью планирования процесса обучения и оценки личностного лидерского потенциала.

Литература

1. *Альтманн Г.* Звездные часы лидерства: Лучшие стратегии управления в мировой истории. – М.: Интерэксперт, 1999. – 270 с.
2. *Беннис У., Нанус Б.* Лидеры: Стратегия принятия самостоятельных решений: Четыре правила для высокоэффективных людей. – СПб.: Сильван, 1995. – 185 с.
3. *Берн Э.* Лидер и группа: О структуре и динамике организаций и групп. – Екатеринбург: Литур, 2000. – 319 с.
4. *Карлоф Б., Седерберг С.* Вызов лидеров. – М.: Дело, 1996. – 351 с.
5. *Менегетти А.* Психология лидера. – М.: Онтопсихология, 2004. – 256 с.
6. *Райгородский Д.Я.* Психология руководства: Учебное пособие для факультетов: психологических, экономических и менеджмента. – Самара: Бахрах-М, 2005. – 768 с.
7. *Травин В.В.* Развитие управленческого потенциала: Учебно-практическое пособие. / Травин В.В., Магура М.И., Курбатова М.Б. – М.: Дело, 2004. – 128 с.
8. *Филонович С.Р.* Лидерство и практические навыки менеджера. – М.: Инфра-М, 1999. – 307 с.
9. *Яхонтова Е.С.* Эффективность управленческого лидерства. – М.: Теис, 2002. – 501 с.
10. *Алифанов С.А.* Основные направления анализа лидерства. //Вопросы психологии. - № 1. 1991. С.90-97.
11. *Горяинов В.П.* Концептуальная схема типологии объединений лидеров и их сторонников. //Социс. № 1. 2001. С.48-56.
12. *Дорошева М.В.* Подготовка резерва руководителей и выявление сотрудников с лидерским потенциалом //Управление персоналом. № 2. 1997. С.24-32.

13. Друкер П. Лидер перемен //Кадры. № 1. 2001. С.21-23.
14. Кестенбаум П. Воля к лидерству. //Кадры. № 9. – 2000. С.33-35.
15. Розанова В. Лидерство и руководство в антикризисном управлении //Управление персоналом. № 6. 2000. С.46-51.

ЭВЕНТОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУКАХ

О.Ю. Воробьев

(Сибирский федеральный университет, г. Красноярск)

Основная причина кризиса гуманитарных и социально-экономических наук заключается в том, что реальности, из которых складывается поведение разумных субъектов, оказываются ненаблюдаемыми для классической науки. Игнорирование этих проблем приводит к потере целостности гуманитарной и социально-экономической картины мира, к бессубъектности классической науки и культу рациональности.

Выход из кризиса возможен на основе эвентологических представлений (О.Ю.Воробьев, 2001), в которых интерпретация разумных субъектов и их поведения как меняющихся во времени эвентологических распределений позволяет неразрывно связать в единой эвентологической модели этические, морально-нравственные и социально-экономические intersubjectные отношения.

Эвентология описания гуманитарных и социально-экономических наук XXI века — это в первую очередь эвентология субъективного и intersubjectного восприятия и деятельности. Для этого необходимо описывать в эвентологических терминах не только материальный аспект взаимодействия разумных субъектов, но и идеальный аспект, связанный с тем, что сущность гуманитарных и социально-экономических процессов состоит во взаимодействии разумных субъектов как эвентологических распределений. Методы эвентологического описания взаимодействующих разумных субъектов вместе с их субъективными эвентологическими распределениями и составляют предмет эвентологического подхода в гуманитарных и социально-экономических науках.

В системном анализе под эвентологией можно понимать основанную на колмогоровской теории вероятностей науку сведения любых систем к системам событий и математического описания взаимодействий систем как взаимодействия эвентологических распределений. На этом пути удастся провести конструктивные исследования совпадений и различий между разумными субъектами и их поведением (О.Ю.Воробьев, 2006).

В докладе рассматриваются принципиальные отличия в организации эвентологических процессов у разумных субъектов гуманитарных и социально-экономических отношений в XX и XXI веках, приводится математическое описание эвентологического рынка XXI века, развиваются идеи intersubjectно-ориентированной эвентологической концепции (О.Ю.Воробьев, 2007) создания перспективных эвентологических сред поддержки поведения разумных субъектов в гуманитарных и социально-экономических системах.

НРАВСТВЕННАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ИННОВАЦИОННУЮ ЭПОХУ

И.А. Горюнов

(Государственный университет гуманитарных наук,
г. Москва)

Современная эпоха — время стремительных глобальных перемен, вызванных прогрессом науки, технологий, средств коммуникаций и работой трансгосударственного финансового механизма, способного концентрировать колоссальные денежные ресурсы (инвестиции) в любой точке нашей планеты для осуществления радикальных инновационных преобразований.

Стремительный инновационный прогресс во всех сферах жизнедеятельности современного общества дает и побочные результаты, высвобождая глобальные деструктивные силы в области политики, экономики, науки, в социальной сфере и т.д.

В условиях высвобождения колоссальных энергий разрушения, нарастания сил хаоса мы вынуждены жить и действовать в состоянии неопределенности и непредсказуемости, продвигаться, как отмечает Т. Дельнеш, на ощупь, шажками от неожиданности к неожиданности, влекомые событиями, контроль над которыми все чаще ускользает из-под нашей власти, а большее число из них мы просто не предвидим.

Мы вынуждены действовать в условиях неопределенности двойного рода: внешней и внутренней. Помимо стремительного изменения внешней окружающей среды в инновационную эпоху происходят и быстрые внутренние перемены: как в нас самих, так и в том социуме, с которым мы себя идентифицируем. Причем эти перемены могут иметь катастрофический характер.

В 1970-е годы обобщения (с помощью теории дифференциальных игр) подхода Льюиса Фри Ричардсона к моделированию процесса взаимодействия между государствами показали, что процесс развития любого государства содержит в себе возможность самоуничтожения. Причем выход на аттрактор самоуничтожения, по мнению Тьерри де Монбриаля, можно интерпретировать как плохое управление. Для предотвращения коллапса государства следует постоянно стремиться к изменению структуры системы, чтобы обеспечить ее стабильность, точнее контролируемые изменения.

Кто должен быть исполнителем этого «стремления», позволяющего сохранить «самость» (самоидентичность) системы в условиях стремительно нарастающего инновационного процесса? Безусловно, стратегический субъект, некое активно-деятельное образование, нацеленное на решение стоящих перед данным социумом проблем.

Какими качествами должен обладать этот стратегический субъект управления? Это, конечно, должен быть не *specialists* (специалист-профессионал в своей области), а *generalists* (круг людей с широким кругозором, знающих как действовать в самых неординарных ситуациях, структурировать обширную информацию и умеющих неординарно мыслить). Два-три человека с кругозором

generalists, опираясь на когнитивные технологии, могут составить стратегию развития региона, крупной корпорации или предприятия.

Однако научное познание, изучая фундаментальные свойства окружающего мира и обладая высокими прогностическими способностями, все-таки может предвидеть только непосредственное будущее. Чтобы заглянуть в далекое грядущее требуется «поэтическое вдохновение», поэтому все стратегическое мышление несет на себе печать «мгновенного взгляда» и «действия на основе решающего пункта».

Теоретические построения являются одним из главных ресурсов для стратегического субъекта. Однако без проявления воли и характера реализовать намеченную стратегию деятельности (тем более долгосрочную) невозможно. Волевое усилие — одно из основополагающих усилий, необходимых для осуществления поставленных целей. Французский генерал Андпе Бофр определяет стратегию даже как «диалектику волевых устремлений, использующих силу для разрешения конфликта».

Воля нужна прежде всего для преодоления возникающих препятствий, которые можно свести к следующим: своекорыстные интересы частных лиц (групп), расслабленность воли и страх.

Чем более глобальный проект реализует стратегический субъект, тем более значительные интересы большей группы лиц он затрагивает. Для последних действие, направленное на защиту своих интересов, легко приобретает более приоритетную значимость по сравнению с собственно экономическими доводами.

Как верно замечает М. Уэльбек, характерной чертой современного человека является расслабленность воли, которая не позволяет ему приступить к реализации выходящих в метафизическую плоскость проектов, а ограничиваться постмодернистскими играми в различных сферах бытия.

Однако главное препятствие на пути к активной преобразующей деятельности стратегического субъекта являются не своекорыстные интересы отдельных групп и даже не расслабленность воли современного человека, а страх. Современное состояние цивилизации (исполинское, таинственное, чуждое, враждебное и т.д.), происходящие в ней под воздействием инноваций премены не могут не внушать страха, причем страха иногда переходящего в ужас.

Преодолеть страх может только смелость, творческая деятельность по реализации глобальных проектов. Творя Историю, нельзя испытывать страха перед ней. В этой ситуации человек встает на один уровень с Историей, она мобилизует его на творческую деятельность, и места для страха не остается. Но для творчества нужна воля, источником которой являются трансцендентальные ценности и нравственность — моральный ресурс, обеспечивающий высокую мотивировку активной деятельности стратегического субъекта.

Наличие у стратегического субъекта трансцендентальной системы ценностей и глубокого чувства нравственного долга — важнейший фактор в успешной стратегической деятельности. Проведенные П.А. Сорокиным исследования состояний человека и общества в условиях бедствий, показывают, что если люди

с трансцендентальной системой ценностей и глубоким чувством нравственного долга обладают ценностями, которые не может у них отнять ни один человек и ни одна катастрофа, то при всех обстоятельствах они сохраняют ясность ума, чувство человеческого достоинства, самоуважения. Имея эти качества, они могут вынести любое испытание, каким бы суровым оно ни было. В то же время люди, которые опираются на так называемые «земные ценности» — богатство, славу, власть — в условиях кризиса оказываются лишними почвы под ногами, т.к. у них нет высшей цели в жизни, ни высшей мотивации к ней, которая бы поддерживала их в ситуации, когда утрачивается привычное положение, материальное благосостояние и т.п.

О сохранении нравственности как одном из главных условий достижения победы (успешной деятельности) писал и выдающийся военный теоретик и историк К. Клаузевиц: для того чтобы без ущерба пройти через беспрерывно возникающие столкновения с непредвиденным, необходимы два качества: прежде всего обладание духом, который даже в условиях этой все возрастающей неясности целиком не утрачивает всякого следа внутренней ясности, необходимой, чтобы продолжать идти к намеченной цели; и затем — обладание мужеством, чтобы неукоснительно следовать этому, пусть и слабому проблеску мысли.

Итак, осуществляющий стратегическую инновационную деятельность субъект для достижения своих целей помимо хорошей интеллектуальной подготовки должен обладать высокими моральными качествами (иметь целостную систему нравственных ценностей). К сожалению, как отмечает, например, Ю.М. Осипов, в 1990-е годы основы нравственной жизни были утеряны российским социумом: он принял участие в собственном преобразовании и довольно преобразился, правда, дорогой ценой — утратой трудно вырабатываемого, упорно и исторически долго внедряемого морального критерия.

Без возрождения нравственности, моральных устоев российское общество не способно к волевым усилиям по строительству современного государства и адекватным ответам на вызовы стремительно меняющейся под воздействием инновационной деятельности реальности.

РЕФЛЕКСИВНО-ДИАЛОГИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С УЧАЩИМИСЯ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛИЗМА ПЕДАГОГА

Г.И. Давыдова

*(Институт рефлексивной психологии творчества,
г. Москва)*

Изучение генетических основ становления рефлексии у человека показало, что одним из основных условий ее формирования является культивирование специфических форм общения, в том числе в диаде «взрослый-ребенок» [2]. Умение переосмыслить опыт своей деятельности со всей очевидностью выступает как одна из главных предпосылок для дальнейшего саморазвития челове-

ка, обуславливая тем самым положительное влияние на характер и результаты деятельности. Исходя из этого, воспитатель, обладающий способностью переосмыслить стереотипы собственного опыта, крайне необходим школе в современных условиях. Развивая свое мастерство, учитель тем самым становится источником творчества своих учеников, обновляя их мировоззрение, мышление, ценностные ориентации.

Практика рефлексивной психологии показала обусловленность степени рефлексивности особенностью смысловых содержаний личности, характером ее направленности, которая определяет то, как человек структурирует свой жизненный опыт, какая именно реальность является предметом его осознания и осмысления, какие способы поведения являются оптимальными в определенных ситуациях.

Метод диалогического взаимодействия в процессе решения творческой задачи разработан на базе исследования нами влияния рефлексивных процессов на изменение направленности личности в процессе преодоления проблемно-конфликтной ситуации, связанной с решением творческой задачи [1]. Эмпирически были выявлены закономерности процесса диалогического взаимодействия, определяющие циклический характер рефлексивного продвижения. Мы выявили три уровня (цикла) разворачивания рефлексивной активности внутри группы. Первый уровень взаимодействия возникает на уровне побуждения за счет механизма вовлечения в «энергопотенциал» задачи (проблемно-конфликтная ситуация — это дискомфорт, который сам по себе обладает «энергопотенциалом вовлечения»). На этом этапе учителю важно обозначить всю палитру суждений и выраженность в группе определенных типов личностной направленности. Второй уровень связан с процессом самонастраивания участников, когда актуализируются преобладающие в группе способы поведения, выделяется доминирующий тип личностной направленности. На этом этапе учитель «присоединяется» и активизирует рефлексивность актуализированных способов поведения, что приводит к их позитивному изменению. Третий уровень взаимодействия связан с переосмыслением других имеющихся интеллектуальных и личностных стереотипов, когда среди учащихся наблюдается осознание того, что решение творческой задачи предполагает относительную свободу от давления ранее накопленного опыта.

Очень важным для учителя в процессе рефлексивной практики является необходимость удержания событийной «метапозиции» - оставаясь «рядом» одновременно «быть» в области «надличностного». Такой психофизиологический механизм удерживания содержаний «надсознания» причастен с нашей точки зрения к тем проявлениям человеческой психики, какими являются творчество и непрерывающееся развитие нравственных ценностей.

Литература

1. Рефлексивно-психологическая концепция и инновационно-комплексные программы по игрорефлексике профессионального образования, социальной защиты и адаптации», учебно-методические материалы /под ред. И.Н. Семенова, Г.И.Давыдовой, Г.Н. Бершацкого. – М., 1996. 118 с.

2. Степанов С.Ю., Катрич (Давыдова) Г.И. Этапы становления рефлексивной способности и типов самооценки//Интеллектуальные системы и творчество, Новосибирск, 1990. С. 62-68.

РЕФЛЕКСИВНО-ДИАЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ РАЗВИТИЯ СУБЪЕКТА: ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА

Г.И. Давыдова, И.Н. Семенов

*(Институт рефлексивной психологии творчества,
г. Москва)*

Понадобилось 100 лет после первых работ Фрейда, чтобы преодолеть его интенцию к строительству психотерапии по образцу естественных наук. Новый этап заключается в том, что психотерапия как философская позиция может предложить новую парадигму познания для любых социальных и естественных наук.

Субъект такого нового познания может быть обозначен выражением составной субъект. Мы говорим сейчас о такой раскрываемой для нас перспективе, когда оказывается снятой проблема использования (исходно - фрейдовского, психоаналитического) метода непрофессионалом, специалистом в совсем иной области знания. То есть, предоставление знаний в процессе обучения тут – сторона пребывания в ситуации углубляющихся межличностных отношений.

При таком понимании вещей нам предстоит пересмотр самого понятия «достоверность знания», целиком принадлежащей уходящей, как можно думать, объективистской парадигме познания. Достоверно такое знание, которое существует в связи с другим нашим знанием, интеракциями, отношениями и действиями. Иначе говоря, речь идет не о достоверности самого знания, а о достоверности бытия того целого, стороной которого это знание является.

Центральным теоретическим и эмпирическим обоснованием рефлексивно-диалогической модели развития субъекта является положение об определяющей роли направленности, включающей в себя эмоционально-ценностную (Образ Я) и объективно-значимую (самооценка, Я-концепция) стороны Я, различение «подсознания» и «надсознания» (субъекта переживаний) и личности (объективированных, осознанных аспектов субъективности, имеющих место в социальной жизни). Направленность включает в себя три основные подсистемы: индивидуальная, социальная и надличностная идентичность.

Надличностная идентичность (событийная направленность) выступает как поддержка Другого в его попытке опереться на свою рациональность, на свою способность видеть вещи объективно. Иначе говоря, такая поддерживающая парадигма выступает как иной (событийный) способ познания мира: мышление, как способ рационального познания (Я - и - мир), оказывается включенным в процесс событийного способа познания мира как со-проживания опыта (Я – в- мире).

Идентичность и соответствующая ей структурно-динамическая модель самооценки определяют статус личности, ее проблемно-конфликтный потенциал, иначе говоря, – содержание психодинамики личности.

В этом смысле психодинамика преодоления конфликта в описанных рамках направленности и построенная на конфликте биологического (Оно) и социального (Сверх-Я) принципиально иная, т.к. предметом анализа во втором случае является лишь сфера подсознания. Категории надсознания нет места в системе психоанализа, поскольку в ней нет самостоятельной группы идеальных (познавательно-творческих) потребностей. Мы полагаем, что выделение в неосознаваемой сфере направленности явлений под - и надсознания имеет в своей основе диалектически противоречивое взаимодействие двух основных тенденций существования живой природы, столь же необходимых, сколь и противоположных друг другу, - тенденций сохранения и развития. В основе наших представлений о направленности личности лежит теоретическая модель понимания развития смысловых, рефлексивно-диалогических отношений личности. Переживаемое отношение выступает в качестве того центрального звена, которое вмещает в себя пристрастность, субъективность человека и одновременно предметность и объективность отображаемого им мира во взаимодействии с Другим.

ОНТОЛОГИЯ РЕФЛЕКСИИ, КОНТРАФЛЕКСИИ И КОНТРАРЕФЛЕКСИИ

С.А. Дацюк

*(Корпорации стратегического консалтинга «Гардарика»,
г. Киев, Украина)*

При концептуальном осмыслении виртуального мышления для задач, решаемых в неизданной книге автора «Теории виртуальности», в неизданных работах «Виртуальное управление» и «Контрафлексивное стратегирование», оказалось необходимым более детально исследовать онтологию рефлексии. Во-первых, предлагаемые в Теории Виртуальности различные уровни нормирования через различные реальности с одномоментным взаимозависимым конфигурированием разных уровней нормирования потребовали сопровождать их все разным рефлексивным мышлением: 1) сопоставление реальностей на одном уровне нормирования, 2) сопоставление разных уровней нормирования через входящие в них реальности и 3) конфигурирование разных уровней нормирования как взаимозависимых. Во-вторых, различие в Теории Виртуальности семиозиса и языка потребовало сопоставления разных типов рефлексии: структурной рефлексии семиозиса и лингвистической рефлексии языка. В-третьих, в современном мире человек все чаще оказывается не одной, а в разных реальностях, которые сопоставлены и нормируют друг друга непрерывно, по отношению к которым эпизодическая рефлексия этого человека недействительна. Так оказалось необходимым типологизировать рефлексии по способу занятия рефлексивных позиций и по рефлекслируемому содержанию, а также выделить особые случаи рефлексии — непрерывные контрафлексию и контрарфлексию.

Типология рефлексии: рефлексия у Декарта как сущность мышления в методе. Локк о рефлексии как эмпирическом опыте субъекта и предпонимание глубины

рефлексии. Интерпозиционная рефлексия Канта-Фихте и предпонимание горизонта рефлексии. Рефлексия в логике понятий у Гегеля, где понятие суть субъект смысловой рефлексии. Феноменологическая рефлексия Гуссерля суть различение позиций как актов мышления. Предпонимание контрафлексии у Хайдеггера как сопоставления Dasein-аналитики и Dasein-анализа. Интерсубъективная (ранговая) рефлексия Лefевра как субъективно-функционализованная интерпозиционная рефлексия Канта-Фихте. Смысловая (уровневая) рефлексия Щедровицкого как онтологизированная смысловая рефлексия.

Ограниченность интерпозиционной рефлексии Канта-Фихте-Гуссерля: позиция «Я» мыслит «не-Я», но не наоборот, а различные акты мышления не являются разнореальностными.

Ограниченность смысловой рефлексии Гегеля-Щедровицкого: различаются позиции рефлексии как переходы между реальностями, которые не сопоставляются (парадокс рефлексивности). Ограниченность интерсубъективной рефлексии Лefевра: позиции различаются как их носители-субъекты, а внешний объектный план полагается в единой реальности. Инструментальная ограниченность любой рефлексии: более мощная рефлексизирующая позиция является инструментальной для менее мощной рефлексизируемой позиции.

Уход в онтологии рефлексии от субъекта и объекта, которые предварительно рефлексивны, на более фундаментальный уровень. Основные онтологии рефлексии — интерпозиционная рефлексия основана на структурном нормировании, а смысловая рефлексия основана на лингвистическом нормировании. Формальная онтологизация типов рефлексий. Основы «АВ»-моделирования. Преодоление через «АВ»-моделирование проблемы суммы объектных и субъектных планов в алгебре Лefевра.

Интерпозиционная рефлексия и смысловая рефлексия: глубина рефлексии, горизонт рефлексии, мощность рефлексии, рефлексивная эффективность дриблинга и рефлексивной возгонки. Исчисление рефлексии.

Теоретическое представление о контрафлексии. Проявление контрафлексии в жизни и в теориях: фильм Мартина Скорцезе «Отступники» и «многомировая интерпретация квантовой механики» Хью Эверетта. Контрафлексия как процессно-реальностная сопоставленность позиций мышления в семиозисе. Что такое реальность, онтологические позиции истолкования и конструирования, семиозис. Контрарефлексия как одномоментное пошаговое сопоставление реальностей (контрафлексия) и позиций мышления (рефлексия). Допустимость контрафлексивного сопоставления разных типов рефлексий в семиозисе: интерпозиционной рефлексии (конструкт-семиозис) и смысловой рефлексии (метасемиозис).

Парадокс рефлексивности Щедровицкого и детальное изложение 14 шагов контрарефлексивной нормировки. Обозначение контрафлексии и контрарефлексии. Применение контрарефлексивной нормировки для формализации в семиозисе «АВ»-моделирования ситуации совместного проживания в дискретной контрамоции «А-Януса» и «У-Януса», описанной братьями Стругацкими в романе «Понедельник начинается в субботу».

Контрафлексия и диалектика Гегеля, и предпонимание Хайдеггера, и диалогичность Бахтина, и бинарная оппозиция и шизоанализ Делеза, и принцип дополнительности Бора, и коммуникативная философия, и интересубъективная рефлексия Лефевра. Коммуникативность знания как неразличение структурной контрафлексивности и лингвистической интересубъективности.

Представление о рефлексии и рефлексивная компетенция, расслоение общества через посредство дриблингов (компьютера, Интернет, масс-медиа). Виртуальное мышление — конструктивное контрафлексивное контрарефлексивное многомерно-рефлексивное концептуально-инаковое нормированно-конфигуративное многопроцессное мышление.

СОЦИАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ВРАЧЕВАНИЯ: ХОЛИСТИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ, АТРИБУЦИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И ОБРАЗ ЖИЗНИ

Е.А. Евстифеева (*Тверской государственный технический университет, г. Тверь*)

М.Н. Калинин (*Тверская государственная медицинская академия, г. Тверь*)

С.И. Филиппченкова (*Тверской государственный технический университет, г. Тверь*)

Одна из главных проблем современного российского общества, национальной безопасности и медицины - ухудшение многих показателей состояния здоровья населения России в последние годы. Среди новых технологий врачевания, расширяющих возможности человека — концепция холистического здоровья, ориентированная на пропаганду здорового образа жизни, на профилактику и лечение заболеваний. На базе кафедры философии и психологии с курсами биоэтики, культурологии и отечественной истории и кафедры общей патологии человека Тверской государственной медицинской академии ведется научно-исследовательская работа по теме «Социальная модель врачевания: холистическое здоровье, атрибуция ответственности и образ жизни» (Грант РГНФ — Центральная Россия: прошлое, настоящее и будущее (2007 г.), Е.А.Евстифеева, М.Н.Калинкин, С.И.Филиппченкова).

Под холистическим здоровьем понимается широкий спектр возможностей самореализации человека. Социальная модель врачевания, холистическая интерпретация здоровья получила разработку в философской, психологической, медицинской литературе у таких авторов как А.Маслоу, К.Роджерс, Г.Олпорт, К.Юнг, Э.Эриксон, Ш.Бюлер, Б.Г. Юдин, П.В. Тищенко, Г.Б.Степанова, Т.Б.Дмитриева и др. Холистический подход к здоровью репрезентирован в понятии «здоровье», закрепленном конституцией ВОЗ. Сегодня здоровье невозможно поддерживать средствами исключительно физикалистской медицины. В реабилитационный период, в период профилактики хронических заболеваний (среди которых сердечно-сосудистые заболевания, сахарный диабет) осо-

бенно значимой становится ответственность человека за свое здоровье. Ответственность за себя предполагает желание, мотивацию, способность индивидуума поддерживать стиль поведения, способствующий укреплению здоровья и отказ от дисфункционального образа жизни. Чувство собственной ответственности, готовности больных следовать предписаниям врачей и медицинскому режиму коренится в их мотивированности и волевых интенциях. В профилактический и реабилитационный период перенос ответственности за выздоровление на пациента, повышение его интернального локуса контроля предполагают вызов самоподдерживающих произвольных изменений, а также изменение статуса больного. Мы видим в пациенте активную фигуру, осуществляющую самоконтроль и саморегуляцию в реабилитационном и профилактическом процессе исцеления, которая призвана играть равную роль с врачом. От его ценностных установок, мотивации, связанной с сохранением здоровья, атрибуции ответственности зависит, в конечном итоге, успех врачевания.

Вместе с тем, по нашим наблюдениям, соблюдение пациентами требований по модификации образа жизни и стиля поведения остается проблемой. Очевидна опасность пассивного, инертного образа жизни и стиля поведения больных в период реабилитации, отчуждение своих проблем нередко, перенос ответственности на врача. Для оказания помощи больным с хроническим заболеванием в реабилитационный период (особенно - на катамнестическом этапе) необходимо использовать и стимулировать такие его ресурсы как ответственность, мотивационные предпочтения, волевые интенции.

Предмет нашего исследования — влияние ответственности и мотивации на поведенческий сеттинг при хроническом заболевании в период профилактики и реабилитации, психологический портрет человека с ценностными предпочтениями к здоровому образу жизни. *Объект исследования* — пациенты с ограниченными возможностями (хроническое заболевание). Основная *цель проекта* состоит в обосновании концепции холистического здоровья и социальной модели врачевания, расширяющей возможности самореализации человека в ситуации хронического заболевания, практической их апробации, разработке практических рекомендаций для программ реабилитации и профилактики.

Для достижения данной цели поставлены следующие задачи: идентифицировать поведенческий паттерн человека в реабилитационный период его хронического заболевания; составить анкету социально-психологического опроса, целью которого является выявление приоритетов образа жизни человека; провести социально-психологическую диагностику атрибуции ответственности, мотивации, локуса контроля, ценностных ориентаций, самооценки и волевых качеств личности; эксплицировать психосоциальные факторы, стимулирующие у больного поддержание здоровья; разработать психокоррекционную методику по стимулированию и поддержке здорового образа жизни путем оптимизации мотивации и личной ответственности, формирования ценности здоровья, развития волевых качеств личности; составить психологический портрет человека с ограниченными возможностями, замотивированного на здоровый образ жизни и стиль поведения. Исследование проводится на группе

больных с сердечно-сосудистыми заболеваниями и сахарным диабетом в количестве 250 человек на базе больниц и клиник Тверского региона.

В качестве основного результата видится экспликация валидности понятий и реалий «холистическое здоровье» и «социальная модель врачевания», социально-психологическая диагностика личностной готовности больных с хроническим заболеванием вести и поддерживать паттерн здорового образа жизни и стиля поведения, а также разработка практических рекомендаций по модификации образа жизни для людей с ограниченными возможностями.

О РЕФЛЕКСИИ НА ВАЛЮТНЫХ И ФЬЮЧЕРСНЫХ РЫНКАХ

Арт. Ф. Ерешко

(Вычислительный центр им. А.А. Дородницына РАН)

Введение

В задачах управления портфелем финансовых инструментов одно из центральных мест занимает проблематика построения моделей формирования неопределенных факторов, что в данном случае сводится к построению модели цен.

В работах Сороса Дж. [1] было предложено учитывать при построении моделей цен элементы рефлексивных взаимодействий, присутствующих на различных рынках. В теории управления, принятия решений и теории игр рефлексивное поведение и рефлексивное управление (управление с рефлексией) уже давно привлекает внимание исследователей. Основной содержательный мотив в этих работах связан с попытками активных участников предвосхитить, предугадать действия или намерения окружающих с тем, чтобы улучшить или вообще сформировать стратегию управления. С формальной точки зрения рефлексия можно рассматривать как проявление двойной обратной связи в моделях управляемых систем, что позволяет использовать для расчетов технологию имитационного моделирования.

Это направление было предложено в работах [2, 3]. Как и в [2, 3], термин рефлекс (рефлексия) используется для обозначения сознательного процесса формулирования объектом представления о действии окружающего мира и выработки на этом основании своего поведения. Сорос Дж. в вербальных моделях допускает положение, когда взаимоотношения между переменными могут быть внутренне противоречивыми [1, с. 86], что недопустимо при формальном определении. Разрешение противоречия видится в использовании описания в непрерывном времени и схем двойной обратной связи.

Раздел 1. Рефлексивность на валютном рынке

Предлагается формальная постановка задачи о рефлексии по Дж. Соросу на рынке валют. Исходными посылками являются экономические рассуждения [1], где описываются основные макроэкономические процессы, влияющие на обменный курс национальной валюты и приводятся рассуждения о значимости различных показателей.

Общие рассуждения

Сорос полемизирует с традиционными представлениями о равновесном развитии экономических процессов и настаивает на существенном влиянии рефлексивных взаимодействий на валютный рынок. Сорос утверждает, что опыт, накопившийся с момента введения в 1973 г. плавающих обменных курсов, опроверг традиционный взгляд на валютный рынок: вместо того, чтобы фундаментальные условия определили обменные курсы, обменные курсы нашли способ влиять на фундаментальные условия. Приемлемо было бы говорить о порочном круге, когда валюта падает, а инфляция ускоряется, и о круге благоденствия, когда происходит обратное.

Для описания взаимодействий на интервале существования круга благоденствия в непрерывном времени в соответствии с вышеприведенной формулой запишем в следующем виде:

$$\begin{aligned}\frac{de}{dt} &= \alpha(t)S(t - \tau) + \beta(t)\left(\frac{dS}{dt} - \gamma(t)\frac{dT}{dt}\right) + \delta(t)W_I(t, p), \\ \frac{dS}{dt} &= \varepsilon(t)\frac{dT}{dt} + \chi(t)\frac{d(e + i)}{dt}, \\ \frac{dT}{dt} &= W_T(t, q),\end{aligned}$$

где поворотная точка t^* определяется из условия: $S(t^*) = T(t^*)$; e – номинальный обменный курс валюты (количество единиц иностранной валюты на одну единицу внутренней валюты); i – номинальная процентная ставка; N – неспекулятивное движение капитала; S – спекулятивное движение капитала; T – торговый баланс; τ – интервал запаздывания и $\alpha(t)$ – коэффициент влияния спекулятивного капитала на скорость изменения обменного курса; $\varepsilon(t) < 1$ – рост спекулятивного капитала следует за ростом торгового баланса; $\beta(t)$ – коэффициент соотношения между скоростью изменения курса валют и разностью взвешенного роста капиталов; $\gamma(t)$ – коэффициент соотношения роста капиталов в их влиянии на скорость изменения курса; $\delta(t)$ – коэффициент влияния внешних факторов; $\chi(t)$ – коэффициент влияния роста обменного курса на рост спекулятивного капитала; $W_I(t)$ – сценарий влияния внешних фундаментальных факторов на формирование обменного курса; $W_T(t)$ – сценарий влияния внешних фундаментальных факторов на формирование торгового баланса. Вычислительные эксперименты приведены в [4, 5]

Раздел 2. Формирование цен на фьючерсном рынке

Фьючерсные контракты (по поставке товаров в будущие моменты времени) являются биржевым товаром и стандартными, как по условиям поставки, так и по базисному активу, который разрешен к поставке. После того как биржа установила все условия фьючерсного контракта, за исключением цены, она разрешает продажу контрактов. Ежедневная торговля организована так, что

каждая сторона контракта может продать на бирже в любой момент свое участие в контракте (свою часть).

В Соединенных Штатах фьючерсные контракты заключаются на такие активы, как сельскохозяйственные товары (например, зерно), природные ресурсы (например, нефть, медь), иностранная валюта (например, швейцарские франки), ценные бумаги с фиксированными доходами (например, казначейские облигации) и рыночные индексы (например, S&P 500). Стандартные условия данных контрактов позволяют относительно легко их создавать и в дальнейшем торговать ими любому лицу. Таким образом, спекулянты соревнуются в прогнозах на изменение цен.

Здесь, как и в предыдущих разделах, реальные цены влияют на фьючерсные цены, представление о будущих реальных ценах (фьючерсные цены) входит составной частью в процесс принятия решений на реальном рынке.

Формализация и вычислительные эксперименты

Введем обозначения: $f(t, T)$ – фьючерсная цена актива в момент времени t на поставку в момент времени T ; $p(t)$ – реальная цена (спот) актива в момент времени t ; $t_0 \leq t < \infty$, $t_0 \leq T < \infty$.

Визуализация

Поскольку фьючерсная цена зависит от двух переменных, то для исследования характеристик представлены графически сечения этой функции. Приводятся несколько характерных зависимостей для реализаций $f(t, T)$, полученных на массиве данных торгов фьючерсными контрактами на поставку нефти на Нью-Йоркской фондовой бирже (NYMEX).

Формализация

В соответствии с представлениями о равновесном рынке, в котором отсутствуют арбитражные возможности, формула «справедливой» цены фьючерсного контракта (приводится без учета расходов на хранение актива) имеет вид:

$$f(t, T) = p_s(t) e^{\lambda(T-t)}, \text{ где } \lambda - \text{ безрисковая ставка.}$$

В соответствии с описанными выше свойствами представим уравнения, описывающие динамику изменения спотовых и фьючерсных цен с учетом внешних воздействий и рефлексивных взаимодействий между реальными и фьючерсными ценами, в виде:

$$\frac{\partial f(t, T)}{\partial t} = e^{\lambda(T-t)} \frac{dp_s(\tau)}{d\tau} + \alpha W_f(t, T),$$

$$\frac{\partial f(t, T)}{\partial T} = \lambda f(t, T) + \beta W_f(t, T),$$

$$\frac{dp_s(t)}{dt} = \delta \frac{df(\tau, t)}{d\tau} + \gamma W_p(t),$$

где коэффициенты α , β и γ – соотносят внешние воздействия и скорости изменения цен; ζ – интервал запаздывания; τ – момент времени предшествующий t ,

$\tau = t - \zeta$; – коэффициент соотношения скоростей изменения цен; $W_j(t)$, $W_p(t)$ – сценарии воздействия внешних условий на изменения цен.

Предлагаемые соотношения для формирования сценариев цен с учетом рефлексии являются только первым приближением к одной из возможных технологий генерирования неопределенных факторов в задаче управления портфелем финансовых инструментов.

Литература

1. Сорос Дж. Алхимия финансов. – М.: Инфра-М, 1996. 416 с.
2. Ерешко Ф.И., Моделирование рефлексивных стратегий в управляемых системах. – М.: ВЦ РАН, 2001. – 47 с.
3. Ерешко Ф.И., Лохныгина Ю.В. Исследование моделей рефлексивных стратегий в управляемых системах. – М.: ВЦ РАН, 2001. – 37 с.
4. Соколов А.С. Исследование рефлексивных стратегий на валютном рынке, – М.: МФТИ, дипломная работа. 2002. – 20 с.
5. Байрамов О.Б. Модель рефлексии на валютном рынке. Сб. трудов научно-практической конференции «Современные сложные системы управления». – Воронеж, ВГАСУ, 2003. С. 80-82 .
6. Буренин А.Н. Фьючерсные, форвардные и опционные рынки. – М.: Тривола, 1995. – 240 с.
7. Шарп У., Александер Г., Бэйли Дж. Инвестиции: Пер.с англ. – М.: ИНФРА-М, 1998. – XII, 1028 с.

БОЛЬШИЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ГРУППЫ КАК КОЛЛЕКТИВНЫЕ СУБЪЕКТЫ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ И НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

А.Л. Журавлев

(Институт психологии РАН, г. Москва)

На анализе возможностей и особенностей исследования больших социальных групп как коллективных субъектов целесообразно остановиться несколько подробнее по целому ряду причин. *Во-первых*, для современной социальной психологии данная проблема исследования является принципиально новой, так как психология таких групп с позиций субъектного подхода ранее глубоко не анализировалась. Выделение и оценка (тем более строгое измерение) субъектных характеристик (свойств, качеств, состояний и т.п.) существенно дополнит понимание психологии больших социальных групп, которая по-прежнему остается небогатой в социальной психологии.

Во-вторых, исследование психологии таких групп именно как коллективных субъектов будет способствовать адекватному пониманию глубинных изменений, происходящих в современном российском обществе. Такие надежды связаны, с одной стороны, с необходимостью тщательного анализа изменений в социальной психологии ранее известных социальных групп: процессов осознания ими нового места, новых ролей в современном обществе, роста в целом их социальной активности, новых явлений в межгрупповых отношениях, в частности, интенсивного согласования действий с другими соци-

альными группами и т.д. С другой стороны, существует потребность в изучении психологии новых социальных групп, интенсивно возникавших в российском обществе в 90-е годы XX в. и продолжающих активно формироваться. Имеются в виду не только относительно изученные психологами за последние 15 лет социальные группы предпринимателей, безработных, деловых женщин и др., но и с недостаточно пока понятной психологией «новые русские», средний класс, «новые беспризорные», обманутые вкладчики, «зеленые», дворянское собрание, кадеты, правозащитники, новые профессиональные группы и т.д. Актуальной проблемой является исследование таких изменений в психологии и первых, и вторых отмеченных групп, благодаря которым они трансформируются в коллективных субъектов, способных реально влиять на состояние российского общества.

В-третьих, исследование психологии больших социальных групп с позиций субъектного подхода является вполне релевантным, позволяет расширить научное поле применения данного подхода, раскрыть его реальные теоретические возможности на новом объекте социально-психологического анализа — все это фактически будет способствовать развитию самого субъектного подхода в психологической науке.

В-четвертых, возрастающий интерес к использованию субъектного подхода в изучении психологии больших социальных групп неизбежно усилит интеграционные междисциплинарные связи социальной психологии и социологии, политологии, экономической и исторической наук и др., так как каждая из них имеет свой актуальный интерес к большим социальным группам. В этом взаимодействии социальная психология не просто сохраняет свое полноценное участие, но и является явно востребованной, продуктивно дополняющей научные представления о больших социальных группах.

Одним из перспективных направлений исследования является то, как зарождаются, становятся и развиваются собственно *субъектные качества* больших социальных групп, к которым, в самом первом приближении, относятся следующие: социальная активность и инициативность (наличие и уровень); социальная ответственность; степень самоорганизованности и самоуправляемости; умения, навыки и опыт совершения согласованных групповых действий, социального поведения; относительная автономность, независимость и самодостаточность; групповая саморефлексивность (наличие и уровень); открытость/закрытость для внутригруппового или межгруппового взаимодействия и др.

Выполненные в Институте психологии РАН Т.П.Емельяновой исследования больших социальных групп как коллективных субъектов позволили выделить социально-психологические феномены и механизмы, как правило, включенные в процесс становления, функционирования и развития коллективного субъекта. Первым таким феноменом является формирование *коллективных социальных представлений*, которые в процессе их конструирования социальными группами в условиях радикально изменявшегося российского общества выполняли не только *познавательные функции* или *функции ориентации* поведения, ранее известные из исследований более стабильных в социально-эко-

номическом отношении обществ. Обнаружено, что социальные представления фрустрированных групп российского общества (безработных, пенсионеров, особенно неработающих, некоторых групп госбюджетных организаций и т.п.) выполняют важнейшую *функцию поддержания позитивного эмоционального состояния*. Одним из действенных психологических механизмов реализации выделенной функции социальных представлений является функционирование *коллективной памяти*.

Другим важным социально-психологическим феноменом больших социальных групп как коллективных субъектов является *коллективный символический коупинг* (collective symbolic coping). В исследованиях больших групп данный термин впервые встречается у австрийского социального психолога В.Вагнера, который рассматривал дискурс в большом сообществе как один из конкретных способов коллективного коупинга. Конечно, коллективный коупинг реально существует не только в форме дискурса, необходимого для преодоления каких-то групповых проблем. В целом, он выступает важнейшим механизмом стабилизации группового поведения в сложных ситуациях, экстремальных условиях, при столкновении группы с реальными проблемами и т.п.

Изучение феноменов коллективной памяти и коллективного коупинга фактически являются новыми направлениями в отечественной психологической науке, которые целесообразно развивать, особенно в парадигме субъектного подхода, разработанного С.Л.Рубинштейном и его учениками К.А.Абульхановой, А.В.Брушлинским и др.

ПОТЕНЦИАЛ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ КАК СУБЪЕКТОВ СТАБИЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В РЕГИОНЕ (НА ПРИМЕРЕ ЮФО)

С.Ю. Иванова

(Южный научный центр РАН, г. Ставрополь)

Исследование политических процессов в России на региональном уровне актуализируется в связи с обострением ряда социально-политических проблем, всплесками конфликтности. На современном этапе развития российского государства актуализируется проблема сложившегося несоответствия качественного состава элит, механизмов их функционирования задачам управления динамическими социально-политическими процессами регионального уровня.

Этнополитические элиты российских регионов представляют собой относительно самостоятельные и влиятельные субъекты политического процесса, имеющие собственные интересы и определенные ресурсы для их отстаивания. Именно региональные этнополитические элиты являются «проводниками» общегосударственной политики на местах, служат опорными основаниями всего государственного механизма. Без тесного взаимодействия местных этнополитических элит с общенациональной элитой невозможно стабильное функционирование государства и общества. Это объясняется тем, что этнополити-

ческие элиты регионов являются одним из источников пополнения общенациональных элит, доминирующих в центральных властных структурах. «Близость» региональных элит к населению региона, возможность социальной и политической дестабилизации в регионе, проигрыша на очередных выборах, потери авторитета в глазах федерального центра, а также стремление укрепить свое положение заставляет региональные элиты выступать в качестве защитников региональных интересов.

Все более обостряется и становится необходимым научно обоснованное с конфликтологической точки зрения, решение проблемы моделирования и реализации политики адекватного воздействия на возникающие в регионах социальные напряжения и конфликтные ситуации. Среди такого рода субъектов ведущую роль на местах играют, региональные этнополитические элиты и их представители, поскольку само их руководящее положение в основных региональных структурах, как раз и позволяющее, зафиксировать их принадлежность к элитной группе, побуждает элиты к тому, чтобы контролировать, и в нужном направлении изменять ситуацию, как в этих структурах, так и в регионе в целом.

Этнополитическая ситуация в регионах Юга России меняется волнообразно. Факторы ее дестабилизации достаточно известны. Вместе с тем за более чем десятилетний период накоплен и определенный опыт стабилизирующего воздействия органами государственной и местной власти на конфликтную обстановку. Первоочередное значение здесь принадлежит созданию правового поля для стабилизации этнополитической ситуации региона.

Этнополитические элиты ЮФО обладают относительной самостоятельностью и «долевым пакетом» региональных социально-экономических и этнических ресурсов, сохраняя при этом преемственность прежним канонам и ценностям политического управления в кадровых, стилевых и профессиональных компонентах. В условиях стабилизации политических процессов в регионе доминантой становится своеобразная амбивалентность в настроениях этнократии: с одной стороны, потребность и ожидание появления сильной политической вертикали, с другой – желание сосредоточить больше властных полномочий.

Влияние региональных этнополитических элит на консолидацию северокавказских сообществ неоднозначно. С одной стороны можно выделить такие аспекты их конструктивного воздействия, как реализация новой стратегии, основанной на принципах сотрудничества, добрососедства и созидания мира и целостности государства, содействие формированию общероссийской идентичности, восстановление общекультурного пространства, взвешенная информационная политика. С другой стороны, эта деятельность ограничивается, и нередко блокируется сохранением этноклановости северокавказских сообществ, в отдельных случаях являющейся серьезным препятствием на пути стабилизации политических процессов в регионе.

Оптимизации стабилизационного потенциала этнополитических элит ЮФО в экономической сфере должно служить в первую очередь формирование со-

гласительного, неантагонистического коммуникативного контекста при выстраивании взаимодействия между различными субъектами экономического пространства. Эта деятельность может стать основой для реализации таких мер как прогнозирование ситуации на рынке труда, совершенствование качества управления социально-экономическим планированием, активное использование новейших управленческих технологий, адаптированных к территориальным условиям, содействие внедрению инновационных производств, активное участие в реализации Национальных проектов.

Политические идеологии элит субъектов Федерации оказывают значительное воздействие на формирование и дальнейшую политизацию региональных траекторий развития в виде различных «моделей». При этом в периоды идеологических и цивилизационных поисков проявляется двойная функция элиты как носителя идеоцивилизационных потенциалов, с одной стороны, и текущих политических интересов и стимулов, с другой. Идеологические проекты, становясь «формулами правления» локальных правящих групп, образуют поле региональных интересов. Эти интересы и стимулы подводят борьбу за соответствующие символы и смыслы непосредственно под прагматические цели умножения авторитета, безопасности и богатства.

Потенциал этнополитических элит в профилактике этнополитических конфликтов, состоит в наличии у них возможностей по созданию системы мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, организации прикладных исследований, взаимодействия со СМИ в контрпропаганде этнонационализма. Элиты успешно могут исполнять роль арбитражного фактора в деэскалации и урегулировании конфликтов, так как они обладают собственными ресурсами «убеждения в необходимости мира», неформальными связями с лидерами общественных и религиозных организаций. Следует отметить, что деятельность этнополитических элит способствует расширению экономических и культурных связей и выступает как фактор преодоления межнационального отчуждения и оказывают заметный вклад в установление партнерских отношений между регионами.

Одним из главных ресурсов в вопросе консолидации общества и формировании общекультурного пространства ЮФО может стать мониторинг этноконфессиональных отношений. В управленческой практике этнополитических элит одним из острых вопросов является проблема формирования толерантного сознания на региональном уровне и необходимость для органов власти вести работу по совершенствованию механизма взаимодействия органов власти с национально-культурными и религиозными объединениями с целью гармонизации межконфессиональных и межнациональных отношений и укрепления социального согласия.

ПРОБЛЕМЫ РЕФЛЕКСИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ И ТВОРЧЕСТВА В ОРГАНИЗАЦИЯХ (ПОСТ-)НОВОГО ВРЕМЕНИ

К.А. Казбеков

(Государственный университет – Высшая школа
экономики, г. Москва)

Мы сами должны стать теми переменами,
которые мы хотим увидеть.

Махатма Ганди

Время меняется. Стремительно изменяющейся мир обретает качественно иные по отношению к предыдущим эпохам черты, характеристики и свойства, такие, например, как:

1. *Рост неопределенности.* Неопределенность перестала быть чем-то случайным, быть транзитным периодом между массивными континентами стабильности. «Состояние неопределенности – это, по-видимому, не просто постиндустриальный барьер, транзитная ситуация, прохождение которой есть дело нескольких лет – нет, это возможно и есть основное определяющее качество Нового мира, в котором человечество будет отныне пребывать...» [5, Стр. 148].

2. Ужесточение конкуренции; развитие средств производства; многократное увеличение доли нематериальных активов в общей капитализации компаний; стремительное расширение сферы услуг и другие характерные атрибуты экономически развитых обществ формируют растущую *потребность в творчестве*. В конкурентной среде будущего недостаточно делать что-либо лучше или быстрее других, по-настоящему преуспеть можно только делая это *иначе*, постоянно развиваясь и обновляя себя, заглядывая «за» пределы очевидного, создавая инновационные проекты, устремляясь «туда, где никого нет». Развитие и применение творческих способностей становится необходимостью. Чтобы уцелеть на гребне постоянно меняющегося мира мы обязаны постоянно искать лучшие решения. Мы обязаны создавать новое. *Мы обязаны творить.*

3. *Скорость меняется.* Турбулентное развитие технологий сокращает время принятия решений до долей секунд. То, что вчера все мы считали прорывом, сегодня уже устарело. «В условиях слияния данных и их обработки власть заключается в молниеносной скорости – в быстроте, с которой мы можем получить доступ к данным и усвоить их в реальном времени, управлять ими без промедления» [2, с. 260].

4. Высокая скорость изменений, необходимость действовать в условиях неопределенности, растущая потребность в нахождении оригинальных творческих решений подталкивают компании к *трансформации своих организационных структур*, с целью обеспечить большую гибкость и открытость изменениям.

● вертикальная иерархия становится делом прошлого: неизвестно, кто способен в той или иной ситуации предложить лучшее творческое решение – руководитель направления или же начинающий стажер;

- стратегия перестает быть делом узкой группки высокопоставленных лиц и становится задачей всей компании;
- неуклонно растущая ценность знаний порождает создание целых корпоративных исследовательских центров, университетов и библиотек; и далее вплоть до полной трансформации привычных структур, ролей и способов организации труда.

5. Изменения условий существования порождают совершенно *новые требования к человеку, живущему в этих условиях*. Вне зависимости от занимаемой должности, сотрудникам организаций будущего предстоит иметь дело с образованными творческими людьми, как внутри своей компании, так и вне нее. Они уже не смогут, без существенной потери в эффективности, позволить себе быть деспотичными, негибкими или невнимательными к другим, не смогут позволить себе оставаться на месте. Неэффективность будет работать против них. Люди Новых организаций должны будут *уметь эффективно получать, передавать и анализировать информацию; продуцировать креативные идеи и творческие стратегии, продумывать альтернативы и принимать решения в ситуации чрезвычайно сжатого времени; работать в условиях полной или частичной неопределенности; создавать и поддерживать отношения, построенные на открытости, взаимоподдержке и доверии, там, где отсутствует жесткая иерархия, а бюрократия сведена к минимуму; непрерывно развиваться и оказывать поддержку в развитии другим; принимать на себя ответственность за результаты работы всей организации*.

Организация, сотрудники которой в новых условиях сохраняют ригидные стратегии поведения, становится чрезвычайно уязвимой, теряет клиентов и партнеров, проигрывает в борьбе за рынок, повторяет свои и чужие ошибки, растрчивает впустую ресурсы и упускает стратегические возможности [1].

В условиях глобальности описанных изменений, сказанное становится справедливым не только для организаций разного уровня, но также для отдельных людей, социальных групп и даже целых государств.

Основной инструмент специалиста (руководителя) будущего – это его личность, его мыслительные, творческие, коммуникативные способности. Практические знания и навыки, полученные в учебных заведениях, без соответствующим образом организованного мышления сгорают в момент. «Практика сама по себе не рождает понятий», как утверждал Г.П. Щедровицкий.

Соответственно, для обеспечения эффективности деятельности руководителей в новых условиях, требуется методически организовывать развитие их рефлексивных способностей – это уже аксиома.

Но здесь есть и другая сторона. Быть рефлексивным и, одновременно, творческим в атмосфере стремительных перемен оказывается ещё сложнее, чем быть только рефлексивным. И прерывать «поведенческий континуум, приостанавливать его непосредственное осуществление» [3] – что является естественным, по некоторым оценкам, условием протекания рефлексии – в условиях жесткого временного прессинга может оказаться чрезмерной роскошью для большинства руководителей. Вместе с тем, чрезмерная рефлексивность может негатив-

но сказываться и на самой способности к творчеству, на что неоднократно указывали некоторые исследователи.

Получается, что руководитель будущего (а во многом уже и настоящего) должен не только быть способен оперативно и корректно анализировать поступающую информацию, осуществляя регуляцию деятельности на самых разных уровнях: коммуникативном, кооперативном, интеллектуальном, личностном [7,8]. Такой руководитель должен быть способен предлагать инновационные, творческие решения, постоянно повышая свою эффективность и эффективность работы команды в условиях недостатка времени и информации, в реальности глобального, стремительно меняющегося мира. Для того чтобы это было возможно требуется системная организация качественного развития мышления и личности руководителя, не ограничивающаяся дискретным набором тренингов и семинаров, преимущественно бихевиорального, навыкового типа, объективно доминирующих сейчас в среде российского бизнес-образования.

Подобное развитие требует конструктивного объединения творческих энергий целого комплекса социальных групп: исследователей, проектировщиков, организаторов, исполнителей и т.д. Требуется привлечение широкого спектра знаний из самых разных областей науки и практики; организация централизованного обучения и развития, курируемого специализированными институтами; создание общегосударственных учебных и научных центров, посвященных проблематике комплексного развития управленцев в новых условиях; обеспечение непрерывности образования, преемственности между учебными заведениями и коммерческими организациями и т.д.

В условиях современной России это означает, помимо прочего, необходимость отказа от откровенно популистских мер, вроде «национальных проектов», направленных на «модернизацию экономики», и бессодержательного бюджетного «проектирования», реалистичность и конкретность которого сравнима с прогнозами Нострадамуса.

Необходимо инициировать сущностную перестройку государственных и общественных институтов, их взаимоотношений друг с другом и с обществом. А это уже, в свою очередь, невозможно без комплексной, последовательной реорганизации главенствующей социальной ментальности, основанной на безнадежно устаревающей диаде тоталитарного государства (доминирование — подчинение), закрепляющей в обществе установки на рецептивность, безынициативность, апатию, зависимость и бессильную ярость. Раба в себе надо вытравливать, — как мудро замечал когда-то С.С. Аверинцев.

Литература

1. Долгоруков А.М. Стратегическое искусство: целеполагание в бизнесе, разработка стратегем, воплощение. — М.: ООО «ИС-Публишинг», 2004. — 367 с.
2. Дрю Ж.-М. Ломая стереотипы. — СПб.: Питер, 2002. — 272 с.
3. Карлов А.В. Структурная организация рефлексивных процессов. Доклад. 2005.
4. Келле В.Ж. Трудности становления инновационной стратегии России: историко-социологический анализ // Рефлексивные процессы и управление, № 2, т. 3, 2003. С. 5–16.

5. Неклесса А.И. Люди воздуха или кто строит мир? / Клуб «Стратегическая матрица». – М.: Институт экономических стратегий, 2005. – 224 с.
6. Нордстром К.А., Риддерстрале Й. Бизнес в стиле фанк. Bookhouse publishing AB, 2000. – 279 с.
7. Семенов И.Н. Психология рефлексии в организации творческого процесса мышления: Автореф. дисс. ...доктор псих. наук. – М.: ПИ РАО, 1992. – 55 с.
8. Семенов И.Н., Степанов С.Ю. Психология рефлексии: проблемы и исследования // Вопросы психологии, № 4, 1984.

РЕФЛЕКСИЯ В УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Е.М. Ковшов

*(Самарский государственный технический университет,
г. Самара)*

Человеческой деятельности изначально присущ целенаправленный характер. Это связано с тем, что в деятельности предметы, связи и отношения отображаются и оцениваются в сознании как существенные или несущественные, пригодные или непригодные для достижения намеченной цели. Наряду с предметной (объектной), другой ипостасью деятельности человека, состоящей в неразрывной органической связи с первой, является деятельность общения, вхождения индивидов в отношения друг с другом.

Одной из важнейших и самых сложных сфер социальной деятельности является управленческая деятельность, задача которой состоит в поддержании связей между людьми, в регулировании их деятельности и общественных отношений.

Социально-рефлексивная деятельность сознания выполняет три главные функции: а) смыслообразование при порождении новых смыслов, производимой проективным типом рефлексии, который связан с построением планов, прогнозов и программ в процессе формирования и осуществления целей; б) смыслоустройства, осуществляемая благодаря рефлексии понимания, которая служит способом оценки и описания смыслового построения и содержания концептуальных схем, выражающих программы (или их фрагменты) уже свершившейся деятельности; в) координации деятельности субъектов на основе единого способа осмысления содержания институциональных норм, общности и различия целей в кооперации деятельности.

Рефлексия как компонент общественного сознания присутствует на всех стадиях формирования и функционирования социального института управления в трех взаимосвязанных аспектах в качестве: а) способа осмысления прошлого и проектирования будущего состояния; б) момента социальной организации системы; в) способа и средства оценки и выработки программ деятельности и отношений с другими системами.

В отличие от объектной (предметной) в управленческой деятельности предметом является сама деятельность. Управленческая деятельность – это деятельность по организации деятельности подчиненных, исполнителей, «управляемых» людей, это «деятельность второго порядка», то есть метадеятельность. Как

метадеятельность управление синтезирует в себе черты индивидуальной и совместной деятельности. Сущностной особенностью управления является то обстоятельство, что эта метадеятельность организует исполнителей, подчиненных на получение определенного результата, но сама непосредственно к нему не приводит, результат находится «вне» этой деятельности.

Руководитель в рефлексивных процессах планирования, прогнозирования, контроля событий по реализации принятой программы коллективом сам должен обладать навыками и умением осуществлять данные регулятивные процессы в себе, в собственной психике. Эти регулятивные процессы служат определяющими существенными факторами организации управленческой деятельности и ее успешности. Благодаря их системе становится возможным управление как таковое, при котором проводится регуляция собственной деятельности и деятельности подчиненных.

Активность сознания руководителя имеет двойную направленность: и на процесс организации деятельности подчиненных, и на ее результат. Такая двойственность предмета управления обуславливает сложность рефлексивного сознания руководителя. Но и у управляемых также имеется рефлексия, содержанием, которого является осознание своего места, своих функций в общей структуре совместной деятельности, перефразируя А.В.Суворова можно сказать, что каждый исполнитель должен знать свой маневр. Здесь рефлексивное взаимодействие субъектов совместной деятельности (руководителей и подчиненных разного уровня) выступает ведущим необходимым механизмом функционирования управленческой деятельности, который делает возможной саму эту деятельность.

В свете вышесказанного можно сделать вывод, что эффективность работы руководителя, умение осуществлять управляющие функции (целеполагания, планирования, принятия решений, контроля и др.) прежде всего, зависит от его умения эффективно организовать собственную деятельность.

Методология познания управленческой деятельности требует исследования и раскрытия закономерностей рефлексивной регуляции как основных механизмов понимания ее специфики и повышения эффективности

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ: СЦЕНАРНО-РЕФЛЕКСИВНЫЙ ПОДХОД

Д.А. Кононов, С.А. Косяченко, В.В. Кульба, И.В. Чернов
(Институт проблем управления РАН, г. Москва)

Организационные, экономические, социальные, политические системы характеризуются огромным количеством элементов и взаимосвязей между ними и окружающей средой, наличием разного рода неопределенности, в том числе отсутствием полной информации об их функционировании, неточностью количественных и качественных оценок параметров таких систем, разным уровнем и неравномерностью их развития, нелинейностью протекающих в них процессов и др. Поэтому проблемы прогнозирования развития сложных систем,

управления ими принято относить к слабоструктурированным. В то же время потребность в исследовании протекающих в сложных системах процессов становится все более острой и требует организации четкой научно-исследовательской методологии, могущей стать основой широкого круга общественных дисциплин. Необходимость в разработке целостной методологической системы возникает также в связи с интеграционными процессами в развитии науки и стремлением к освещению междисциплинарных проблем, что особенно актуально в последние годы. Рост российской экономики в 2001-2006 гг. превысил прогнозируемые темпы, но проблема выработки стратегий социально-экономического развития не отошла на второй план. Широко распространено понимание, что без соответствующей стратегии начавшийся экономический рост не станет долгосрочным и устойчивым. Дистанция между растущим спросом со стороны общества, рыночных субъектов на стратегические услуги государства и предложением таких услуг становится все более осязаемой.

На пороге XXI века мировое сообщество столкнулось с рядом *глобальных вызовов*. Глобализация Человечества все более набирает темпы. Убыстряются процессы интеграции человеческой деятельности и на этой основе обостряются противоречия между отдельными составными элементами мировой системы общезития. Это часто приводит к глобальным разрушительным последствиям [1].

В цикле работ [2-5] авторами предложена формализованная методология моделирования социально-экономических систем (СЭС) на основе системно-логического, структурно-социального, рефлексивного, информационно-логического и сценарного подходов.

Основной целью проводимых исследований является создание *аппарата* для изучения синергического (без явного управленческого воздействия, спонтанного саморазвития в соответствии с познанными или неизвестными объективными Законами Природы) и аттрактивного (с явным субъектом управления, преследующим определенную цель) поведения сложных систем, включающего теоретические и практические аспекты предложенной проблематики. В практическом плане это, в частности, позволит разработать стратегию выхода России из нынешнего системного кризиса, перехода к инновационному развитию, выстроить концепцию коэволюции социума, техносферы и биосферы, сформулировать принципы взаимодействия России и мира, оценить стратегические инновационные ресурсы, способы управления ими и эффективность их реализации.

В настоящей работе излагаются основные принципы применения сценарного подхода к проблеме оптимального, устойчивого развития социально-экономических систем. Вводится формализованное описание сценария бескризисного развития. Определения «бескризисной ситуации» могут быть различными, что определяется свойствами изучаемой СЭС и ее компонентов.

Сценарии безопасного развития характеризуют наиболее желательные способы развития СЭС, сохраняющие ее гомеостазис.

Рассматриваются синергические и аттрактивные сценарии развития. Для синергических сценариев изучаются режимы, обеспечивающие устойчивое,

бескризисное развитие социально-экономической системы. Для аттрактивных сценариев это является целью управления. Рассматриваются примеры формирования таких сценариев на основе использования модели развития социально-экономической системы, представленной на языке знаковых орграфов. Предлагаются формальные методы формирования сценариев: метод «Объект-субъект» и метод базисных сценариев, базирующиеся на полученных новых результатах математического исследования динамики поведения СЭС на знаковых орграфах.

Обсуждаются рефлексивные аспекты указанной проблематики.

В частности, результаты применения информационного управления через СМИ на информационное состояние системных элементов – субъектов действия СЭС.

Литература

1. Капица С.П., Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г. Синергетика и прогнозы будущего. — М.: Наука. 1997.
2. Кульба В.В., Кононов Д.А., Косяченко С.А., Шубин А.Н. Методы формирования сценариев развития социально-экономических систем /Сер. «Системы и проблемы управления». — М.: СИНТЕГ, 2004, — 296 с.
3. Кононов Д.А., Кульба В.В., Малинецкий Г.Г. Сценарии поведения сложных систем в чрезвычайных ситуациях /Пробл. безопасности при чрезвычайных ситуациях. — М.: ВИНТИ. № 5. 2001. С. 4-18.
4. Кульба В.В., Кононов Д.А., Чернов И.В., Янич С.С. Сценарии управления государством (на примере Союза Сербии и Черногории) //Проблемы управления. № 5, 2005. С. 33-42.
5. Кононов Д.А., Кульба В.В., Шубин А.Н. Информационное управление в социально-экономических системах: информационные акции в информационных полях // Проблемы управления. № 4, 2004. С. 81-97.

Работа поддержана РГНФ, проект № 05-03-03473а

ИНФРАСТРУКТУРА ПОДДЕРЖКИ ИННОВАЦИЙ – ОСНОВА ЭКОНОМИКИ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

В.Н. Костюк, Г.Л. Смолян

(Института системного анализа РАН, г. Москва)

Июль 2007 г. ознаменовался, наконец, новым видением перспектив развития России в глобальном мире. Совет безопасности РФ обсудил и одобрил проект «Стратегии развития информационного общества». Для того, чтобы эта стратегия получила программную реализацию необходимо понимать некоторые экономические закономерности движения к информационному обществу. Коротко рассмотрим их.

Во-первых, между развитием информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) и трансформациями в мировом финансовом и экономическом пространствах существуют глубинные взаимосвязи. ИКТ и информационно-коммуникационная инфраструктура служат необходимой «подложкой», техно-

логическим фундаментом этих трансформаций, обеспечивающих эффективное функционирование инновационных экономик в тех странах, где не только достигнут высокий уровень развития ИКТ, но и создана инфраструктура развития и самоподдержания инноваций.

Стоимость информации становится основной частью трансформационных издержек (издержек превращения материалов, энергии и информации в товары и услуги) и транзакционных издержек (издержек обращения). Эти издержки сначала несколько растут (благодаря большим расходам на НИОКР и рекламу), а затем стремительно падают (в результате роста производительности труда). Снижение затрат происходит и за счет децентрализации производства и продаж при росте их объема, а также за счет роста разделения труда (передачи ряда функций другим организациям и др.).

Рост производительности труда становится заметным не сразу, а спустя некоторое время (когда окупятся затраты на НИОКР) и когда новые технологии получают достаточно широкое распространение. В итоге постепенно уменьшаются средние издержки производства и обмена товаров и услуг, что делает их более доступными для потребителя.

Между тем, само возникновение и рост сфер применения новых технологий становится возможным только благодаря инновациям. Возникает цепь: инновации → новые технологии → рост производительности, длительное функционирование которой при определенных условиях и ведет к возникновению информационного общества.

Выявление этих условий имеет принципиальное значение. Одно из таких условий связано с переходом от инноваций к эффективно действующим технологиям. Инновация создает возможность ее выгодного (для граждан и общества в целом) применения, но в ней отсутствует механизм реализации этой возможности. Такой механизм должен возникнуть дополнительно, иначе инновации будут бесполезными.

Инфраструктура, о которой идет речь, состоит из трех основных элементов. Это:

- 1) государственная поддержка фундаментальной науки и НИОКР;
- 2) рыночная среда, основывающаяся на несовершенной конкуренции, обеспечивающей получение временной сверхприбыли от инноваций (т.е. механизм рыночного вознаграждения инноваций);
- 3) функционирование значительной и постоянно растущей части частного капитала в виде огромного венчурного фонда, представляющего собой эффективную форму самофинансирования открытий и изобретений на рыночной основе. Преимущества, которые имеет сегодня экономика США, в значительной степени основаны на том, что этой стране удалось создать инфраструктуру поддержки инноваций, основанную на широком применении всех трех перечисленных элементов*.

* Созданию такой инфраструктуры предшествует развитие инфраструктурных отраслей (транспорта, связи, оптовой и розничной торговли, стандартных жилищно-коммунальных услуг и пр.).

Соединение потока инноваций и инфраструктуры, обеспечивающей растущее их применение в экономике и общественной жизни, ведет к ускорению темпов экономического роста на больших интервалах времени, к значительному повышению уровня жизни (как в среднем, так и по основным социальным группам). Однако необходимым условием возникновения этого процесса является создание конкурентной рыночной среды и инфраструктуры, сделавшей возможным массовое применение удачных нововведений на основе вознаграждения каждого из них. Еще одним ключевым элементом успеха является рост индивидуальной свободы, свободы творчества и самовыражения, доступность хорошего образования для каждого индивидуума, быстрые темпы роста научных знаний. Рост индивидуальной свободы и возможности превратить собственные знания и умения в индивидуальное конкурентное преимущество способствует усилению потока инноваций, получающих практическое применение. Это одно из важнейших условий становления субъектов инновационного развития.

Инновации, в свою очередь, увеличивают неопределенность будущего, поскольку многие последствия их практического применения оказываются неожиданными и непредсказуемыми. Это повышает роль релевантной информации, способной уменьшить неопределенность, и значимость нестандартного индивидуального поведения, способного наилучшим образом приспособиться к неопределенности и, тем самым, усилить инновационный поток.

Таким образом, возникает опосредованный социальными и экономическими условиями самоподдерживающийся инновационный процесс, ведущий к становлению и развитию информационного общества. Схематически его можно выразить в виде самозамыкающейся последовательности: инновации → новые технологии → (рост производительности, уровня жизни и индивидуальной свободы) → увеличение значимости релевантной информации → новые инновации.

Некоторые элементы этой последовательности нуждаются в дополнительном пояснении. Прежде всего, это относится к понятию производительности. В конечном счете, именно рост производительности, распространяемый не только на товары, но и на услуги, создает преимущество информационного общества по отношению к предыдущим общественным формам. Инновации и новые технологии являются с этой точки зрения всего лишь средством. Эта цепочка неявно указывает на изменение характера технологического прогресса. Традиционная точка зрения состоит в выделении ряда сменяющих друг друга «инновационных волн», каждая из которых обладает вполне определенным, но конечным потенциалом воздействия на экономику и общественную жизнь. За последние 200 лет их было четыре. Первой (с 80-х гг. 18 в. по 40-е гг. 19 в.) была промышленная революция в Англии, в основе которой лежало использование энергии пара. Вторая волна (50-90-е гг. 19 в.) — эпоха железных дорог. Третья волна (первая половина 20 в.) была основана на растущем применении электроэнергии и массовом производстве автомобилей. Для современной, четвертой волны характерны рост атомной энергетики, господство новых информационных и других связанных с ними технологий. Принципиальное значе-

ние четвертой инновационной волны заключается в том, что процесс инноваций стал самоподдерживающимся и ускоренным. Наличие информационных и коммуникационных технологий, даже не самых совершенных, автоматически ускоряет инновационный процесс, позволяя проще и дешевле обрабатывать огромные количества информации и сокращая время, необходимое для создания новых продуктов и услуг. Одни инновации и технологии порождают другие инновации и новые технологии, причем в растущем объеме, и если удастся сохранить поддерживающие этот процесс конкуренцию и инфраструктуру, то впервые во всемирной истории потенциал текущих технологических изменений перестанет быть жестко связанным с каким-либо конкретным типом технологий и станет непрерывным и неограниченным («бесконечным»).

Однако этот процесс может оборваться, причем неожиданно. Несовершенная (монополистическая) конкуренция рождает временную монополию, основанную на конкурентном преимуществе, созданном удачной инновацией. Если эта монополия станет постоянной, дающей возможность получать сверхприбыль без последующих нововведений, то исчезнет одна из глубинных основ становящегося информационного общества. Другую угрозу составляет уменьшение степени индивидуальной свободы, рост препятствий к получению информации, отсутствие доступа к современному образованию, замедление темпов развития науки, понижение уровня жизни. Это отрицательно скажется на объемах используемого человеческого и информационного капиталов. Их сокращение не только уменьшит темпы экономического роста, но может привести к экономическому спаду, к возврату на траекторию циклического (чередование экономических подъемов и спадов) постиндустриального развития.

Не существует также единственно правильного пути, ведущего к информационному обществу. Общеизвестны огромные успехи США в этом направлении. В основе американских успехов лежат перечисленные выше инфраструктурные факторы, ведущие к огромному непрерывному притоку в страну зарубежных финансовых и человеческих капиталов. Но не менее впечатляющи (в пересчете на 100000 жителей каждой из стран) успехи Швеции, основанные не столько на притоке капиталов, сколько на массивных государственных инвестициях в социальное обеспечение и в массовое образование (при наличии развитого конкурентного рынка). Фактически это инвестиции в человеческий капитал, которые трансформируются в инновации и новые технологии.

НАБЛЮДАТЕЛЬ, ВЗГЛЯД, ДВОЙНИК И ПРЕДВИДЕНИЕ

С.А. Кравченко

(Академии труда и социальных отношений)

Однажды, когда я рисовал автопортрет по отражению в зеркале, мне вдруг показалось, что правый глаз превращается в другой, левый, зеркальный ему глаз, и все лицо как бы смещается, вернее, отражается зеркально правее от правого глаза. Эффект нарушения восприятия зеркального двойника сложно объяс-

нить, и я его изобразил с помощью компьютерной программы на рис.1, где видно, что ближний глаз превращался в свой зеркальный двойник, и создается эффект смещения портрета. То есть вокруг одного глаза сформировалось два лица, а правый глаз стал одновременно другим – левым.¹

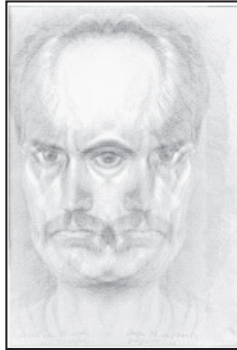

Рис. 1

Можно констатировать, что при длительном наблюдении своего лица в зеркале во время автопортретирования может наступать такое измененное состояние сознания (ИСС), при котором изображение лица двоится, но двоится зеркально, и ось удвоения проходит через правый глаз (в зеркале – левый), если художник повернут к зеркалу правым глазом.

Несмотря на то, что мы видим и пытаемся рисовать зеркальное отражение своего лица, мы можем увидеть свое лицо в естественном ракурсе, как на фотографии, т.е. не зеркально. Что-то подобное проявлялось и в других автопортретах, когда асимметрия лица на рисунке была такой же, как и в жизни, а не как в зеркале, что давало возможность распознать черты левой или правой части лица. В таком случае с рисунка

смотрит не изображение зеркального двойника, а изображение двойника истинного.

В.Лефевр в своей психографике², объясняя две позиции психолога, использует схему, которая подобна вышеупомянутому изображению. Только на рис. 2 у нас схема, а на рис. 1 – образ восприятия, где совместились объект (зеркальный двойник) и наблюдатель (двойник истинный), который визуализировался во вне, и уже сам превратился в объект наблюдения. Мыслями о психопатологии восприятия пока пренебрежем, так как здесь есть что-то большее.

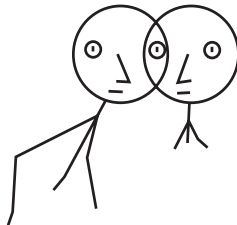

Рис. 2

Бесспорно, что для понимания смысла исследователь должен использовать свою психику как особый прибор. Левый человек (по Лефевру) – исследователь, правый – исследуемый объект. В.Лефевр замечает, что современные структурные методы, призванные обслуживать несовмещенный, объективный глаз, обретают смысл лишь в результате контакта исследователя с объектом (на схеме – совмещенный глаз). Вводя в текст левое и правое, следует уточнить, что схема в

нашем случае не есть зеркальное отражение, это схема наблюдаемого нами из вне объекта и исследователя. То есть мы (читатели) присутствуем здесь незримо, и то, что для нас правое, для изображаемых персонажей – левое. В том мире, что на рис. 1, незримое присутствие художника все понимают. И в первом, и во

¹ Подробный дневник эксперимента по автопортретированию на моем сайте по адресу http://proroki2005.narod.ru/avtoportret_graf.htm

² Лефевр В.А. Рефлексия. – М.: «Когито-Центр», 2003, – 318 с.

втором рисунке есть еще один персонаж, которым нельзя пренебрегать. В первом случае от отражен в зеркале и присутствует всегда, во втором – появляется в момент наблюдения схемы.

Проблема наблюдателя в современной квантовой физике играет ключевую роль. Более того, наблюдатель в теории Эверетта и в психологии ИСС объединяет физику и психологию в единую науку. Используя теорию опережающего отражения, следует поразмышлять о линии отражения, не забывая о лице и левом-правом.

Наблюдатель в автопортретировании сталкивается с проблемой левого-правого, что не пустое дело, как может показаться на первый взгляд. Вернадский в свое время заметил, что в неживых телах правизна-левизна не проявляется, другое дело – живое вещество. Свойство диссиметрии, по его мнению, различающее правое и левое не субъективно.³

Левое и правое может выступить основным отличительным признаком различия между отраженным и истинным двойником, где неразрывно есть и тема лица. Важен этот вопрос и для решения проблемы предвидения, так как именно левши склонны к интуитивному предвидению будущего. Вместе с этим, левое и правое тела связано с функциями полушарий мозга.

Г.М.Назлюян⁴ во время маскотерапии отмечает феномены перевоплощения в клиента и видение образов близких ему людей. Клиент психотерапевтического сеанса, в свою очередь, настолько перевоплощается в психотерапевта, что «видит мир глазами психотерапевта». Это патология или дар, который приводит к патологии восприятия или к особым возможностям постижения мира?

Чтобы пережить феномены маскотерапии автор прошел автопортретирование несколько раз, отразив все в дневниках и рисунках. Финалом автопортретирования всегда было переживание состояний умирания-возрождения, подобных феноменам С.Грофа, которые он переживал сам и наблюдал у других во время сеансов холотропного дыхания или ЛСД-состояний.

М.Бахтин в произведении «Человек у зеркала» пишет: «Не я смотрю изнутри своими глазами на мир, а я смотрю на себя глазами мира, чужими глазами; я одержим другим <...> Наивность слияния себя и другого в зеркальном образе. Избыток другого. У меня нет точки зрения на себя извне, у меня нет подхода к своему собственному внутреннему образу. Из моих глаз глядят чужие глаза».⁵

При обучении и воспитании, при эмпатийном контакте между людьми иногда происходит перевоплощение, и взгляд на мир одного человека может стать неотъемлемым содержанием другого. Более того, человек впитывает личность другого и отражает его лицо в своем лице. Все эти лица как субличности всплывают в сеансах маскотерапии.

³ Аксенов Г.П. В.И.Вернадский о природе и пространстве. Историко-научное исследование. М.: ИИЕТ им С.И.Вавилова РАН. 2006.

⁴ Назлюян Г. М. Концептуальная психотерапия: Портретный метод. – М.: ПЕР СЭ, 2002. – 239 с.

⁵ Бахтин М. М. Собрание сочинений, т. 5. Работы 1940-1960 гг. – М.: Изд-во «Русские словари», 1997.

Медитация на иконах в христианстве — это своеобразная психотерапия, внедряющая образа в сознание наблюдателя. А как же быть с фразой «не сотвори себе кумира»? Необходимо оставлять свое восприятие чистым, чтобы оно было способным отражать мир объективно, что есть особое искусство. Чистое восприятие всегда заполняется образом кого-то, тем самым в него перевоплотившись, и познав его. Чистая душа, душа опустошенная - способна к восприятию чего угодно. Именно в таком состоянии возможно вчувствование и видение объекта познания не только в настоящем времени, но и в его перспективе. Так можно объяснить предвидение событий будущего, которые иногда происходят спонтанно. Но также можно объяснить и потерю себя, когда внутренний образ замещается другим и в патологии человек не узнает себя в зеркале.

На линии профиля также будто бы находится зеркало, отражая левое в правом и наоборот. Но левое от правого в человеческом теле всегда незначительно отличается. Незначительная асимметрия есть что-то спасительное от бессмысленной зеркальности. Левая часть лица — зеркальный двойник правой, плюс еще что-то. Также и человек у зеркала. Мы видим свое отражение, но в нем нет нас тех, что есть на фотографии, где стороны не поменялись местами. Зеркальный двойник — динамичен, фотография - статична. Двойник, созданный видеокамерой и синхронно демонстрирующий нам нас самих в динамике — это наиболее истинный двойник, эффекты которого еще никто не изучал. Цивилизация движется к созданию истинных двойников человека, которые могут воплотиться в особой геометрии пространства и таком времени, которое содержит в себе будущее.

Оси удвоения наблюдателя, асимметрия и диссиметрия, ориентиры в осознании себя, и других в нас, двойники зеркальные и истинные, и их визуализация во вне и в других людях, психика как особый прибор, левши и их склонность к интуитивному предвидению будущего, феномены перевоплощения и патология восприятия, точки зрения на себя из вне, подход к своему собственному внутреннему образу, чужие глаза в наших глазах, чужие лица на нашем лице и видение объекта познания в его перспективе. Используя эти понятия, можно объяснить предвидение событий будущего, которые иногда происходят спонтанно, и разработать технологию предвидения будущего.

ТРАНСВЕРСАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ РЕФЛЕКСИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

А.А. Кузьмин

*(Новгородский государственный университет,
г. Великий Новгород)*

Идеализация рефлексии в качестве источника и способа для выражений человеческой личностью ее свободных проявлений несет весомую часть нагрузки за обостренный интерес к ней со стороны исследователей. Последнее обстоятельство связано с тем фактом, что рефлексии по-прежнему признают за

важнейший механизм взаимодействия, отвечающий природе функционирования таких сфер жизнедеятельности человека, как экономическая, политическая, социокультурная и т.д. В связи с этим возникает правомерный вопрос. О какой, собственно говоря, рефлексии идет речь у авторов многочисленных отсылок к этому концепту? Отвечая на этот вопрос, неизбежно приходишь к выводу, что в условиях возрастающего плюрализма форм рациональности имеет смысл обсудить и возможность нередуцируемого плюрализма трансверсальных структур и конфигураций рефлексии. Она, пожалуй, не столь очевидна, как изоморфизм традиционной рефлексии.

Мы в своих работах [1, 3] выделяем три уровня трансверсальных структур рефлексии: исходно рефлексивный или просто рефлексивный, метарефлексивный и саморефлексивный.

Рефлексивный уровень любой рациональности будет определяться по отношению к нерефлексивному как его оппозиция, поскольку последний неизбежно отождествляет структуры знания с объективными структурами представленной в нем реальности. Рефлексивный же уровень рациональности, как правило, связан с процедурами по вычленению субъекта или агента (познающего, действующего, понимающего, коммуницирующего) из системы отношений и взаимодействий (познавательных или практико-преобразующих) и его обращением к осмыслению собственных действий и их оснований. Метарефлексивный уровень рациональности будет нацелен на выявление дифференциаций между познавательными отношениями человека к миру, способствует опротоотношений; объясняет принципы, приемы, средства, методы исследования процессов познания (действия, понимания, коммуникации), раскрывает природу, происхождение и сущность объективированного знания и внеаучных форм познания (действия, понимания, коммуникации), и тем самым предполагает обратное вхождение рациональности в себя с помощью собственных операций. Большое значение на этом уровне рефлексивной рациональности отводится обсуждению вопросов формирования субъекта или агента познавательной, интерпретативной, коммуникативной деятельности сквозь призму их социокультурной опосредованности и выявления историко-культурного характера. Саморефлексивный уровень рациональности будет связан с реконструкцией и трансформацией знаний о самой рефлексии. Трансверсальные структуры рефлексии вопреки партикулярности рефлексивной рациональности пронизывают все формообразования разума как в диахроническом, так и в синхроническом планах. «Это различие уровней, — говоря словами Н.Лумана, — не относится к высказываниям о бытии или о сущности вещей в смысле *analogia entis* [аналогия сущего]. Оно является лишь формой разворачивания парадоксальности некоторого единства, включенного в самого себя, и выражает специфическую функцию: содействие идейному обмену между дисциплинами и усиление потенциала взаимного развития. Поэтому данное различие и не является высказыванием о бытии, а представляет собой специфически научную конструкцию».

Иными словами говоря, философия под воздействием многочисленных фактов познавательного характера, начиная с Декарта, отказалась от идеи последнего основания. Соответственно, в такой гносеологической ситуации единство разума может поддерживаться только трансверсальными структурами рефлексии, описание которых, уже само по себе независимое от типичных особенностей предметных областей знания, способствует восстановлению идеи целого, опирающейся сегодня на диверсификацию, многоплановость и неоднозначность.

Литература

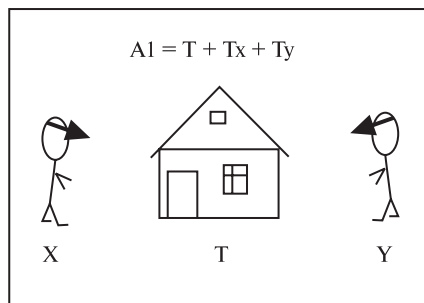
1. Кузьмин А.А. Критика рефлексивного разума / НовГУ им. Ярослава Мудрого. – Новгород, 1998.
2. Луман Н. Общество как социальная система, Пер. с нем./ А. Антоновский. – М.: Логос. 2004.
3. Насонова Л.И., Кузьмин А.А., Лазебный Л.И. Рефлексия и рациональность в социальном познании/ Под ред. В.В.Миронова: Монография. – М.: Знак, 1998.

РЕФЛЕКСИВНЫЙ ПОДХОД И ЭВЕРЕТТИКА

Ю.А. Лебедев

(МГТУ им. Н.Э.Баумана, г. Москва)

С точки зрения психологии, «методы объективного описания систем вместе с их субъективными внутренними мирами и составляют предмет рефлексивных исследований. Специфика таких исследований может быть пояснена следующим метафорическим примером.

На рисунке изображен домик, слева от которого находится человек X , а справа — человек Y . Реальность, лежащая перед внешним наблюдателем, который рассматривает этот домик с двумя человечками, будет обозначаться буквой T . Пользуясь методами естественных наук, он может дать как угодно полное описание этой реальности. Однако такое описание не удовлетворяет ни психолога, ни социолога, поскольку их интересует не только физическое описание, но и то как именно отражают домик человечки X и Y , глядящие на него с разных сторон. Их взгляд на этот объект может принципиально отличаться от взгляда внешнего наблюдателя. Обозначим картины, которые лежат перед X и перед Y как T_x и T_y .

Теперь реальность $A1$, которая интересует психолога или социолога, может быть обозначена как символическая сумма: $T + T_x + T_y$. Это совокупность физического аспекта и субъективных представлений» (В.Е.Ленский. От редактора // Рефлексивные процессы и управление», № 1, 2001 г.).

Теперь реальность $A1$, которая интересует психолога или социолога, может быть обозначена как символическая сумма: $T + T_x + T_y$. Это совокупность физического аспекта и субъективных представлений» (В.Е.Ленский. От редактора // Рефлексивные процессы и управление», № 1, 2001 г.).

Совокупность физического аспекта и субъективных представлений является одним из центральных объектов и рефлексии, и эвереттики. По определению Международного энциклопедического словаря «Глобалистика», эвереттика — это «область духовной деятельности, направленной на осознание и описание многомирия как фундаментальной характеристики бытия» (Ю.А.Лебедев. Эвереттика / Глобалистика. — М.-СПб. ИД «Питер», 2006 г., 1160 с).

И с точки зрения эвереттики представленная картина — одна из проекций объемной голограммы Мироздания. Если принять, что T — это именно «реальный домик», то эвереттически он может быть представлен как

$$T = \sum_{i=1}^{i=n} T_i,$$

где T_i — любой возможный вариант строительства с использованием заданного количества стройматериалов. Важно подчеркнуть, что n — очень велико, но конечно, и T — это не единственная физическая реальность, а мультиверс.

Точно также, каждый из T_x и T_y — это не наблюдатели, а мультивидуумы:

$$T_x = \sum_{j=1}^{j=n} T_{x_j}; \quad T_y = \sum_{k=1}^{k=n} T_{y_k},$$

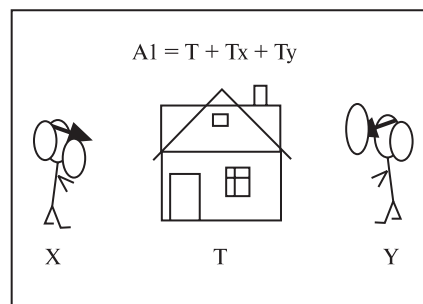
а $A1$ будет являться *Мирозданием*, которое включает в себя огромное количество *реальностей*.

Из сопоставления рисунков очевидно, что эвереттический подход к раскрытию структуры Мироздания (Реальности) позволяет обнаружить новые звенья цепей рефлексивных взаимодействий, причем новизна состоит не только в их количестве, но и в новых качествах. При $i = j = k$ мы имеем дело с привычными нам «классическими мирами», а при $i \neq j = k$, или $i = j \neq k$, или $i \neq j \neq k$ мы попадаем в реальности с эвереттическими склейками, т.е. в реальности с «парадоксальными элементами».

Все это ставит перед теорией рефлексии в психологии новые задачи описания и осмысления новых комплексов реальностей.

Для эвереттики рефлексивный подход играет важную методологическую роль. Для разьяснения последнего утверждения стоит остановиться на понятиях *физического* и *психического*. Дихотомия мультиверс — мультивидуум, рассматриваемая в эвереттике, не равнозначна ни дихотомии «материальное — идеальное», ни дихотомии «косное — живое», ни, тем более, дихотомии «бездушное — духовное».

Физичность в данном случае означает лишь то, что обладающая ею сущность в результате квантовомеханического взаимодействия становится той частью

классического мира, состояние которой фиксируется в памяти наблюдателя. Это — *объективный полюс* Мироздания.

Психичность — это способность наблюдателя фиксировать в своей памяти состояние классического мира, в котором он пребывает. Поскольку именно в его памяти отражаются и физическое состояние классического мира и его изменения, это *рефлексивный полюс* Мироздания.

Согласно утверждению Эверетта, память — это универсальная принадлежность *всякой* волновой функции, а потому роли мультиверса и мультивидуума являются условными, объективный и рефлексивный полюса Мироздания могут «меняться местами» в зависимости от того, в каком из них находится таинственная сущность «Его», делающая данный полюс Мироздания активным анализатором собственной памяти.

Изучение сущности «Его» и сложной рефлексивной структуры Мироздания должно стать предметом более высокого мета-уровня познания и относиться к гёделевским пределам познавательного потенциала эвереттики.

Поскольку осознаваемое сегодня Мироздание в целом саморефлексивно, можно заключить, что источник активности этой рефлексии, то, что управляет поведением «Его», скрывается на следующем, ещё более высоком мета-этаже Мироздания.

С другой стороны, в соответствии с Пятой аксиомой эвереттики о голографичности структур мультиверса и мультивидуума, можно обнаружить проявления рефлексии и на «более низких» мета-этажах Познания.

И не случайно основоположник современной теории рефлексивности В.А.Лефевр выявил математические связи морали и термодинамики у негуманоидных субъектов. В этой незаурядной работе В.А.Лефевр находит поразительное математическое соответствие поведения морального субъекта и космической системы, состоящей из тепловых машин и аккумуляторов тепла на примере объекта SS433. Лефевр пишет о сути своей работы так: «В этой книге я ввожу формальную модель субъекта, обладающего совестью и развиваю мысль, что одной из материальных основ совершенных космических существ могут быть магнитно-плазменные образования, родственные магнитосферам звезд и планет» (В.А.Лефевр. Космический субъект. — М.: Изд-во «Ин-квартио».1996. — 183 с.).

Так что нельзя исключить, что «и у нас» наступят времена, когда мы будем сопереживать не только моральным терзаниям принца датского, но и сочувствовать какому-нибудь измученному перегревом бедолаге, который, согласно техническому описанию, «представляет собой цилиндр с эллиптическим днищем, внутри которого установлен цилиндр с коническим верхом, заканчивающимся цилиндрической головкой».

Сегодня для нас — это просто теплообменное устройство, «железяка», и даже возникновение мыслей о наличии у него «переживаний» побуждает обратиться к психиатру, а завтра переживания этого субъекта «с эллиптическим днищем и цилиндрической головкой» могут оказаться под защитой какого-нибудь «Комитета по делам технических соцменьшинств»...

Рефлексивный подход, как инструмент анализа взаимодействия полюсов соотнесенных состояний, пока только обозначил свое присутствие в области анализа эвереттических процессов. И дальнейшее его использование обещает быть плодотворным как для эвереттики, так и для теории рефлексии.

ОНТОЛОГИИ СУБЪЕКТНО-ОРИЕНТИРОВАННОЙ ПАРАДИГМЫ СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ

В.Е. Лепский

(Институт философии РАН, г. Москва)

1. Исходные посылки. Бурные изменения современного мира бросили вызов сложившимся в XX веке концепциям управления и развития социальных систем. Эти изменения в первую очередь связаны с процессами формирования постиндустриального общества, процессами глобализации, снижением роли государств и увеличением роли «скрытых» субъектов социального управления. Указанные изменения в XXI веке становятся фундаментальными, поэтому и **способность систем к изменениям** должна быть все более глубокой и масштабной. Очевидна при этом постоянно возникающая необходимость «выхода» за рамки нормативного подхода, фактически нормой становится выход за пределы нормы. Отсюда актуальность проблемы динамичной самоорганизации социальных систем — формирования адекватных форм и типов виртуальной субъектности.

Ключевой проблемой совершенствования концепций социального управления и развития становится проблема легитимности субъектов властных полномочий. С конца 1960-х гг. во всем мире наблюдается кризис механизма легитимации власти, характерного для современных обществ.¹ Это связано в значительной степени со снижением роли государства в связи с процессами глобализации, а также с дискредитацией демократических процедур делегирования властных полномочий гражданами через традиционную систему выборов.²

В России с середины 1980-х годов эти тенденции резко усилились в связи с социальными и экономическими изменениями, которые повлекли за собой крайне важные социально-психологические последствия. В условиях, когда значительная часть населения оказалась в «пассивной» позиции по отношению к своей роли быть носителем суверенитета и источником власти, создаются благоприятные возможности для осуществления различного рода манипуляций по управлению свободным волеизъявлением народа. А это, в свою очередь, провоци-

¹ Марков М.С., Царик Ю.Ю. Концептуальная схема механизма легитимации – основа проектно-идентификационного подхода к идеологии и политическому консалтингу // Рефлексивные процессы и управление. Том 7, № 1, 2007. С. 22-33.

² Лепский В.Е. Преодоление «бессубъектности» российского развития через совершенствование системы национальной безопасности // Рефлексивные процессы и управление. № 1, 2007. С. 5-21.

рует нарушение Конституции Российской Федерации (Статья 3): *“Никто не может присваивать власть в Российской Федерации. Захват власти или присвоение властных полномочий преследуется по федеральному закону”*.

Наибольшее влияние на эти процессы оказали снижение роли государства как субъекта власти, массовое использование политических технологий, бурное развитие СМИ.

В новых условиях снижения легитимности государства как ключевого субъекта власти гражданин теряет доверие к институтам легального господства, не обеспечивающим минимум инфраструктуры развития. По данным Левада-Центра, оценка гражданами России степени своего влияния на то, что происходит в стране: 62% никакого влияния; 35% крайне слабое; 3% довольно большое. Одновременно примерно половина граждан ощущает хоть какую-то ответственность за все то, что происходит в стране³. Они начинают искать пути сохранения своей созидательной жизненной позиции и новые ориентиры для идентификации⁴.

Субъектом власти в эпоху рефлексивного модерна⁵ становится тот, кто оказывается способным адекватно осмыслить (либо конструировать) реальность, определять свое место в мире, ставить цели деятельности и развития, формулировать кооперативный проект действия в мире. Сегодня в мире уже зарождаются новые технологии и формы власти, например, нетократия.⁶ Это видение концептуализируется и получает самоназвание, на базе чего выстраивается *«проектная идентичность»*⁷.

Фактически речь идет о формировании «сборки» на основе проектной идентификации коллективного субъекта социального управления и развития; субъекта – *среды (сети) проектной идентификации*. При этом субъект властных полномочий (лицо, принимающее решения, – ЛПР) выступает как составная часть этой среды, но с особыми делегированными ему полномочиями.

В данных тезисах выделим аспект организации взаимодействий субъекта властных полномочий и среды проектной идентификации, при этом в центр рассмотрения будет поставлен субъект властных полномочий.

2. Вариант позиционирование субъекта властных полномочий. Базовые позиции:

- выполнение устоявшихся (нормированных) видов деятельности (проектов) и социальное воспроизводство их субъектов;
- преодоление точек разрыва устоявшихся видов деятельности (проектов);

³ Агеев А.И. Зов истории // Экономические стратегии. 2007, № 1. С. 7.

⁴ Марков М.С., Царик Ю.Ю. Концептуальная схема механизма легитимации – основа проектно-идентификационного подхода к идеологии и политическому консалтингу // Рефлексивные процессы и управление. Том 7, № 1, 2007. С. 22-32.

⁵ Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуриации. 2-е изд. – М.: Академический Проект, 2005. С. 239-441.

⁶ Денисов А.А. Нетократия и рефлексия // Рефлексивные процессы и управление. Том 7, № 1, 2007. С. 33-49.

⁷ Castells M. The power of identity / by Manuel Castells. – 2nd ed. – Information age, economy, society and culture, v.2. Blackwell Publishing. 2004. P. 8-12.

- развитие (создание новых) устоявшихся видов деятельности (проектов) и их субъектов;
- освоение новых видов деятельности (инновационных проектов).

3. **Онтологические схемы (онтологии)** организации взаимодействий субъектов властных полномочий и среды проектной идентификации. В соответствии с предложенным вариантом позиционирования субъекта властных полномочий предлагается система онтологических схем:

- конструирование новых видов деятельности (проектов);
- развитие устоявшихся видов деятельности (проектов);
- внедрение инновационных проектов новых видов деятельности;
- сопровождение устоявшихся (нормированных) видов деятельности (проектов);
- поддержка субъектов властных полномочий в точках разрыва устоявшихся видов деятельности (проектов).

Эти схемы не только не являются альтернативными, более того, они дополняют друг друга и задают систему онтологии субъектов социального управления и развития. Детализация этих онтологий, применительно к организации управленческой деятельности в условиях компьютеризации, представлена в моих ранних работах, в которых обобщен опыт и намечены пути совершенствования механизмов социального управления (1970-1990 годы)⁸. В настоящее время проводятся исследования, направленные на совершенствование субъектно-ориентированной парадигмы социального управления и развития с учетом реалий современной России и мирового сообщества в целом⁹.

Работа выполнена при поддержке РГНФ, исследовательский проект 05-03-03473а

⁸ Лепский В.Е. Концепция субъектно-ориентированной компьютеризации управленческой деятельности. – М.: Ин-т психологии РАН, 1998. – 204 с.

⁹ На пути к постнеклассическим концепциям управления / Препринт под ред. В.И.Аршинова и В.Е.Лепского. – М.: Когито-Центр, 2006. Проблема субъектов социального проектирования и управления / Препринт под ред. В.И.Аршинова и В.Е.Лепского. – М.: Когито-Центр, 2006. – 240 с. Лепский В.Е. Стратегичность предприятий XXI века // Экономические стратегии. 2006. № 7. С. 110-118. (www.reflexion.ru)

ТЕХНОЛОГИЯ РЕФЛЕКСИВНОГО ПОДХОДА К ПРОЦЕССУ ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

И.Г. Липатникова

*(Уральский государственный педагогический университет,
г. Екатеринбург)*

В настоящее время современному обществу необходим конкурентно способный человек, умеющий быстро реагировать на постоянно меняющиеся условия жизни, критически мыслящий, обладающий способностью к выбору, умеющий преобразовывать свою деятельность и направлять её на достижение

поставленной цели. В связи с этим все больше требуются специалисты, отличающиеся мобильностью, самостоятельностью, изобретательностью.

Вместе с тем выпускники педагогических вузов, являясь в будущем «строителями человеческих душ», должны в первую очередь обладать вышеперечисленными качествами. Решение данной проблемы мы видим в организации рефлексивной деятельности в процессе обучения студентов в педагогическом вузе.

Важно помнить, что рефлексия является основой развития и изменения человека, соответственно, при такой организации обучения в вузе развитие студента будет одновременно сочетаться с формированием его профессиональных компетенций.

Следует уточнить, что под рефлексивным подходом к процессу обучения мы будем понимать системообразующий фактор и универсальный механизм управления учебным процессом на основе совместно-распределённой деятельности; исследование, осмысление и переосмысление информации студентами, преобразования её путём самостоятельного выбора студентом микроцелей с учётом его индивидуальных возможностей, способностей, потребностей и определение траектории развития личностных качеств.

Именно такое обучение у студентов формирует способность к выбору целей своей деятельности, к общению, к адаптации быстроизменяющимся условиям труда, к выдерживанию конкуренции, что непосредственно повышает профессиональную подготовку будущего учителя.

Характеристическими особенностями организации учебного процесса в рамках рефлексивного подхода являются:

1. Учебная задача (микроцель), позволяющая определить готовность студентов к учебной деятельности, раскрывающая разноуровневое усвоение студентами знаний и определяющая содержание компонента диагностики на каждом этапе деятельности студентов.

2. Индивидуальные действия студентов, направленные на реализацию выбранных микроцелей.

3. Деятельностное содержание учебного материала, направленное на овладение студентами способами деятельности с информацией и отражающее динамику учебно-познавательного процесса.

4. Выработка студентами индивидуальных рефлексивных стратегий.

5. Интерпретация деятельностного содержания на личностном уровне.

Заметим, что каждому этапу технологии рефлексивного подхода соответствует определённый вид стратегии, представленный в виде некоего инструментария (пошагового алгоритма), направленный на формирование у студентов профессиональных компетенций.

Кроме того, в основу учебного процесса заложены принципы управления саморазвитием студентов (целостности, индивидуальности, самостоятельности, системности, вариативности, осознанности, развития, комфортности.)

Этапы организации учебного процесса в рамках рефлексивного подхода можно представить следующим образом:

Этап I. Целеполагание в процессе совместно-распределённой деятельности преподавателя и студента.

Этап II. Исследования, осмысление, переосмысления информации студентами и организация преподавателем коммуникативной деятельности студентов по уточнению проблемы.

Этап III. Интерпретация информации и проектирование нового способа действия.

Этап IV. Включение нового способа действия в систему знаний.

Этап V. Самооценка студентами своей деятельности.

Этап VI. Обоснование достижения поставленной цели.

Рефлексивный подход к процессу обучения в силу своей гибкости, технологичности позволяет рационально использовать резервы самого образовательного процесса и участвующих в нём студентов.

«ОБЪЕКТИВНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ» КАК МОДЕЛЬ БЫТИЯ. СУБЪЕКТ КАК «ИНАЯ» МОДЕЛЬ

А.И. Малахов

(Московский физико-технический институт, г. Москва)

«Объективная реальность» как модель бытия

1. Фактической единицей мышления является идея, выраженная в той или иной модели, мы не можем мыслить вне модели; мы всегда пребываем «в середине познавательной ситуации» — идею понимаем в рамках некоторой модели, а модель — в интерпретированной («приложенной») форме.

Несмотря на то, что уже И. Кантом было достигнуто понимание, что мы познаем то, что собственным умом и выстроили, в мышлении «общества как целого» до сих пор практически безраздельно господствует объективно-научная модель Бытия. Она не осознается как всего лишь модель, а полагается за само Бытие. Иными словами, наша «природа» в действительности есть не «сама реальность», а результат нашего способа видения, понимания и восприятия Бытия и, вследствие этого, описания Бытия некоей, фактически механической моделью.

Это описание, естественно, неисторическое, неизменное. Освальд Шпенглер противопоставил объективно-научному (он называл его «пространственным») способу восприятия Бытия способ исторический и заявил очень важную вещь: объективно-научный способ уже самого восприятия или видения Бытия — не единственный возможный и не всеобщее применимый. Однако его высказывания до сих пор остались тем, к чему подходит характеристика «глас вопиющего в пустыне». До понимания исторического движения люди не добрались, а главное, убеждены в том, что этого и не нужно делать.

2. Л.С. Выготский категорически формулирует: восприятие неотделимо от мышления, оно всегда сопровождается мыслью и представляет собой интеллектуальное действие в той же мере, в какой и пассивное, физическое и физи-

ологическое. Мы домысливаем и достраиваем, опознаем, моделируем реальность теми моделями, которые к этому моменту нашего общего психического развития нами «наработаны». При этом мы не начинаем каждый раз свое психическое развитие вновь и с нуля, а продолжаем его на основе имеющегося на данный момент в обществе и полученного нами в ходе воспитания и образования. Иными словами, есть более чем обоснованные основания утверждать, что независимость бытия мыслящих персон — исторически сложившееся заблуждение.

3. Модельное замещение Бытия (как будущее **содержание** для *идеи* Бытия) в человеческой культуре родилось вместе с идеей *независимого* от мысли и самого мыслящего субъекта *бытия* вещей, вместе с тем, что гораздо позже было осознано как *отдельная идея*, идея Бытия под формую «в себе и для себя сущей вещи» немецкой философии.

Все наше мышление всегда о Бытии, и всегда для чего-то. Например, для обустройства собственных отношений с Бытием. Ныне каждый человек, как ученый, так и обыватель, вынужден выделять идею Бытия «в чистом виде», ибо она теперь — одна из тех «координат», в которых продолжает свое развитие интеллектуальная культура.

Однако если Бытие — это все, то и мышление о нем должно быть Бытием, пусть даже создаваемым самим актом мышления. Мышление невозможно вынести за рамки Бытия и думать о Бытии, не вмешиваясь в него. Ибо само думание о Бытии есть уже изменение его, есть вмешательство в «естественный ход истории». Можно предположить, что история, самый ее ход, темп и содержание (!) связаны с развитием психики, более того, им же и движется и к нему же сводится, в нем и заключается. Следовательно, «объем» Бытия есть нечто историческое.

4. Оригинальный подход к осмыслению мышления одиночки выработан В.И. Несмеловым в работе «Наука о человеке», но до сих пор не востребован для изучения «структуры» интеллектуальной культуры.

Чем мы расплачиваемся за якобы независимое бытие объектов (независимое от нашего к ним внимания)? Тем, что мы остаемся с мыслями о них (мысли якобы никак не затрагивают бытие, и они действительно *механически* не затрагивают бытие объектов), а объекты — со своим, «до конца» нам недоступным, бытием. А значит, мы должны, по крайней мере «удвоить» бытие: признать существование объектов и наших мыслей о них. Вот это важнейшее различие *объекта-представления* и *объекта в подлинном смысле слова*, как именуется их сам Несмелов, им и прослеживается.

5. Произнося слово «объект», мы можем считать, что оно относится к «объекту в подлинном смысле слова», но предъявить (себе и другим) можем лишь то, что сконструировали в мыслях о нем, то есть объект-представление.

Несмелов описывает, как может в персональном развитии младенца (в персональной «истории» мышления) им самим быть выстроена конструкция объекта-представления и, главное, из чего, — *мысленным совмещением в пространстве и времени показаний разных органов чувств*. Проглядывающий в его работе идеализм может быть «выправлен» следующим образом.

Младенец застаёт интеллектуальную культуру человечества в готовом виде и, главное, повязанной с так называемой «деятельностью». Поэтому акт «мышления» должен быть объяснен не как произвольный, а как вырабатываемый в процессе деятельности и неосознанно принудительный. При этом нельзя, конечно, отрицать, что мышление конструируется персонально и персонально разворачивается. Именно по отношению к нему и заложил Несмелов семя исторического подхода тем, что восстановил единство проблем онтологической и гносеологической правильной постановкой вопроса — как вообще **возможен** объект для субъекта?

6. Любой человек и, в частности, ученый-естественник имеет дело не с самой реальностью, а с ее конкретным модельным замещением — *природой*. Эта природа есть интерпретация исторически первой и стихийно сложившейся, до сих пор не осознаваемой явно **модели Бытия**, сложившейся в деятельном отношении человечества с Бытием. И она, во-первых, должна быть исторически объяснена как следствие истории развития поведения и развившейся из него деятельности. А во-вторых, ее собственные *модельные свойства* должны быть исчислены и отделены от свойств «самого по себе» Бытия. Именно в этом и состоит научное преодоление натурализма.

Первоочередная задача — договориться об однозначном смысле самых «простых» слов: реальность, Бытие, природа и т.п. И постараться понять, наконец, что есть «само Бытие», а что — модель Бытия.

Субъект как «иная» модель

1. Представления о субъектах древнее, чем понятие «объективная реальность». На заре цивилизации связь между причиной и следствием человек устанавливал исключительно в пределах собственной деятельности, а потому причину фактически всегда представлял как акт воли. Тем самым за каждым явлением мира мыслилось движущее им разумное существо. Соответственно, стихийно происходило одухотворение окружающей природы. Первые человеческие божества — духи стихий, лесов, лугов, гор, даже отдельных рощ или деревьев и источников воды. Лишь много позже в Греции и некоторых странах Востока зародились ростки нового мышления, требующего ничего не принимать на веру, доказывать каждое положение.

Иной эволюция общественного мышления, собственно говоря, и быть не могла: в действительности мы познаем мир не умом, а боками, а затем — руками и ногами. Мышление «посажено» на эмоциональную сферу человека и невозможно без деятельного или, по крайней мере, телесно-чувственного постоянного «контакта» с окружающей действительностью. То, что принято считать и понимать чистой наукой и чистым мышлением есть работа вот на этом «экспериментальном» материале, с необходимостью содержащая волевой акт.

2. Много позже появились представления об «объективной реальности», независимой от желаний и потребностей каждого конкретного индивидуума. Именно на их основе выросла «настоящая наука» и со временем вернулась к своим первоистокам — исследованию субъектов и их взаимоотношений. Когда

начали моделировать то, что В.И. Несмелов назвал «субъективная действительность», в обращении была развитая модель «объективной реальности». И она до сих пор неявно считается всеобщим применимой – объектом исследования может быть что угодно! Однако это самое «что угодно» втискивается в модель «объект» и, тем самым, ему априорно придается вполне определенный способ бытия – существование, который может быть ему и несвойственен.

3. Марксистское понимание человечества как совокупности общественных отношений для самолюбия нашего современника оскорбительно и в буквальном, и переносном смысле и потому фактически не воспринимается. Тем не менее, оно имеет право на существование.

В процессе воспитания и обучения каждый человек – кое-кто осознанно, а в основном неосознанно – формирует свои представления о базовой системе понятий, разработанных в ходе исторического развития цивилизации. Так, физик обязан разобраться с понятиями «сила», «мощность», «энергия» и прочие, математик – с понятиями «точка», «множество», «потенциальная и актуальная бесконечность» и так далее. Не представляя, что таится за этими терминами, они просто-напросто не будут владеть своим предметом. Таково положение во всех сферах деятельности. В итоге каждому человеку *навязывается* существующая на данном этапе исторического развития общества *структура мышления*. Можно ли мыслить иначе? Безусловно! Наши абстракции есть продукт адаптации мышления к сложившимся условиям существования, и не более того. Представление о том, что современная структура мышления единственно правильная – скорее всего, иллюзия.

4. В настоящее время считается, что фундаментальное отличие субъекта от объекта в том, что первый обладает своим проектом будущего как продукта не только внешних условий, но и в той или иной мере свободного волеизъявления. Иными словами, сущность «субъект» понимают ситуационно – как объект с волей и активностью вовне себя. Тем самым он, как и всякий объект, вырывается из фактического исторического движения и сводится до списка интересов, целей и ценностей. Все остальное его содержание как сущности, протяженной в историю и в истории связанной с другими субъектами отношениями обучения, подражания, любви, зависти и далее по списку тех действительных феноменов фактического бытия персоны, объективно-научный способ описания не ухватывает и не может объяснить.

Однако в большинстве случаев именовать человека-одиночку субъектом, мягко говоря, преждевременно. Его психика – именно «субъективная действительность» как это аккуратно названо В.И. Несмеловым. Она не есть нечто оформившееся, а представляет собой перекресток мнений других людей. Местоимение «я» интенсивно используется, но для этого, строго говоря, нет достаточных оснований.

5. В настоящее время отсутствует рефлексивная теория мышления общества как целого. Точнее, лелеется умолчание о том, чье это мышление и чей продукт мышления. Субъектом продукта мышления в рамках объективно-научного метода является общество, субъектом «процесса» мысли – отдельный человек. Ины-

ми словами, в современной науке под субъектом понимается целый букет моделей, ни одна из которых в отдельности, как и вся их совокупность в целом, не описывает то, к чему «на самом деле» подходило бы название «субъект».

Преодоление возникающего несоответствия «действительного» и «модельного» понимания сущности «субъект» может быть следующим: применять только исторический подход, **исторический взгляд** на развитие интеллектуальной культуры человечества и мыслительной сферы одиночки, не отделять мысль от области ее действительного приложения.

Идея цельности, единства тоже должна быть ключевой: субъект всегда в единственном числе! Отношения между субъектностями не в пространстве, а в длительности, в истории.

КОНКРЕТИЗАЦИЯ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ НАУЧНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

Л.Г. Малиновский

(Институт проблем передачи информации им. А.А.Харкевича РАН, г. Москва)

Введение Степиным [1] понятия постнеклассической научной рациональности эквивалентно введению в качестве основы науки гносеологической системы с объектом познания и мышлением познающего субъекта. Однако такое введение чревато реанимацией в науке софистики мнений, которые в настоящее время принимают вид разнообразных моделей. В том числе и наукообразных, и дезинформирующих (ложных). Для процессов рационального мышления необходимы более жесткие общезначимые научные рамки. В первую очередь эти рамки должны быть у процессов интуиции. Формальные рамки логического мышления известны со времен Аристотеля. Им же были введены и рамки для интуиции в виде процессов индуктивного наведения. Однако индуктивные ограничения для интуиции были слишком жесткими и не включали многих ее рациональных составляющих.

В наше время предпринимались попытки конструктивного ограничения интуиции в интуиционистской математике, в нашей стране — в конструктивной математике. Однако формальное изложение оснований математики на базе теории алгоритмов разрывало связи математических (теоретических) знаний с реальными задачами, а пафос улучшения связей теоретических знаний с жизненными реалиями в рамках конструктивного направления в математике оказался не реализованным.

В настоящее время имеет место прорыв в конкретизации интуитивной научной рациональности, связанный с кибернетической аналогией «мышление — работа ЭВМ» [2]. Этот прорыв возник на основе изучения свойств познавательного процесса на ЭВМ, которое вызвало к жизни систему познания модельно-конструктивного мышления (МКМ) [3]. Эта система является расширением и конкретизацией кибернетической аналогии «мышление — работа ЭВМ». В отли-

чие от кибернетической аналогии система МКМ содержит элемент, моделирующий органы чувств в виде измерительных устройств, поставляющих рациональному мышлению, допускающему моделирование на ЭВМ, дискретную и конечную информацию. В рамках этой системы конкретизируется понятие научной рациональности, более жесткое и более универсальное по сравнению с введенным Степиным понятием постнеклассической научной рациональности [1]. Эта конкретизация научной рациональности применима ко всем знаниям людей, выделяя рациональные знания не только в науке, но и в религии и философии [3]. МКМ формирует методологию Науки, систему Научных знаний и Научное мировоззрение, в которых содержание Науки отлично от науки традиционной.

Основные свойства МКМ и Научного мировоззрения:

1. В качестве основы знаний рассматриваются измерения и наблюдения действительности в самом широком историческом и измерительном плане. В силу ограниченной разрешающей способности органов чувств эти измерения и наблюдения можно представить дискретной и конечной информацией.

2. В формируемых МКМ Научных знаниях в явном виде фигурируют субъективно-конструктивные процессы интуитивного осмысления информации о действительности. Эти процессы возникли из-за того, что как элемент действительности рассматривается и сам познающий субъект, его мышление.

3. Конструктивные процессы осмысления действительности конкретизируются как процессы, допускающие принципиальную возможность моделирования на ЭВМ с конечной памятью. Модели и алгоритмы осмысления определяют дополняющий критерий научной рациональности, позволяющий не только ранжировать теории по степени их адекватности действительности, но и минимизировать субъективизм общих и теоретических знаний. Конкретизация этих процессов является также выделением общезначимых элементов рефлексии. Тем самым, возникает возможность минимизации в Науке дезинформации и неоправданного субъективного наукообразования.

4. В познавательном процессе используется опытная проверка теоретических положений, а также сознательное построение и упорядочивание действительности (практика).

5. В информационном плане в действительности всегда можно выделить элементы незнания. В процессе познания они неустранимы как из-за ограниченности процесса восприятия действительности по разрешающей способности, так и по времени. Неустранимость элементов незнания возникает вследствие оперирования с информационными процессами, поступающими от действительности и характеризующимися принципиальными ограничениями.

Можно видеть, что свойства МКМ находятся в противоречии с восприятием бесконечного количества точек пространственно-временного континуума, с какими-либо потенциальными или актуальными представлениями о бесконечностях в математике. Бесконечность в Науке, связанная с реально существующими элементами действительности, уходит в элемент незнания. Конструктивное же содержание бесконечности в математике связывается с упрощением математических выражений для облегчения дедукции.

В рамках кибернетической аналогии Винер не заметил вышеупомянутого противоречия. Так, он не пошел дальше представлений о модельном и вероятностном характере знаний [2]. Такое представление не выходит за рамки постнеклассической научной рациональности.

При этом в основаниях теории вероятностей Винер опирался на аксиоматику Колмогорова, базирующуюся на интеграле Лебега [2, 4]. В рамках же МКМ интеграл Лебега, теория меры в целом, теория множеств являются неоправданным наукообразием.

В рамках МКМ были построены основания логики, математического анализа, теории вероятностей и математической статистики [3]. Причем в рамках МКМ становятся, например, очевидной широкая область применения вероятностных и статистических методов, которую автор отстаивал в дискуссии, проходившей в начале 80-х годов и которая также нашла отражение в [3].

Весьма плодотворным в рамках МКМ является подход к общественным наукам [3]. В рамках этого подхода выделяется цивилизационная, нравственно-правовая специфика России, основанная на проекте мирового нравственного устройства, специфика, характерная и для православного, и для советского периодов развития страны. Учет и развитие этой специфики будет способствовать прекращению деградации страны и вымирания народа. Причем в рамках Науки переход к такому развитию не требует марксистской революционной практики.

В рамках Науки среди моря наукообразия экономик (economics) выделяется как наиболее адекватный политэкономическим реалиям подход к политэкономии Риккардо-Милля. Этот подход рассматривает политэкономия как способ раздела продукта, произведенного природой и трудом народа. С использованием этого подхода можно не только анализировать историческое развитие отношений собственности, но и построить отношения собственности социалистического рынка [3], позволяющие прекратить исчезновение России и продолжить ее поступательное развитие.

В результате конкретизации принципов научной рациональности возникла возможность формулирования интегральной идеологической и социологической теории, охватывающей религиозные и философские периоды развития общества [3]. В этой теории выделяются трансформации мировоззренческо-гносеологической, социологической, политической и политэкономической составляющих.

С восстановлением этической составляющей в Науке, в области политических и экономических трансформаций общественного развития восстанавливается в качестве основы наиболее адекватная реалиям жизни теория правильного и извращенного государства Платона-Аристотеля-Полибия.

В рамках МКМ теория правильного и извращенного государства была расширена до теории традиционно-извращенного мироустройства [3]. В рамках этой теории легко прослеживается специфика и трансформация цивилизационных образований, формирующих многополярный мир.

Литература

1. *Степин В.С.* От классической к постнеклассической науке // На пути к постнеклассическим концепциям управления. – М.: Изд. ИФ РАН, 2005. С. 259–262.
2. *Винер Н.* Кибернетика и общество. – М.: Изд. Иностранной литературы, 1958. 200 с.
3. *Малиновский Л.Г.* Модельно-конструктивное мышление. – М.: Наука, 2003. – 656 с.
4. *Колмогоров А.Н.* Основные понятия теории вероятностей. – М.: Наука, 1974. – 120 с.

РЕФЛЕКСИВНЫЕ АСПЕКТЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ОПТИМАЛЬНЫХ РАЗМЕРОВ ВОЕННЫХ РАСХОДОВ ГОСУДАРСТВА

С.Ю. Малков, В.И. Ковалев, Ю.В. Коссе
(ЦП СЯС АВН, г. Москва)

Определение оптимальных размеров оборонных расходов является важной проблемой при формировании государственного бюджета, которая должна решаться с учетом многих факторов и обеспечивать баланс военных потребностей и экономических возможностей страны.

Слишком низкие оборонные расходы могут привести к недопустимому снижению обороноспособности страны и к деградации оборонно-промышленного комплекса, слишком высокие – к ухудшению общего экономического состояния [1]. Кроме этих аспектов при оптимизации оборонных расходов необходимо рассматривать геополитические факторы.

Влияние уровня оборонных расходов на геополитический статус государства

Важной характеристикой государства, используемой в геополитике при определении значения и «веса» государства в мировой системе, является геополитический статус (ГПС) [2]. Изменение ГПС в результате тех или иных собы-

тий (войн, экономических и политических кризисов и т.п.) отражает последствия этих событий для государства.

В России и за рубежом существуют разные способы количественной оценки ГПС, однако все они однотипны: это, как правило, мультипликативные свертки частных показателей различных аспектов «силы» государства с учетом весовых коэффициентов, обычно определяемых на основе экспертных оценок. Экспертные процедуры делают оценку ГПС субъективной. С формальной точки зрения, это плохо. Но с другой стороны, эти субъективные оценки отражают настроения экспертного сообщества и политического истеблишмента. Поэтому к ним стоит прислушиваться, они дают ориентиры для принятия решений.

В работе изложен методический подход, основанный на том, чтобы при планировании бюджета учитывалось требование максимизации геополитического статуса страны. Такое требование делает планирование военного бюджета более осмысленным, прозрачным и понятным, снимает многие неопределенности, оказывает рефлексивное воздействие на геополитических партнеров и соперников.

Типичный вид зависимости значения ГПС от величины оборонных расходов, полученный в результате математического моделирования [3], изображен на рисунке (с. 70). Наличие у данной зависимости ярко выраженного оптимума показывает, что требование максимизации геополитического статуса страны делает ситуацию более определенной и позволяет переместить дискуссии о размерах финансирования оборонных расходов с поля столкновения полярных мнений «силовиков» и либеральных экономистов на поле конкретных количественных оценок с четкими критериями.

Литература

1. Малков С.Ю., Чернавский Д.С., Ковалев В.И., Коссе Ю.В., Старков Н.И. Экономика России и обеспечение военно-стратегической стабильности // Стратегическая стабильность, 2005, № 1, с. 67-74.
2. Коняхин Б.А., Подкорытов Ю.А., Винокуров Г.Н. Методический подход к исследованию некоторых аспектов глобальной стратегической стабильности на основе математического моделирования динамики геополитических статусов государств // Стратегическая стабильность, 2006, № 1, с. 9-16.
3. Малков С.Ю., Ковалев В.И., Коссе Ю.В. К вопросу об определении оптимальной величины оборонных расходов государства // Стратегическая стабильность, 2007, № 2, с. 72-76.

К ИНТЕГРАЛЬНО-ЭКРАННОЙ ТЕОРИИ СУБЪЕКТА

В.И. Моисеев

(Московский стоматологический институт, г. Москва)

В докладе предполагается соотнести интегральный подход (integral approach) американского философа Кеннета Уилбера (Kennet Wilber) и развиваемую автором так называемую модель «экранный онтологии».

Подход Уилбера предполагает конструкцию некоторого пространства возможностей, в котором выделяются вертикальные уровни и горизонтальные сектора, и самость-субъектность, которая проходит развитие в этом пространстве. Уилбер выделяет около 10 вертикальных уровней, соответствующих все более интегрированным состояниям сознания развивающейся самости, и 4 горизонтальных сектора, символизируемые местоимениями разного лица и числа: Я-МЫ-ЭТО-ЭТИ¹. Левые сектора Я-МЫ связаны с внутренним миром живых существ, правые сектора ЭТО-ЭТИ — с миром объектно-внешним. Верхние сектора Я-ЭТО выражают индивидуальное начало, нижние сектора МЫ-ЭТИ — коллективное начало. Самость не только растет по вертикальным уровням, но и дифференцируется по секторам. Подобная схема (Уилбер называет ее AQAL — All Quadrants All Levels) создает своего рода когнитивную карту, в рамках которой получают свое топическое определение разнообразные подходы и теории в самых различных областях знания и практики. Обычно каждый подход ограничен либо частью вертикальных уровней, либо частью горизонтальных секторов. Уилбер ставит задачу интегрального подхода как новой практики синтеза всего положительного в разных областях и создания наиболее полного образа реальности.

Развиваемая автором модель экранных онтологий отталкивается от структуры реальности как системы «изображений» в так называемых «онтологических экранах»². Предполагается, что в основании онтологии находятся в первую очередь некоторые «интервалы экстремальности», которые позволяют в один момент времени выразить некоторый максимум и минимум бытия в данной онтологии, подобно киноэкрану, который задает и самое большое, и самое малое изображение. Подобные «интервалы экстремальности» есть своего рода «онтологические пространства», задающие предел одномоментно-совместимого в онтологии бытия. Это и есть онтологические экраны. По аналогии с киноэкранами предполагается, что заданы также некоторые «онтологические источники», которые образуют изображения в онтологических экранах. Система состояний, сменяющих себя во времени онтологии, образуется как система изображений онтологических экранов. Для более строгого выражения подобных конструкций автором была разработана специальная формальная аксиоматическая система (Проективно-модальная онтология³). Экраны проявляются в образовании экстремальных (в частности, максимальных) изображений в онтологии. Среди таких максимальных изображений в структуре нашей онтологии можно выделить два основных вида: 1) фон внешнего мира, позволяющий говорить о самом большом в объектном смысле, 2) фон внутреннего мира, выражающий самое большое в нашей субъектной реальности. Отсюда можно пред-

¹ См. Уилбер К. Интегральная психология. — М.:ООО «Изд-во АСТ», 2004; Уилбер К. Краткая история всего. — М.: АСТ: Астрель, 2006.

² См. Моисеев В.И. Экранная теория сознания // Логика Добра. — М.: Эдиториал УРСС, 2004. С.362-367.

³ Моисеев В.И. Проективно-модальная онтология и некоторые ее приложения // Логические исследования. Выпуск 11. — М.: Наука, 2004. С.215-227.

положить два класса онтологических экранов – внешний и внутренние, создающие соответственно систему изображений внешнего мира и внутренних миров живых существ.

Отсюда видны возможные корреляции интегрального подхода Уилбера и модели экранных онтологий. Онтологические экраны можно сопоставить горизонтальным секторам уилберовской схемы. Внешний онтологический экран будет соответствовать правым секторам ЭТО-ЭТИ, система внутренних экранов – левым секторам Я-МЫ. Самость, которая дифференцирует себя в горизонтальных секторах, может быть одновременно представлена как источник онтологических изображений, формируемых в экранах. Выделение в интегральном подходе измерений «единичное-коллективное» позволяет предположить перенос подобной дифференциации и на структуру онтологических экранов. Во внешнем онтологическом экране – как, в первую очередь, пространстве коллективных внешних событий (ЭТИ) – можно выделить некоторые единичные области («под-экраны»), которые могли бы более специфично выражать отдельные внешние события, например, единичные тела живых организмов (ЭТО). Наоборот, каждый внутренний онтологический экран представляет в первую очередь единичный внутренний мир отдельного живого существа (Я), и момент коллективности внутреннего мира заставляет предполагать соответствующие коллективные внутренние экраны, в которых могли бы создаваться изображения коллективного внутреннего, например, коллективного бессознательного, по Юнгу (МЫ). Таким образом, следуя интегральному подходу, следует выделять не только внешние и внутренние экраны, но также – единичные и коллективные онтологические экраны.

Особый интерес представляет интерпретация вертикальных уровней в терминах экранных онтологий. В общем случае здесь можно было бы отталкиваться от следующего принципа координации: каждому вертикальному уровню развития в подходе Уилбера соответствует своя относительно автономная система изображений онтологических экранов. Такую систему можно было бы называть *уровневой* системой изображений. По-видимому, с каждым уровнем связана не только своя система изображений, но и свой образ самости, который находит свое наиболее адекватное представление в этой системе.

Хотелось бы также отметить близость конструкций экранных онтологий идее экранов в ранней рефлексивной теории Владимира Лефевра⁴. Примерно в то же время, что Уилбер на Западе, Лефевр начал оперировать подобными конструкциями в нашей стране. Он также выделял общий экран («плацдарм» *T*) и личные экраны субъектов (*Tx*), подчеркивая связь рефлексивных преобразований с возможностью образования все новых субъектных экранов.

Если отмеченные аналогии верны, то развиваемая автором Проективно-модальная онтология может выступить строгой и достаточно общей системой, средствами которой возможно построение особой логики экранных преобра-

⁴ Лефевр В.А. Конфликтующие структуры. 3-е изд. – М.: Институт психологии РАН, 2000. – 136 с.

зований, важных как для интегрального подхода Уилбера, так и для определенного аспекта рефлексивной теории Лefевра.

С этой точки зрения феномен субъектности приобретает существенно экранный характер. Субъект в общем случае есть самость, образующая изображения в онтологических экранах. Уровень развития сознания субъекта связан с тем пределом сложности изображений, которые субъект способен породить и поддерживать в своем онтологическом экране. В конечном итоге, онтологический экран оказывается некоторым инобытием субъектности (субъектом, «вывернутым наизнанку»), подобно тому, как киноэкран есть инобытие проектора, и одно без другого не имеет смысла. Субъект существенно экранен. Чтобы быть, субъекту нужно проецировать себя в некие фоны бытия, онтологические экраны, чтобы встречать себя там в проявленном виде и иметь возможность через подобные проявленные формы изменять самого себя. Так можно говорить о своего рода интегрально-экранной теории субъекта.

*Работа выполнена при поддержке РГНФ, исследовательский проект
05-03-03473а*

РЕФЛЕКСИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И СТРАТЕГИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ СОВРЕМЕННОМУ ЭКСТРЕМИЗМУ

И.Л. Морозов

*(Московский энергетический институт (технический
университет) в г. Волжском)*

Стремительное размывание национально-государственных границ, процессы универсализации культурно-духовных ценностей, трансформация геополитических межцивилизационных войн в глобальное геэкономическое противоборство, формирование всемирной политической элиты, начавшей открытую «зачистку» мировой политической и экономической системы от политий-диссидентов — таковы объективные тренды конца XX — начала XXI вв. На фоне данных процессов мы наблюдаем беспрецедентную в мировой истории активизацию политического экстремизма, прежде всего, на религиозной идеологической основе, повсеместный переход экстремистов к стратегии террора.

Примечательно, что чем увереннее чувствует себя глобальный Евро-Атлантический «голем», тем примитивнее и грубее становится идеологическое обеспечение акций «зачистки». Если фабрикация в сознании мирового сообщества негативного образа сербского народа и его лидеров времен военного противостояния в Боснии и Герцеговине, а затем и в Косово, еще претендовала на некоторые PR-изыски, то нападение на Ирак по сознательно и наскоро сфальсифицированным данным о наличии оружия массового поражения, слабая доказуемость судебных обвинений, предъявленных Слободану Милошевичу и Саддаму Хусейну, невнятное обоснование игнорирования Дж. Бушем-младшим мнения американского конгресса о недопустимости наращивания воинского

контингента в оккупированном Ираке — эти и подобные примеры свидетельствуют о некоем сложившемся стереотипе, согласно которому «мировой пролетариат», как в странах Запада, так и в третьем мире, уже настолько политически демобилизован и культурно регрессировал, что как объект приложения усилий уже не нуждается в дорогостоящих профессиональных полномасштабных информационных войнах.

Подобно рационалистическим экстремистским идеологиям, например, ультралевым, религиозный экстремизм в качестве главной задачи стремится модифицировать мировоззрение людей, систему взглядов и оценочных принципов. Ввиду повышенной политической значимости предмета исследования, сама терминология, связанная с экстремистскими тенденциями религиозной окраски, не только не стандартизирована, но, зачастую и сознательно, искажена и противоречива. Террористов, обосновывающих свою деятельность теми или иными положениями ислама, могут называть «исламскими фундаменталистами», «исламскими террористами», «исламскими радикалами», «ислаμισстами» и т.д., вкладывая в термины совершенно различные, или, напротив, тождественные понятия. Рефлексивные технологии и соответствующие методологические подходы открывают новые возможности в плане социально-политического и философского анализа объективных процессов, протекающих, в частности, в макрополитических системах. В качестве рабочей предложим субъективную, авторскую, трактовку важнейших терминов и категорий анализа.

Политический ислам — широкий конгломерат стратегий практической политической деятельности и обслуживающих данные стратегии идеологий, использующих для расширения своего влияния и достижения поставленных целей апелляцию к коранической традиции и заветам.

Исламский фундаментализм — политическая стратегия и идеология, направленная на модификацию существующего модернистского светского политического режима и соответствующего социокультурного поля государства в сторону строгого возвращения к нормам и традициям раннего ислама, регламентацию всей жизнедеятельности государства, общества и индивида по принципам Корана и шариата. Исламский фундаментализм есть составная часть политического ислама, поскольку предусматривает достижение поставленной цели через борьбу за политическую власть. Он может быть как умеренного, так и экстремистского толка.

Исламский экстремизм — идеология, призывающая к той или иной вариации радикальной трансформации общества на основе коранических традиций и оправдывающая применение силовых, насильственных способов реализации поставленной цели.

Исламский терроризм — стратегия, использующая для оправдания своих действий идеологию исламского экстремизма, основанная на уничтожении или запугивании представителей того или иного государства и гражданского общества в целях оказания влияния на принятие политических решений.

Рефлексируя тенденции, определившиеся на современной мировой арене, мы находим характерные исторические параллели. Можно смоделировать ги-

потетическую внеисторическую универсальную модель противостояния цивилизации-империи и «варварской» периферии (в терминологии А. Тойнби во втором случае подразумевается «внешний пролетариат»). Современный Запад (отнесем к нему и Россию по схожести политических, социально-демографических и культурных процессов) по отношению к Востоку (прежде всего, исламскому, но в случае с Россией и китайско-конфуцианскому) проигрывает цивилизационное соревнование, растеряв свои некогда весьма эффективные орудия экспансии, экономические, идеологические, демографические. Причем критический сбой, приведший к появлению «ахиллесовой пяты» в каркасе западной цивилизации, дал именно духовный (и идеологический – в более узкой трактовке) её контур.

«Общество потребления», замешанное в от числе на частично иждивенческих (всё больший процент населения довольствуется существованием на разнообразных государственных пособиях и дотациях), частично лицемерных (при неустанном формальном провозглашении приоритета морали по факту можно творить разврат в самых изощренных формах) психологических установках, вряд ли способно породить кого-то сопоставимого по уровню пассионарности и степени влияния на культуру и историю с Р. Киплингом или Лоуренсом Аравийским, потому приходится в идеологический авангард вместо Киплинга выставлять мастера романов ужасов С. Кинга и Дж. Буша-младшего вместо Лоуренса, результат не медлит сказаться. Конечно, у Европы, в отличие от США, есть еще и титан У. Эко, но дети арабских мигрантов, громящие улицы Парижа или Копенгагена, его не читают.

Исламское возрождение уже не довольствуется традиционным ореолом обитания мусульманских народов, в Крыму и во Франции мы видим схожую картину, сколь легко догмы Корана, при умелом изложении политических лидеров, превращаются в стержень политической мобилизации населения. Крым неумолимо движется к сценарию Косово, Западная Европа, по большому счету, тоже, вопрос лишь в том, когда демографический перевес мусульманского населения достигнет критической точки над коренными народностями. Как только этот перевес будет достигнут, в ход пойдут исторические обоснования и претензии, в плоть до выдвижения счета за поражение ислама в битвах при Пуатье и Лепанто, в разные века, пресекавшие исламскую экспансию на Запад.

Современный экстремизм имеет этнорелигиозный характер по содержанию и выступает как стратегия в конфликте цивилизаций по форме. Эта проблема не решается военно-силовым путем, эффективный ответ на вызов может быть найден в культурной, идеологической сферах. Возможно, чтобы выжить, Западу придется вернуться к тому, чего так страшатся современные глобалисты – возрождение принципа наций-государств, сцементированных национальными идеологиями и крепко основывающихся на своих культурно-исторических корнях.

РАСПУТЫВАНИЕ КВАНТОВЫХ ОПЕРАЦИЙ И АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

Ю.В. Никонов

(ГУМСЧ-59 ФМБА РФ, г. Заречный Пензенской обл.)

В соответствии с многомировой интерпретацией квантовой механики (ММИ) Хью Эверетта, структура памяти наблюдателя определяет его «ветвящую способность». В качестве «наблюдателя с памятью» может выступать любая система с памятью, но особый интерес представляет память наблюдателя — человека, которая может рассматриваться как квантовая система.

Д.ф.-м.н. Л.В. Ильичевым предложена гипотеза о роли «распутывания» квантовых операций в функционировании памяти человека, которая вполне соответствует известным закономерностям вероятностного прогнозирования (ВП) человека в норме и патологии. «Распутывание» рассматривается как процедура «нацеливания» наблюдателя на ту или иную трактовку получаемой информации. При этом в его память поступает минимально возможный объем информации, который можно интерпретировать как энтропию элементарного эвереттовского ветвления. Содержание и объем воспринимаемой и запоминаемой наблюдателем информации зависит не только от его структуры (физиологии в широком смысле этого слова), но и от используемого «распутывания». Мир, в котором ощущает себя наблюдатель, руководствующийся экстремальным «распутыванием», наиболее предсказуем, в наибольшей степени поддается упорядочиванию в его сознании и поэтому в наибольшей степени пригоден для выживания (наблюдатель попадает в «локально предсказуемую» проекцию квантового мира по М.Б. Менскому). Если наблюдатель пытается оценить вероятность будущего события на основе своего прошлого опыта - содержания памяти, то для этого ему необходимо построить модельное состояние окружающей реальности, исходя из предполагаемого известным начальным состоянием и бессознательно руководствуясь своим текущим «распутыванием». Д.м.н. В.Д. Менделевичем доказано, что у больных неврозами преобладает моновариантный тип ВП. Он заключается в том, что пациент прогнозирует лишь один субъективно высоковероятный вариант исхода событий, исключая любые иные (то есть, возможно, использует только один вариант «распутывания»). Типичным для больных неврозами оказался также поливариантный тип ВП (возможно, поливариантный тип «распутывания»). В отличие от больных неврозами так называемая «неврозоустойчивая личность» склонна выдвигать два-три высоковероятных варианта развития события (2-3 варианта «распутывания»), подготавливая программу поведения как в случаях желанного, так и нежеланного развития событий. Ильичев считает, что наблюдатель может заметить странную вещь: если допустить ревизию своей памяти, (то есть, фактически, изменить свое прошлое), то улучшится точность модели и надежность прогноза. Этот эффект соответствует личностно прогрессивному конструированию автобиографической памяти в концепции д.п.н. В.В. Нурковой, является основой большинства психотерапевтических методик. «Ревизия памяти», по

Ильичеву, – естественный психологический механизм, прямое следствие роли распутывания в интерпретации воспоминаний и оценки скоррелированного с ними состояния окружения. Возможно, что попытка “вычеркнуть” из памяти психотравму, то есть попытка изменить собственное прошлое, может привести и к неадекватному, невротическому типу реагирования (деструктивное конструирование автобиографической памяти). Периоды амнезии в автобиографической памяти больных невротизмом могут заполняться “восстановленными воспоминаниями”. В процессе взаимодействия с психотерапевтом “конструируются” различные личностные истории, прошлое становится многовариантным. В 1993 году Американская психиатрическая ассоциация выступила с предостережением о том, что воспоминания, добытые в результате лечения с помощью восстановленных воспоминаний и, в частности, в результате применения гипноза, могут быть ненадежными. Не существует методов, которые могли бы надежно показать, является ли истинным или ложным каждое конкретное воспоминание в каждом конкретном случае. Таким образом, автобиографическая память многовариантна, что может объясняться в контексте ММИ повторным “распутыванием” и флуктуациями в памяти наблюдателя, на основе которых моделируется будущее в процессе ВП событий.

ГУМАНИЗАЦИЯ ЧЕЛОВЕКО-КОМПЬЮТЕРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КАК СУБЪЕКТ-ОРИЕНТИРОВАННАЯ ТЕХНОЛОГИЯ

А.М. Островский
(ОАО «ВЦИОМ», г. Москва)

Современный социальный заказ инициировал новый импульс гуманизации человеко-компьютерного взаимодействия (ЧКВ), заключающийся в «очеловечивании» диалога с компьютером, в улучшении соответствия технических и программных компонент компьютера условиям и задачам деятельности, требованиям, ценностям, правам человека как свободной личности, играющей определенные социальные роли и включенной в сложные общественные отношения.

Фокус гуманизации ЧКВ смещается на активность субъекта, который рассматривается в бесконечном процессе рефлексии своих установок. Эта активность определяется ориентацией и содержанием деятельности, степенью творческой потенции, воздействием компьютера. Компьютер оказывает амбивалентное воздействие. Позитивное влияние связывается с активизацией интеллектуальной, познавательно-трудовой деятельности, с формированием инженерных и деловых качеств, с расширением сферы профессионального и личностного общения. Негативное влияние обуславливается появлением компьютерной аддикции, редуцированием творческих задач к алгоритмам. Это является одним из серьезных тормозов гуманизации.

Целевой функцией гуманизации, моделирующей ожидание субъекта ЧКВ, является обеспечение новых степеней духовной свободы человека и соответ-

ствующих режимов самоорганизации ЧКВ. Императивный, алгоритмический характер ЧКВ нарушает органичность гуманизации. Инициирование и стимулирование процессов самоорганизации смягчают «жесткость» ЧКВ. Продуктивное (технологическое) влияние человека на эти процессы, на взгляд автора, невозможно гарантировать без использования потенциала рефлексивных структур и синергетической «акупунктуры».

Обеспечение устойчивых процессов самоорганизации ЧКВ возможно только в том случае, когда взаимодействие между человеческой и технической компонентами сбалансировано, регулируется адекватно социальным целям, в интересах человека и соответствует современному уровню развития информационных технологий.

Гуманизация ЧКВ обуславливает перманентное поддержание усложненных режимов познавательно-трудовой, творческой деятельности конкретных субъектов, обеспечение самоопределения личности и выражения индивидуальности. Гуманистические конструкты ЧКВ перманентно подвергаются переосмыслению и рефлексии в канонах обновляемой системы ценностей информационного общества.

Для выработки технологий гуманизации можно ассимилировать идеи самых разных научных направлений. Среди ученых первого круга можно назвать В.Е.Лепского, Г.А.Котельникова, Дж. Нейсбита. Последний, например, предлагает принять практику саморефлексии, основанную на буддийском принципе бодрствования. Он пишет, что отношение «высокая технология — глубокая гуманность» — «это способность принять технологию, которая сохранит нашу человечность, и отвергнуть технологию, которая грубо в нее вторгается»¹.

Вырабатываемая обществом гуманитарная технология, вероятно, должна ориентироваться на создание противовеса эволюции компьютерных технологий (инструментальной культуры) в форме своеобразного гуманистического кредо — духовно-нравственного императива, этического кодекса. Этим кодексом предстоит руководствоваться экспертной группе при создании и рефлексии новой техники, а также всем и каждому, кто пользуется современными технологиями. Нейсбит Д. развивает этот вопрос. Он считает, что «глубокая гуманность не является больше противовесом высокой технологии в нашей жизни. Глубокая гуманность становится линзой, сквозь которую мы должны рассмотреть и понять высокую технологию»².

Высокие компьютерные технологии (high-tech) позволили сконцентрировать в небольших изделиях (таких как карманные компьютеры, сотовые телефоны, цифровые навигаторы) значительные возможности, что потребовало высокой гуманитарной культуры (high-hume) их использования.

Необходимость выработки высокой гуманитарной культуры обостряется в контексте управления колоссальными мощностями, экологически опасными

¹ Нейсбит, Д. Высокая технология, глубокая гуманность: Технологии и наши поиски смысла. М.: АСТ: Транзиткнига, 2005. С. 40–41.

² См. указ. соч. С. 335

и ответственными процессами на атомных электростанциях, на военных объектах, в центрах управления полетами. В условиях экспоненциального возрастания сложности компьютерных систем управления, увеличения степени техногенного риска и частоты возникновения нештатных ситуаций, ошибки программиста могут являться причиной сбоев в работе, аварий и даже серьезных экологических катастроф. Существенно повышается персональная ответственность за ошибочность в действиях при использовании компьютерной техники, растет значение человеческого фактора. Однако вместе с тем усугубляется «бес-субъективность» ЧКВ, в моделях которого человек фигурирует как абстрактный элемент, лишенный «человеческого лица».

Многие вопросы еще нуждаются в обсуждении, однако уже сейчас ясно, что доминирование техноцентристских и дизъюнктивных стереотипов научного мышления должно смениться гармоничным синтезом теории рефлексии и теории самоорганизации. В рамках синтетической парадигмы «гуманизация» и «самоорганизация» рассматриваются как взаимодополняющие концепты, которые вместе высвечивают качественно новые возможности.

РЕФЛЕКСИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ИННОВАЦИОННЫХ МЕХАНИЗМАХ РЕСУРСЗАМЕЩЕНИЯ

И.В. Панышин

(Владимирский государственный университет, г. Владимир)

Ресурсная политика современных социально-экономических систем в России и за рубежом строится в основном на сугубо экономических интересах. Природно-сырьевые ресурсы «варварски» расходуются, трудовые ресурсы запредельно эксплуатируются, доступом к актуальным информационным ресурсам обладает незначительное число полностью или частично монополизированных участников рынка и т.д.

Прогнозы ученых-аналитиков, экологов и даже антиглобалистов о возможных природно-климатических катастрофах, войнах и прочих катаклизмах практически не отражаются на текущих решениях предпринимателей и владельцев капитала. Причем даже если у производителя и появляется возможность изменить ситуацию в положительную сторону (изменить технологию, перейти на потребление возобновляемых ресурсов вместо безвозвратно утрачиваемых и т.д.), реализация этих возможностей происходит в основном только при явно видимой экономической выгоде в краткосрочной перспективе.

Причинами этой ситуации, по нашему мнению, являются:

1) низкий уровень осознания предпринимателем себя частью не только мировой экономической системы, но и глобальной социально-политической и природно-климатических систем;

2) территориально и исторически неравномерное и, соответственно, несправедливое распределение природно-сырьевых ресурсов между странами и территориями;

3) доминирование экстенсивного пути развития социально-экономических производственных систем над интенсивным, изначально предполагающим минимизацию расходования экономических ресурсов при сохранении или росте совокупного экономического результата.

Одним из факторов, позволяющих снизить деструктивную роль несовершенной ресурсной политики современных социально-экономических систем, является рефлексия как процесс осознания роли предпринимателя и, собственно, ресурсопотребляющих систем в современном мире. Человек, понимая что, вкладывая средства в определенные виды деятельности (пусть даже очень доходные), может столкнуться с социальной напряженностью, общественным порицанием и т.д. будет выбирать между частичной потерей собственной выгоды, но высокой репутацией и прозрачным будущим, и явным или неявным противопоставлением себя окружающей его среде.

По нашему мнению, эффективным механизмом такого выбора может стать ресурсозамещение как процесс управляемого изменения пропорций используемых социально-экономической системой экономических ресурсов, направленный на компенсацию дефицита одного ресурса (редкого, высокоценного, исчерпаемого и общественно значимого) избытком другого (возобновляемого, экологичного, высоко продуктивного и т.д.) при сохранении или наращивании совокупного экономического результата хозяйственной деятельности.

В части материалоёмкого производства ресурсозамещение призвано за счет инноваций снизить либо сам расход материального ресурса, либо уменьшить размер отходов и обеспечить их повторное использование в процессе производства, либо перейти на принципиально другую технологию с использованием других менее редких и значимых для общества материалов.

В отношении трудоемких видов деятельности ресурсозамещение может пойти по пути механизации и автоматизации производства, создания более соответствующих потребностям работника условий труда, ротации персонала в целях обеспечения взаимозаменяемости и т.д.

Информационные ресурсы имеют для социально-экономической системы наибольшую ценность, если они сгенерированы внутри организации, а не приобретены извне. В этом случае они трансформируются в инновационные ресурсы и позволяют улучшить конкурентную рыночную позицию.

Однако особую ценность для руководителя имеет возможность так называемого перекрёстного ресурсозамещения, когда замена происходит не внутри одного вида экономического ресурса, а между видами. В этом случае имеется большой выбор для создания различных ресурсных комбинаций, критерием оптимальности которых может стать как общий минимум затрат на приобретение и использование всего объема экономических ресурсов, потребляемого социально-экономической системой, так и экономия определенного общественно значимого конкретного ресурса.

В целом ресурсозамещение может выступать как компенсационный механизм, реализующий рефлексивные процессы в сложных социально-экономических системах.

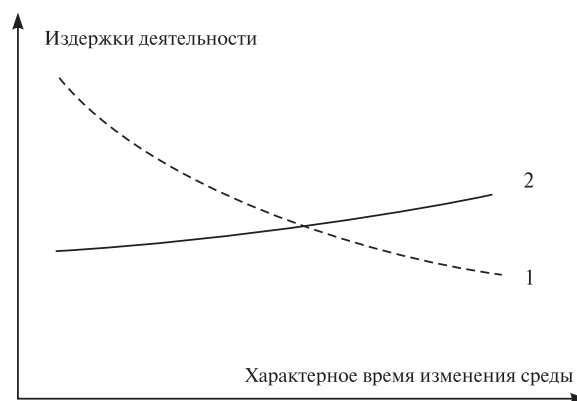
МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ В ИЗМЕНЯЮЩИХСЯ ВНЕШНИХ УСЛОВИЯХ: ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ОТЛИЧИЯ СТЕРЕОТИПОВ ПОВЕДЕНИЯ

И.В. Петрова (Институт психологии РАН, г. Москва)
С.Ю. Малков (ЦП СЯС АВН, г. Москва)

Влияют ли особенности внешней среды на формирование стереотипов поведения людей, на появление социокультурных различий? Для исследования этого вопроса в работе было проведено математическое моделирование эффективности различных стратегий планирования хозяйственной и управленческой деятельности в изменяющихся внешних условиях; предложена математическая модель, позволяющая оценить эффективность различных стратегий поведения в условиях (а) плавных и (б) быстроменяющихся изменений среды. Модель основана на определении издержек, которые приходится нести субъекту при реализации хозяйственной и/или управленческой деятельности, осуществляемой в соответствии с различными стратегиями планирования. Показано, что в зависимости от характера изменений внешней среды целесообразны различные стратегии поведения, обеспечивающие минимизацию возникающих издержек.

Так, если трансформация параметров среды имеет плавный и предсказуемый характер, целесообразно планирование с упреждением, учитывающее динамику ожидаемых изменений. Кроме того, в этих условиях целесообразно активное воздействие на внешнюю среду с целью повышения ее предсказуемости и формирования более благоприятных условий для последующей деятельности.

В случае резких непредсказуемых трансформаций параметров среды, попытки упреждающего учета их возможных изменений при планировании деятельности становятся неэффективными, приводят к повышенным издержкам.

Расчет издержек, возникающих при реализации деятельности на основе различных стратегий планирования: 1 – стратегия адаптивно-упреждающего планирования; 2 – стратегия следования традициям и отработанным ранее решениям

В этой ситуации разумнее следовать некоторой усредненной линии поведения, которая опирается на предыдущий опыт и обычно закреплена традицией.

Типовые результаты расчетов по модели представлены на рисунке. Видно, что при повышении предсказуемости параметров среды (в том числе в результате целенаправленного влияния на них) более эффективной становится стратегия первого типа, в противоположной ситуации – стратегия второго типа.

Интересно соотнести полученные результаты с культурными особенностями Восточной и Западной цивилизаций. Причины отличия культур Востока и Запада привлекают к себе интерес ученых с давних времен. В частности, одной из активно обсуждаемых проблем является отличие западного и восточного отношения к внешнему миру, выражающееся в стремлении представителей Западной культуры к активности, к преобразовательной деятельности в противовес восточной склонности к созерцанию, к сохранению гармонии, приверженности «философии недеяния» [Т.П. Григорьева. Дао и логос (встреча культур). – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы. 1992].

Результаты моделирования указывают на то, что западная и восточная модели отношения к внешнему миру соотносятся со стратегиями планирования первого и второго типа, соответственно. Это позволяет сделать вывод, что они, по-видимому, являются следствием влияния внешних (в том числе, природно-климатических и социальных) условий среды на формирование духовной культуры и общественных стереотипов поведения.

АЛЬТЕР-АЛЬТРУИЗМ И РЕФЛЕКСИЯ

А.Н. Подьяков

(Факультет психологии ГУ-ВШЭ, г. Москва)

Начиная с О. Конта, в работах разных авторов рассматривается оппозиция «эгоизм – альтруизм», где альтруизм понимается как «правило нравственной деятельности, признающее обязанностью человека ставить интересы других людей выше личных интересов; установка, выражающаяся в готовности приносить жертвы в пользу ближних и общего блага», а эгоизм – противоположное понятие [Большой психологический словарь, 2003]. С нашей точки зрения, в таком понимании не обозначены сколько-нибудь дифференцированные представления о двух типах *неэгоистических* установок и поведения. Несмотря на свой общий неэгоистический характер, эти типы различаются и объективно, и субъективно – вплоть до противоположности. Один тип предполагает общую гуманистическую установку, готовность помогать другим без специальной дифференциации этих других. Другой тип предполагает, что субъект, игнорируя собственные интересы, помогает другому, но особым образом – защищая его от соперников (врагов, конкурентов) и нанося ущерб их интересам. Каждый из субъектов здесь может быть индивидуальным или групповым. Защита родины, борьба с терроризмом, преступностью, самоотверженная защита другого человека от чужой нефизической и физической агрессии и т.п. – примеры такой деятельности. Здесь

тоже работает установка, выражающаяся в готовности приносить жертвы в пользу ближних, однако в число этих жертв включается не только сам субъект, но и другие, отличающиеся от ближних и противостоящие им.

Такие ситуации мало подходят под описание традиционно понимаемого альтруизма общей гуманистической направленности. В отличие от обычного это воинствующий альтруизм, что звучит оксюмороном. Кроме того, за этим используемым в некоторых ситуациях словосочетанием стоит совсем другое значение — насильственное осчастливливание, благодетельствование человека, когда он этому сопротивляется; то, что В. Тендряков назвал «ковать счастье людей на их головах». Однако здесь нет в явном виде готовности ущемлять интересы одних субъектов ради помощи другим.

Поэтому мы считаем необходимым ввести специальное понятие, обозначающее описанные установки и поведение. В качестве рабочего мы предлагаем термин «альтернативный альтруизм», или «альтер-альтруизм». Его выбор связан со следующими соображениями. Исходное понятие «альтруизм» образовано от латинского «alter» — «другой», «противоположный». Таким образом, «альтернативный альтруизм» означает другой альтруизм, по ряду параметров противоположный традиционно понимаемому. Удвоение основы «альтер» позволяет показать, что в альтер-альтруизме центральным является отношение не к себе (как в эгоизме) и не к недифференцированным другим (как в альтруизме), а к *нескольким* другим, отличным друг от друга настолько, что «одних других» надо самоотверженно защищать, а интересы «других других» — целенаправленно ущемлять.

Альтер-альтруистическая деятельность сложна по структуре и часто требует рефлексии весьма высокого уровня. Необходимо учесть цели, интересы и стратегии нескольких сторон в контексте организации своего содействия одним субъектам и взаимосвязанного противодействия другим при минимальной, но не нулевой заботе о себе, обеспечивающей выполнение альтер-альтруистической задачи.

Сосредоточимся здесь на рефлексии чужих целей, поскольку именно они решающим образом определяют стратегии субъектов и оценку ими результатов деятельности, принятие решение о прекращении или, наоборот, интенсификации борьбы и т.д.

Субъект, осуществляющий альтер-альтруистическую деятельность, должен учитывать, рефлексировать следующие виды целей у субъектов, которых он защищает, и субъектов, которым он противостоит:

- а) доминирующие эгоистические цели;
- б) доминирующие альтруистические, бескорыстно добрые цели;
- в) «бескорыстно злые» цели. Понятие бескорыстного зла широко использовал С. Лем, анализируя ситуации, в которых одни люди по своей инициативе наносят ущерб другим людям (вплоть до их массовых убийств), не получая от этого никакой выгоды или даже неся некоторый ущерб (причем речь не идет о садистском удовольствии, получение которого можно было бы считать эгоистической, корыстной целью). Он считал, что недооцененное и малоизученное

стремление творить бескорыстное зло играет важную роль как в человеческих отношениях, так и в развитии цивилизации. Э. Фромм использует достаточно близкое по смыслу (но не тождественное) понятие «злонамеренная агрессия», В.Н. Дружинин – «борьба жизни против жизни». Мы говорим о нетождественности, поскольку злонамеренная агрессия, борьба жизни против жизни может преследовать эгоистические цели, в отличие бескорыстных зла и мизантропии, кажущихся поэтому парадоксальными;

г) цели комплексные, сложные в отношении других людей, например, предполагающие альтруистическую помощь одним субъектам при одновременном и взаимосвязанном нанесении ущерба другим, поскольку без этого ущерба помощь представляется субъекту невозможной. Тогда в некоторых случаях предстоит смертельная схватка альтер-альтруистов, защищающих противоположные стороны.

В этом контексте нами разработана классификация различных видов деятельности с точки зрения того, какое место в них занимает содействие и какое – противодействие тем или иным субъектам социальных взаимодействий. Классификация представлена как трехмерное пространство с измерениями «содействие – противодействие – рефлексия».

Альтер-альтруистические решения представляются неизбежными в ряде областей. Для минимизации ущерба – и физического, и нравственного – здесь недостаточно изощренного ума – нужна мудрость. По Ф. Искандеру, «мудрость обязательно сопрягает разрешение данной жизненной задачи с другими жизненными задачами, находящимися с этой задачей в обозримой связи; умное решение может быть и безнравственным; мудрое – не может быть безнравственным; мудрость – это ум, настоящий на совести».

В настоящее время в силу значительно возросшей конфронтационности в обществе проявления эгоизма, альтруизма и альтер-альтруизма высокого накала встречаются в самых разных областях жизни, интенсивно обсуждаются самыми разными общественными группами, а соответствующие эгоистические, альтруистические и альтер-альтруистические установки активно предлагаются для формирования у подрастающего поколения.

В связи с этим существенно важны следующие исследовательские задачи:

- а) изучение различных (может быть, даже разнородных) феноменов, стоящих за понятием «альтер-альтруизм»;
- б) рефлексия особенностей личности, целей и стратегий альтер-альтруистических субъектов;
- в) изучение возможностей и угроз, связанных с рефлексивным управлением (манипуляцией) альтер-альтруистическими установками.

В целом представляется, что введение понятия «альтер-альтруизм» создает новые, более богатые и дифференцированные возможности для анализа социальной реальности и рефлексивного управления ею.

*Работа поддержана РГНФ,
проект № 06-06-00183а*

РЕФЛЕКСИВНОСТЬ И КВАНТОВАЯ ОНТОЛОГИЯ

П.В.Полуян

(Информационное агентство «Плюс», г. Красноярск)

Управление – это социальная деятельность, которая направлена на социальную деятельность, то есть практика воздействует на практику. Успешное воздействие требует знания закономерностей, присущих объекту воздействия, и предполагает сознательное использование этого знания для достижения максимума эффективности. Теперь легко сформулировать парадокс социальной практики: если мы признаем наличие объективных закономерностей, свойственных деятельности, подвергаемой воздействию, то должны предположить, что и воздействующая деятельность также подчинена неким объективным социальным законам. Возникает дилемма: либо в обоих случаях объективные законы принципиально однотипны, либо речь идет о разных типах законов. Автор впервые двадцать лет назад определил и исследовал эту проблему как проявление рефлексивности деятельности. Однако тогда удалось опубликовать лишь небольшие тезисы, посвященные данному вопросу («Диалектическое противоречие социальной практики». В сб. «Теория социального прогресса и актуальные проблемы совершенствования социализма», Тезисы научной конференции, Пермь, 1986, с. 144).

Не следует думать, что обнаруженные логические неувязки – идеологическая схоластика. С подобным же парадоксом мы сталкиваемся, например, на поле современной биржевой игры – в области определения так называемого технического анализа. Предполагается, что тренды биржевых курсов выражают систему неких закономерностей в форме повторяемых фигур, прочерчиваемых графиком. Утверждается, что, зная эти фигуры, можно более или менее точно предсказывать динамику тренда и эффективно строить деятельность биржевых игроков. При этом, однако, не берется во внимание, что динамика курса сама является отражением биржевой игры, а поступки игроков, следующих методологии теханализа, оказываются тогда предсказуемым порождением той же самой социальной практики – они суть четко очерченное подмножество множества факторов, влияющих на динамику биржевых курсов. Тогда рождается гипотеза: может быть, и методология технического анализа, и целенаправленно внедряемая практика по его применению являются фрагментами системы управления, кем-то специально созданной?

Так или иначе, противоречие социальной практики легко выражается в форме известного расселовского парадокса: если есть деятельность по управлению той деятельностью, которая собой сама не управляет, то возникает вопрос о том, управляет ли управляющая деятельность собою или должен существовать иерархически более высокий уровень управленческой деятельности? Возможен и третий вариант, когда вся только что описанная теоретическая проблематика рассматривается в качестве выражения определенной исторически обусловленной социальной практики, связанной с построением иерархических вертикалей управления. И даже более того – сами эти иерархические вертикали

лишь отражают определенную логику, которая владеет деятелями, строящими их. Но тогда допустимо помыслить иную, совершенно другую логику, выводящую нас за пределы только что описанных теоретических и практических конструкций. Попробуем наметить ее контуры.

Автор в своей статье «Шахматная игра и квантовая механика» (<http://www.sciteclibrary.ru/rus/catalog/pages/3457.html>) показал, как онтология классической науки отражается в конструкции шахматной игры. В шахматах есть некие основные правила движения фигур, которые постоянны и неизменны, а есть закономерности игры, приводящие к определенным позициям. Сами физики (в частности, Ричард Фейнман в книге «Характер физических законов») отмечают, что научная картина мира именно такова: микрочастицам и физическим полям присущи неизменные законы движения, а структуры образованные на основе их (материальные системы — физические, химические, биологические) функционируют и развиваются по своим специфическим законам.

Характерным свойством отмеченной аналогии является то, что роль субъекта здесь оказывается вынесенной за скобки, причем в два этапа. Сначала вместо двух игроков представляем одного субъекта, который обладает знанием как законов основных, так и закономерностей, по которым одни композиции фигур переходят в другие. Тогда игра предстает в форме воздействия субъекта на динамический объект, реагирующий на это воздействие определенным образом. Игрок может полностью абстрагироваться от того, что его противником является какой-либо субъект (тем более что и на самом деле по другую сторону доски может быть не человек, а компьютер). Но тогда, и оставшегося субъекта-игрока мы тоже можем устранить, заменив его машиной, действующей по определенному целеполагающему алгоритму. Следовательно, и вообще, вся развертка шахматной партии может протекать внутри одной сама-с-собой-играющей машины, всякий раз реализующей один из допустимых вариантов развития игры. Фактически мы определяем виртуальное существование некоего шахматного мультиверсума, где заданы все варианты партий, заложенные в исходных основных законах и закономерностях игры.

Итак, странным образом, интеллектуальная игра стала бессубъектной, точно также как и в научной картине мира субъект, в конечном счете, стал ненужным — человечество оказалось одной из существующих во Вселенной материальных систем, функционирующих по своим специфическим законам. Конечно, можно напомнить, что данная картина мира сама является субъективным творением (получается, теория исключаящая наличие теоретика), но философский спор на эту тему сейчас не входит в наши планы.

Однако мы полагаем, что возможно радикальное решение: построение иной логики, в которой необходимость рефлексивной субъектности становится очевидной. Не так давно появилась концепция так называемых синхронных шахмат (Synchronitis Chess) — история их создания описана в книге В.А. Трубицын, П.В. Полуян, «Вторая шахматная революция: шахматы сверхбудущего» (СПб, 2006). Дело в том, что обычные шахматы основаны на классической логике взаимодействия: стороны по очереди действуют друг на друга, а результат

возникает как реализация одного из вариантов детерминированных причинно-следственными закономерностями игры. Оказалось, однако, что если ходы делать синхронно (одновременно предъявляя противнику письменно зафиксированную запись выбранного хода)), то даже в рамках заданных правил движения возникает индетерминическая неопределенность. Чтобы выбрать ход, игрок одновременно должен стоять на двух взаимоопределяемых позициях. Оптимальным выбор может стать, только если известен выбор хода, сделанный противником, но тот выбор делается на основе предположений точно такого же порядка. Легко заметить, что здесь мы имеем дело с рефлексивностью, присущей деятельности субъекта, а не с детерминистским воздействием одного объекта на другой.

Мы утверждаем, что смоделированный таким образом тип взаимодействия (самодействия) является элементом особой квантовой онтологии и исходным пунктом построения логики постнеклассической науки. Подробное обоснование этого утверждения выходит за рамки предлагаемых здесь кратких тезисов.

ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ МЕТАСВОЙСТВ НА РАЗНЫХ УРОВНЯХ МЕТАОДАРЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ

М.В. Потемкина

*(Ярославский государственный университет
им. П.Г. Демидова, г. Ярославль)*

Проблема произвольной регуляции деятельности занимает ведущее место в современной психологической науке, где становится все более актуальным рассмотрение психики человека как некоторой сложной системы, имеющей структурно-уровневую организацию, где дифференцируемые уровни имеют глубокие качественные различия по содержанию; по характеру интегративных средств, лежащих в их основе; по своей феноменологии. При чем данная система является открытой и взаимодействующей с иными системами. В связи с чем психика как система характеризуется двумя классами взаимодействий — внешне- и внутрисистемными. Особенность данных взаимодействий состоит в том, что «внутрисистемные» взаимодействия, которые интегрируют систему в целостность, не только определяют собой «внешнесистемные» взаимодействия, но сами определяются ими. Так, С.Л. Рубинштейн в своих работах подчеркивал диалектическое единство «внешнего и внутреннего в детерминации и функционировании психического». С другой стороны, чем сложнее система, тем более относительным и трудноразличимым становится разделение «внешне-» и внутрисистемных процессов. Внешняя объективная реальность получает свое «удвоенное» бытие в форме субъективной реальности — «отраженного». И чем более полным, точным и адекватным будет такое отражение в содержании психики, тем соответственно более высокими окажутся ее адаптационные возможности. Последнее возможно лишь при включении механизмов осозна-

ния и регуляции как способа организации психической активности. Таким образом, на первый план выступают проблемы когнитивной и регулятивной рефлексии (как проявлений «внешне»- и «внутренне»- направленной рефлексии). Наиболее традиционным является рассмотрение рефлексии как «самовосприятия», «самопознания», «самоанализа». Вместе с тем, рефлексия не может быть сведена лишь к ее «внутреннему» плану. Рефлексия играет самую непосредственную роль в обеспечении регуляции внешней активности (деятельности, поведения, общения). Рефлексия по своему содержанию есть не только отражение психики как системы, но и механизм выхода за ее пределы. Как отмечает А.В. Карпов в своей теории о метасистемном принципе организации психики, рефлексия как процесс образует собой системный уровень в общей структуре психических процессов, но по своим результатам она означает переход на иной — метасистемный уровень организации. Последний имеет двойственную локализацию, выступая одновременно и высшим ведущим уровнем самой системы и частью более общей метасистемы, куда входит в качестве компонента данная система. Иными словами по своим процессуальным средствам рефлексия воспроизводит в себе всю систему психических процессов, и тогда результативным проявлением данного средства выступает вся феноменология сознания. Выступая на системном и метасистемном уровне организации психики, рефлексия содержит в себе огромный потенциал для организации всех иных — и когнитивных и личностных свойств. И существует ряд исследований, описывающих особенности организации когнитивных и личностных свойств у субъектов с различным уровнем рефлексии. Наше исследование поставило иную цель — воссоздать закономерности структурной организации метасвойств когнитивной и регулятивной природы в зависимости от уровня метаодаренности личности. Под метаодаренностью подразумевалась общая способность к рефлексии. На наш взгляд, общая структура психики не может быть полностью раскрыта без характеристики высшего — рефлексивного уровня ее организации.

Для диагностики рефлексии нами были использованы преимущественно исследовательские методики, что связано с относительно слабым уровнем разработанности собственно методических (психодиагностических) средств исследования метапроцессов. В целом нами были измерены личностная рефлексия, саморефлексия, социальная рефлексия, коммуникативная рефлексия, интеллектуальная рефлексия, метакогнитивная включенность в деятельность и метакогнитивная регуляция общения.

Метакогнитивная включенность в деятельность и метакогнитивная регуляция общения — это своего рода «регулятивная рефлексия», в основе которой лежит синтез системы интегральных — специфически регулятивных процессов, обращенных в первом случае на деятельность, а во втором — на общение.

В исследовании приняло участие 200 человек в возрасте 22-60 лет, мужчины и женщины, с высшим и средним специальным образованием.

В связи с комплексным характером самого исследования обработка и интерпретация исследования осуществлялась в несколько этапов.

1. Определялись корреляционные связи между всеми полученными переменными. Были обнаружены значимые положительные взаимосвязи между рядом метакогнитивных свойств когнитивной и регулятивной природы (на уровнях значимости 95% и 99%), что позволяет предположить наличие в структуре психики общего метаобразования, которое определяет уровень метаодаренности личности. С другой стороны это дает все основания рассматривать рефлексию как целостный процесс и общую способность, отдельные виды и стороны которой носят условный характер, а соответственно когнитивная и регулятивная стороны метапознания образуют единый, высокоорганизованный комплекс.

2. Общая выборка ($n = 200$) была дифференцирована, согласно методу «полярных групп» на три группы: 1) группу высоко метаодаренных индивидов; 2) группу низко метаодаренных индивидов и 3) группу средне метаодаренных индивидов.

Критерием разделения выборки на отдельные группы выступал либо один параметр, соответствующий показателю каждой отдельной методики. Либо мы использовали поликритериальный принцип формирования групп, тогда мы учитывали результаты в комплексе сразу по нескольким методикам. Мы рассматривали общую метаодаренность как симптомокомплекс всех исследуемых характеристик; метарегулятивную и метакогнитивную одаренность, а так же рефлексию, связанную с субъект-субъектными и субъект-объектными отношениями. Для каждой из трех групп по каждому критерию строились матрицы интеркорреляций результатов, которые легли в основу для построения структурограмм значимо коррелирующих друг с другом показателей метапроцессуальной сферы. Каждая полученная структурограмма оценивалась по системе структурных индексов: индекса когерентности, дивергентности и организованности структур. При этом учитывались связи, значимые на 95% и 99% уровне значимости. Кроме того, использование метода χ^2 выявило гетерогенность целостных структур исследуемых параметров. В результате были отмечены следующие особенности структурной организации метасвойств:

– метакогнитивное интегральное образование, синтезирующее в себе разнокачественные метасвойства, имеет разный уровень организованности в зависимости от уровня метаодаренности личности; зафиксирована прямая зависимость уровня организованности структуры метасвойств от степени метаодаренности личности;

– наиболее организованным симптомокомплексом метасвойств обладают субъекты, имеющие высокую способность к рефлексии регулятивного плана и межличностного (к социальной и коммуникативной рефлексии).

3. Была проведена экспертная оценка и сбор информации о карьерном продвижении испытуемых. Было выявлено, что лица с наименее организованной структурой метасвойств получили наименьшие экспертные оценки, а также находятся на невысоких позициях в штатном расписании. Нами было сделано предположение о наличии определенного порога организации метасвойств, не достижение которого в индивидуальном психическом развитии не

позволяет проявлять субъектам проявлять минимально необходимую продуктивность, достаточную для высокой динамики карьерового продвижения, а также реализовывать деятельность на высоком уровне. Это подтверждается результатами нашего исследования. Была выявлена прямая зависимость между величиной экспертных оценок и уровнем организации метасвойств в единую структуру.

СУБЪЕКТ ИННОВАЦИИ И СТРУКТУРА ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Д.В. Реут

(НИИ общественного здоровья и управления

здравоохранением Академии им. И.М. Сеченова, г. Москва)

«Говоря о сути человеческого бытия, философия указывает, что специфическим человеческим способом существования в мире является деятельность вообще, интегральная деятельность, жизнедеятельность в самом глубоком смысле этого слова» [1].

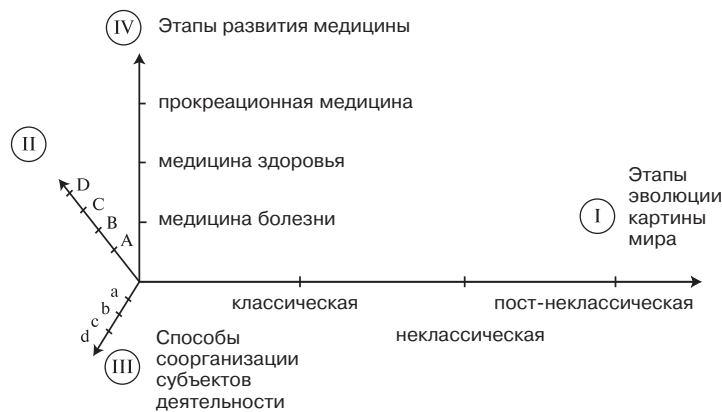
Рассматривая деятельность в европейской научной традиции, мы вынуждены прибегать к инструменту редукций. В частности, человека или некоторую человеческую общность в процессе деятельности будем представлять в виде субъекта. Способ деятельности субъекта зависит от картины мира, в котором она осуществляется. На заре цивилизации окружающий субъекта мир представлялся ему неизменным, поэтому деятельность могла осуществляться традиционно, по раз и навсегда заведенному сценарию, например, в соответствии с природными циклами [2]. Подчиняясь росту потребностей, деятельность коллективного субъекта приобрела расширяющийся характер, в результате экологическая нагрузка на окружающий мир неуклонно возрастает. В настоящее время она уже десятикратно [3] превышает естественные возможности биосферы. Таким образом, инновации, понимаемые как изменения форм и содержания деятельности, объективно необходимы.

Подчиняясь культурной мыслительной традиции, субъект европейской формации склонен структурировать пространство своей современности, выделяя наиболее значимые для него аспекты (оси) этого пространства. На рисунке (с. 92) представлен пример такой структуры, конкретизированный для субъекта общественного здоровья, разрешающего проблему депопуляции [4].

Здесь на оси I присутствуют этапы эволюции картины мира в классификации работы [5]. Можно согласиться с тем, что они являются наиболее существенными для организации деятельности в складывающейся картине мира, однако, не исчерпывают ее.

На оси II отражена эволюция моделей будущего: А) Традиционные культуры, как известно, существуют в циклическом времени: для них будущие циклы не отличаются от прошлых; В) «Просвещенные» культуры размыкают временной цикл, превращая его в «стрелу времени». Будущее является людям отличным от прошлого, но, по мнению аналитиков, предсказуемым. В этой зоне мы

находимся сейчас. С) Естественно, по мере ускорения прогресса, будущее все труднее поддается предсказанию. В результате оно окажется непредсказуемым, но еще узнаваемым. D) И, наконец, по прогнозам футурологов, «ураган прогресса» может вынести «утлый челн» человечества туда, где будущее окажется не только непредсказуемым, но даже неузнаваемым.

На оси III представлена эволюция форм соорганизации субъектов деятельности: а) иерархии, б) матричные структуры (в том числе, многомерные); с) сети; d) полиархии.

На оси IV показана эволюция предметных представлений; здесь — концепций медицины: медицина болезни, медицина здоровья (профилактическая медицина), прокреационная медицина (прокреация — воспроизводство жизни. Здесь мы будем понимать его в расширительном значении — не просто живневоспроизводящий, но — предшествующий и способствующий воспроизводству жизни).

Концепции медицины болезни и медицины здоровья общеизвестны. Концепция прокреационной медицины [4] возникла как предложение по выходу России из ситуации стремительной депопуляции. Чтобы иметь принципиальную возможность творить свою историю, коллективному субъекту необходимо прежде всего в ней присутствовать в течение времени, сравнимого с протяженностью творимых событий. Искомое присутствие субъекта обеспечивается его способностью воспроизводить себя в течение этого времени, которую мы будем оценивать прокреационной состоятельностью. Для ее обеспечения в составе коллективного субъекта должны наличествовать механизмы, эффективно обеспечивающие его воспроизводство на всех уровнях от биологического до социального включительно за пределами длительности отдельной человеческой жизни. Европейская культура, к которой принадлежит Россия, в свое время экстрагировала прокреационный ресурс и ответственность за исполнение прокреационной функции с уровня семьи (включив женщину в общественное производство и введя институт социального обеспечения) и передала его

на государственный уровень. Эффективность построенной таким образом прокреационной системы оказалась неудовлетворительной. В исправление этой ситуации логика развития медицины должна быть естественным образом продолжена от медицины болезни и медицины здоровья - концентрацией усилий на создании условий для желанного рождения не болеющих детей, причем – рождении их в количестве, обеспечивающем расширенное воспроизводство населения.

Субъект деятельности посредством рефлексии актуализирует себя в той или иной точке пространства современности и организует собственную деятельность в соответствии с пониманием ситуации. Если она неудовлетворительна, субъект может предпринять инновацию. Цикл инновации описывается в терминах последовательной смены видов деятельности. Декомпозиция активности субъекта, специфицируемой в качестве деятельности, позволяет выделить следующие антиномические пары этих видов: когнитивная – проектная, нормотворческая – креативная, управление – подчинение. Цикл инновации начинается с рефлексивного анализа ситуации, т.е. с когнитивной деятельности. Затем следует процедура упорядочения, классификации – нормотворчества. Далее следуют креативная, проектная фазы и, после определения своего места в избранной или узнанной форме соорганизации субъектов деятельности – реализация управления или подчинения, сопровождаемая мониторингом.

Литература

1. *Сарансков В.Е., Грузина Е.С.* Качество жизни: к вопросу о сущности и содержании понятия. // Сборник научных статей ко II Международному форуму «Качество жизни: содружество науки, власти, бизнеса и общества» / Фонд «Социальная инициатива». Ч. II – М.: Муниципальный мир, 2005. С. 130-142.
2. *Цуцки Ю.К.* Китайская классическая книга перемен. – М.: Наука, 1993. – 606 с.
3. *Моисеев Н.Н.* Междисциплинарные исследования глобальных проблем. Избранные труды. В 2-х томах. – М.: Тайдекс Ко, 2003. Т.2. – 376 с.
4. *Реут Д.В.* Прокреационная концепция здравоохранения // Россия: тенденции и перспективы развития. Вып. 2. М.: ИНИОН РАН, 2007. С. 112–124.
5. *Степин В.С.* Теоретическое знание. М.: «Прогресс – Традиция», 2003. – 744 с.

СУБЪЕКТНЫЕ ОСНОВАНИЯ КОНСТРУИРОВАНИЯ СОДЕРЖАНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

О.В. Санникова

(Удмуртский государственный университет, г. Ижевск)

Современная трактовка формирующегося в России общества знаний должна подразумевать не только возможности, связанные с доступностью знания, но и определенные способы отношения к знанию, т.е. наличие субъектов - «потребителей» этого знания. Причем субъектность индивида в отношении к доступному знанию проявляется двояко. Во-первых, в свободном выборе такого знания из массива доступных предложений, которое необходимо, соответствует интересам, применимо, полезно. Во-вторых, в конструировании потребного

знания, например, в условиях принуждения необходимостью (социальной или профессиональной) к освоению того или иного их (знаний) объема, например в рамках системы образования. Необходимость конструирующего отношения к знанию как учебному материалу и превращения тем самым этого материала в образовательное знание, а индивида в субъекта своего образования особенно актуальна, когда предложенное к освоению знание в рамках профессионального образования не соответствует представлениям индивида о характере будущей деятельности. Частным вариантом такого расхождения можно считать присутствие естественнонаучной компоненты в дисциплинарной подготовке студентов-гуманитариев. Ощущение этого расхождения создает ситуацию отчуждения индивида от содержания образования.

Чтобы преодолеть это отчуждение, необходимо определить, как различные научные конструкты (гуманитарный и естественнонаучный) определяют основания конструирования содержания образования. В соответствии с точкой зрения А. Шюца [1.С. 9], ученые естествоиспытатели отбирают факты и события универсума природы в соответствии со своими целями, своей системой релевантностей, поскольку создают конструкт, лишенный собственной структуры релевантностей. Если стоять на позиции естественнонаучного знания, то конструирование содержания образования должно исходить из следующего.

Содержание образования конструируется в соответствии с внешними целями, релевантностями самого конструирующего, заведомо отчужденное от тех, к кому он должен быть обращен, как впрочем, и от самого конструктора. Содержание образования — некий предписанный извне конструкт, принуждаемый к исполнению неким институтом, в котором предписывающие, принуждающие и контролирующие функции явно несогласованы между собой, и тем более не согласованы с возможностями и потребностями тех, кто должен (по мнению конструктора) встать в непосредственное обобщенное отношение к этому содержанию (преподаватели, учащиеся, администрация образовательных учреждений и т.д.).

Эта ситуация порождает риторические вопросы типа, «Для чего это надо знать?», «Поскольку они остаются без ответов, (которые и не предполагались в связи с сокрытием целей конструктора от принужденных вступать в отношения с этой конструкцией содержания образования), анонимность автора обеспечена. Как ни старайся, не найдешь его следов в обезличенном конструкте содержания образования, не обращенной ни к самому конструктору, ни к тем, кого обязали этот конструкт воспринимать. Безличная обобщенная конструкция содержания образования не различает обращающихся к ней, не различается и в самой себе. Из-за отсутствия внутренних релевантностей происходит некая типизация содержания образования, предписывающая типический взгляд на факты природы, типический метод их изучения, поиск типического и только типического не только в природном, но и социальном мире.

Содержание образования — конструкт, лишенный собственных релевантностей. Входящие в него элементы фрагментарны, безразличны друг другу, отделены дисциплинарными границами. Отсутствие внешних релевантностей ведет к

дисциплинарной организации содержания образования. Эта организация — лишь слабая попытка обеспечить содержанию образования научность, воспроизведя в его конструкте дисциплинарную организацию науки, хотя бы потому, что в содержании образования не воспроизводится система социокультурных релевантностей, обусловившая конструкт научной дисциплинарности. Поэтому дисциплинарность содержания образования имеет другие основания для конструирования, нежели дисциплинарность науки, значит, попытки устроить так называемые «межпредметные связи», скопировав тенденции научной междисциплинарности, заведомо обречены на неудачу. Имеет смысл утверждать, что для преодоления дисциплинарной организации содержания образования необходима другая система релевантностей, нежели собственно в научном знании.

Ситуация осложняется тем, что содержание образования не воспринимается в естественнонаучном дискурсе как конструкт конструктов, а трактуется как прямое отражение фактов и связей реальности, подобной природе с ее релевантной опустошенностью. В таком подходе опустошается и социальная реальность, которая вводится в содержание образования как продукт действия не индивидуальностей, а безличной типической всеобщности (типа необходимых, объективных законов общества).

Учебные дисциплины «не заинтересованы» друг в друге, даже конкурируют за приоритет в получении ресурсов (материальных, человеческих, временных, пространственных и т.д.). В конце концов, устраивается некая иерархия учебных дисциплин, обусловленная внешней релевантностью создателей учебных программ. Поскольку это иерархия конструируется извне и внутренней конструкции лишена, индивид не может конструировать собственное отношение к содержанию образования. Лишенное внутреннего конструкта, содержание образования опустошается, остается лишь его именование. Поэтому, на наш взгляд так содержательно скудны определения содержания образования в официальных документах, учебниках по педагогике, теории образования и т.п. Эта скудость вызывает и проблемы его (содержания) наполнения. В принципе, это пустое содержание может быть наполнено чем угодно. Возникает подобие конкуренции внешних релевантностей создателей учебников, программ, учебных планов и т.д., предъявителей социальных заказов, запросов общества или конкретных социальных институтов. Каждая из конкурирующих сторон стремится превратить свое индивидуальное представление о том, чем должно быть наполнено содержание образования, в некое общее отношение к этому содержанию, убеждая, принуждая к тому, что каждый обучающийся должен владеть той или иной учебной информацией в обязательном порядке. Это с неизбежностью ведет к отчуждению содержания образования как от обучающего, так и от обучаемого.

Если исходить из методологической позиции социальных наук, то конструкт содержания образования может выглядеть следующим образом.

Содержание образования — это конструкт конструктов, созданный взаимодействием (полем) релевантностей обучающего и обучаемого. Поэтому содержание образования конструируется на основе конструктов и интерпретаций

субъектами, создавшими «объект мышления», проинтерпретировавшими «... этот мир в конструктах обыденного мышления повседневной жизни» [1. С. 9]. В данном случае «этот мир» – знания, представления, впечатления, отношения, которые субъекты так или иначе приобрели в ситуации освоения ими того или иного варианта «материи знания» в конкретной биографической ситуации. Теперь эти «объекты мышления» служат им ориентиром в их социо–культурном окружении, помогают поладить с ним [1. С. 9]. Новые конструкты содержания образования могут вписаться в уже существующие или остаться безразличными к ним. В последнем случае отчуждение субъекта от содержания образования не преодолевается. Может присутствовать и вариант, когда новый конструкт содержания образования будет грозить разрушением тому конструкту, который долгое время и успешно служил индивиду ориентиром в социальном мире. Перед лицом этой угрозы индивид неизбежно окажется перед выбором: согласиться на замену конструкта или отторгнуть его, что потребует определенности отношения к новому конструкту содержания образования, конструкции которого (отношения) индивид будет создавать самостоятельно, исходя из собственной системы релевантностей. В этом и будет заключаться преодоление отчуждения от содержания образования через включение индивида в его (содержания) конструкт.

Литература

1. Шюц А. Обыденная и научная интерпретация человеческого действия/В кн.: Шюц А. Мир, светящийся смыслом. – М.: РОССПЭН, 2004. С. 7-50.

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ
(проект №060600049а)*

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ТИПЫ РЕФЛЕКСИИ СОДЕРЖАНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ: СУБЪЕКТНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ПОДХОД

О.В. Санникова, И.В. Меньшиков

(Удмуртский государственный университет, г. Ижевск)

Проблема субъекта в образовании все чаще становится центром обсуждения образовательной проблематики разнообразных дискурсов: от специально-педагогического и социологического до философско-образовательного. Обсуждения касаются двух групп взаимосвязанных проблем, относящихся к специфике современного изменяющегося общемирового порядка, в особенности обстоятельств продолжающейся трансформации всех сторон жизни российского общества. Первая группа проблем относится к трансформации роли образования в соответствии с динамикой общества в целом, выраженных через дилемму устойчивости-изменчивости, что связано с противоречивой миссией образования: не только сохранять и воспроизводить существенные для устойчивости общества факторы, но и ориентировать на будущее, которое для современного общества становится все более проблематичным, многовариантным, неоднозначным. Вторая группа проблем относится к гуманистическому

предназначению образования: раскрывать человеческому индивиду в специфических формах знания условия его человеческого бытия, которая (проблема) касается не столько способов этого раскрытия, сколько определения самой сущности человеческого. Ответственность за осознание и решение этих проблем возлагается на содержание образования, «авторство» которого традиционно не принадлежит самому обучающемуся. В ситуации отношения к содержанию образования, сконструированному образовательной институцией, формулирующей общественные и индивидуальные смыслы и предназначение образования, учащийся оказывается объектом, заведомо лишенным возможности определять границы этого содержания. Тогда содержание образования – то, что предстает индивиду (и, прежде всего, некое знание) в специфической организации специфической деятельности, в которой он оказывается в связи с определенными социокультурными потребностями, но скорее не своими собственными, а потребностями предстоящей ему общности/социальности. Содержание образования – идеально /символически/семантически объективированное в конструктах знания общественное/социальное потребное, в отношении к которому ставит индивида образовательная институция.

Источник отчуждения индивида от содержания образования состоит в том, что это содержание предстает как предъявляемые институцией требования к его (индивида) будущему состоянию, так или иначе репрезентирующему некое будущее состояние общества. Потребность общества в достижении этого состояния, потребность индивида существовать в этом будущем создает индивидуальную и социальную ценность содержания образования. Это ценностное отношение в любом случае создает определенный тип рефлексивного позиционирования индивида относительно содержания образования, который может изменяться в соответствии с динамикой общества, отраженной в динамике социального познания, смене познавательной парадигмы в связи с переходом к постнеклассическому типу научной рациональности. Направленность этой динамики указывают постнеклассические тенденции в науке и обществе, определяющие позиционирование индивида как активного творца обстоятельств и результатов своего собственного познания, необходимо представить схему, модель становления его субъектности в отношении содержания образования.

Можно предложить некую классификацию типов рефлексивного отношения субъекта к содержанию собственного образования, подобно разработанной В.И. Аршиновым и его коллегами динамики рефлексии субъекта научного познания над основаниями своего знания (от классического к постнеклассическому ее варианту) [1].

Имитативный тип исходит из представления о социальной реальности как устойчивой, воспроизводящейся в своей основе, объективированной, изменяющейся в направлении однозначно и всеобщим образом определенного будущего. Транслирует комплекс всеобщих объективированных ценностей, обеспечивающих устойчивость социальной системы, которая ориентирует субъекта на совпадение с этой системой. Рефлексивное отношение субъекта к содержанию образования характеризуется как непроблематизированное, обусловленное только

одной группой детерминант (идеологической, социоструктурной), восприятием содержания образования как способа вхождения в некое объективированное социальное целое, благодаря чему происходит объективация субъектом самого себя, выход за пределы собственного содержания образования, и, как следствие, исчезновение необходимости и возможности управлять этим содержанием.

Прагматически-манипулятивный тип опирается на представления об однозначно прогрессивном изменении социальной реальности в направлении единственного и лучшего будущего. Но не предзаданного, а достигаемого собственными усилиями субъекта при условии совпадения его деятельности с действиями объективных законов развития социума. Транслирует ценности индивидуальной успешности, обеспеченной манипулятивным и прагматическим отношением к многообразию объективных социальных детерминант, в большей мере обусловленным стремлением субъекта обеспечить собственное позиционирование в рамках ограниченной корпоративными рамками социальной структуры. Рефлексивное отношение субъекта к содержанию образования характеризуется как частично проблематизированное, связанное с необходимостью выбора наиболее эффективного инструментального его (содержания) использования для решения конкретных практических задач.

Конвенциональный тип исходит из представления о социальной реальности как комплексной, включающей субъекта в качестве стохастизирующего компонента, чьи ценностные установки влияют на настоящее и будущее состояние этой реальности. Многообразие ценностных позиций субъектов создает многообразие моделей реальности как способов ее субъективного описания в отношении множественности вариантов ее будущего состояния. Транслирует ценностный комплекс как полученный в коммуникативном взаимодействии продукт согласования позиций субъектов относительно оснований, из которых исходят многообразные способы описания социальной реальности. Рефлексивное отношение субъекта к содержанию образования характеризуется как проблематизированное, где это содержание воспринимается как индивидуальный конструкт, продуцируемый общей коммуникативной средой и имеющий, поэтому, индивидуально-сетевой характер. В этом случае содержание образования становится незавершенным в себе, провоцирующим участие индивида в своем достраивании, дополнении, активным и побуждающим к активности, пробуждающим субъектность.

Хотя эти три типа рефлексии обусловлены различными онтологическими и ценностными факторами, связь между ними существует, и, скорее, не иерархически подчиненного характера. Эти типы создают некое поле рефлексивных отношений, в котором субъект может перемещаться от одной позиции к другой, конструируя способы соотношения между ними. Таким образом, необходимое «возвращение субъекта в образование» происходит как расширение поля его рефлексии над его (образования) содержанием. Хотя эти три типа рефлексии обусловлены различными онтологическими и ценностными факторами, связь между ними существует, и, скорее, не иерархически подчиненного характера. Эти типы создают некое поле рефлексивных отношений, в котором субъект может перемещаться от одной позиции к другой, конструируя способы соотношения между

ними. Таким образом, необходимое «возвращение субъекта в образование» происходит как расширение поля его рефлексии над его (образования) содержанием.

Тогда возможно содержание образования рассматривать как динамическое субъект – объектное единство. Оно изменяется не только в связи с включением в него нового материала науки и культуры, но и в связи с динамикой субъектности индивида. В содержании образования, (если рассматривать его как синтетическое, в аспекте субъект-объектного единства) формируются источники его самовоспроизводства и саморазвития, что позволяет ему выполнять конструирующую функцию не только по отношению к субъектности индивида, но и к социокультурной реальности. Предзаданные содержанием образования варианты будущего, транслируемые через индивида в социокультурную среду, оказывают обратное воздействие на ее настоящее. Возникающий тип обратной (двойной) детерминации «социокультура - содержание образования - социокультура» предопределяет изменение роли и места образовательной институции в нестабильном постсовременном социуме. В связи с этим изменится оценка системы образования и ее функций со стороны других социальных институтов, в том числе и государства. Образование из нахлебника социальной сферы превратится в фактор социальной организации и управления, актуализирующий обществу его потребности, ценности, цели.

Литература

1. Аршинов В.И. и др. Становление субъекта постнеклассической науки и образования // В кн.: Синергетическая парадигма. Синергетика образования. – М., 2007. С. 117.

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ
(проект № 060600049а)*

ТЕХНИКИ РЕФЛЕКСИИ В ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ

П.А. Сафронов (МГУ им. М. В. Ломоносова, г. Москва)

Целью настоящей работы является установление элементов такой техники работы вузовского преподавателя при проведении семинарского занятия, которая вызывала бы у студентов конструктивный интерес к разбираемому вопросу. Конструктивным является интерес, обладающий качеством рефлексивности. Рефлексивность как качество образовательного процесса предполагает возможность продуктивного умножения точек зрения на рассматриваемую конкретную проблему, возникающего за счёт «подвешивания» исходной системы допущений. Исходной системой допущений в случае семинарского занятия является всё фоновое знание, имеющееся у студентов к его началу.

Внедрение элементов рефлексивности в образовательный процесс является в первую очередь методологической задачей. Преподаватель в таком случае демонстрирует различные способы того, как можно смотреть на проблему, однако ничего не говорить о том, что нужно увидеть. В негативном плане задачей преподавателя при проведении семинара является «закрытие» ответа, то

есть устранение веры студентов в то, что в конце концов будет сформулирован заранее известный правильный ответ. В позитивном плане задачей преподавателя является формирование у студентов убеждения, что каждый из них может дать интересный, продвигающий обсуждение вперед ответ.

Совокупность средств, обеспечивающих решение позитивной задачи преподавания, назовём техниками рефлексии. Проблему как предмет целенаправленной интеллектуальной дискуссии будем именовать объектом. Выделим два класса техник: аналитические и синтетические.

Аналитические техники рефлексии строятся на варьировании степени сложности связей внутри рассматриваемого объекта. Иначе говоря, функцией анализа является установление предела конструктивной мощности рассматриваемого объекта, за которым он теряет необходимую целостность. Предпосылкой применения анализа является гипотеза об уровне устройстве объекта, различающая внешнее/несущественное и внутреннее/существенное. Шагами осуществления анализа являются: 1) выяснение числа составляющих в объекте; 2) установление отношений между составляющими; 3) классификация составляющих на константы (есть во всех отношениях) и переменные (есть в некоторых отношениях); 4) конструирование образца объекта, состоящего только из констант.

Синтетические техники рефлексии строятся на варьировании объёма одновременно приписываемых объекту свойств. Иначе говоря, функцией анализа является установление предела прозрачности границ рассматриваемого объекта, за которым он теряет необходимую специфичность. Предпосылкой применения синтеза является гипотеза о наличии мотивированного сходства между различными типами объектов. Шагами синтеза являются: 1) фиксация интуиции сходства; 2) установление правил сведения к общему; 3) определение вида и способа существования общности; 4) порождение новой последовательности объектов, обладающих всеми полезными качествами участников синтеза.

Рефлексивно эффективным будет такой семинар, на котором одна из двух техник или обе вместе будут применены в полном объёме. Результатом применения техники рефлексии является раскрытие креативного потенциала студентов в работе со сложными абстрактными объектами. В ходе доклада планируется представить примеры применения указанных техник.

РОЛЬ РЕФЛЕКСИВНОЙ ГЕШТАЛЬТ-ТЕРАПИИ В СУБЪЕКТНОМ РАЗВИТИИ РУКОВОДИТЕЛЯ МАЛОГО БИЗНЕСА.

И.Н. Семенов, С.А. Смирнов (*Институт рефлексивной психологии творчества, г. Москва*)

Одной из стратегий социально-экономического развития России и становления в ней гражданского общества является формирование его среднего класса, включающего и представителей среднего и малого бизнеса. В связи с этим является актуальным рефлексивно-психологическое изучение субъектного развития руководителя малого бизнеса как активного и креативного деятеля в

быстроразвивающейся социально-экономической среде, самостоятельно принимающего инновационные и ответственные управленческие решения. Их социальная адекватность и экономическая эффективность определяются не только конкретными условиями конкуренции в данном сегменте бизнеса и профессиональной компетентностью осуществляющего его субъекта управленческой деятельности, но его рефлексивными способностями фиксировать, осознавать и преодолевать различные объектные препятствия и субъектные трудности, возникающие на пути достижения успеха в своём экономическом поведении и деятельности управленца. Встречающийся в современных условиях спектр как внешних, объективных препятствий, так и, в особенности, внутренних, субъектных трудностей весьма широк. Их выявление, изучение, типология и, в особенности, разработка рефлексивных психотехнологий преодоления представляют собой самостоятельную проблематику такого нового направления человекознания, как рефлексивная психология индивидуальности и экономического поведения субъекта и развития его человеческого капитала. Особую область этого направления составляет рефлексивная психотерапия, стремящаяся не только исследовать рефлексивные особенности индивидуальности человека, характер и способности его личности, но, главное, вскрыв пласты и динамику как произвольно рефлексивного, так и спонтанно актуализирующегося экзистенциального сознания субъекта, реально оказать ему психологическую поддержку и психотерапевтическую помощь. Ибо, как показывает практика, многие причины неуспеха в бизнесе, в целом, равно как и неэффективность принятия ряда управленческих решений, зачастую уходят своими корнями в глубинные слои сознания и жизнедеятельности субъекта, экзистенциальный пласт которых научно изучает и технологически осваивает — зачастую на уровне психотерапевтического искусства — психология индивидуального консалтинга, в т.ч. рефлексивная гештальт-психотерапия. Эта инновационная область образовалась сравнительно недавно на стыке классической гештальт-терапии (Ф.Пэрлз, 1993, 2000; С. и А.Гингер, 1999; Н.Лебедева, Е.Иванова, 2004 и др.) и организационного консультирования (Э.Нэвис, 2002, А.И.Пригожин, 2003 и др.), а также ряда направлений рефлексивного человекознания (Н.Г.Алексеев, 1983; В.А.Лефевр, 1965; В.Е.Лепский, 1998; Г.П.Щедровицкий, 1984 и др.): рефлексивно-гуманитарной психологии (И.Н.Семенов, 1990, 2000), рефлексивно-диалогической психотерапии (Г.И.Давыдова, И.Н.Семенов, 1998, 2007), рефлексивной реабилитологии (С.А.Смирнов, И.Н.Семенов, В.В.Кордубан, 1998). Объектом рефлексивной гештальт-терапии выступает субъект, нуждающийся в психотерапевтической поддержке и соглашающийся работать со своим сознанием в качестве клиента рефлексивного консультирования, осуществляемого гештальт-рефлексивными психотехнологиями. Предметом рефлексивной гештальт-терапии является экзистенциально трансцендирующая индивидуальность субъекта, спонтанно актуализирующего и произвольно рефлексивного динамику своего сознания для проявления своего «Я» и его развития как самостоятельно, так и в диалоге с психотерапевтом или в процессе общения с партнёрами по жизнедеятельности. Методами реф-

лексивной гештальт-психотерапии являются как арсенал классических процедур гештальт-терапии, реинтерпретируемых с позиций рефлексивной психологии, так и специально в ней разработанных в целях рефле-психотерапевтической поддержки субъектов-клиентов и их рефлексконсультирования, в т.ч. в практике рефлексивно-психологического обеспечения экономического поведения и профессиональной деятельности руководителя малого бизнеса. Конструктивным прецедентом практико-ориентированного исследования в русле современной рефлексивной гештальт-психотерапии явилось проведенное нами изучение рефлексивно-психологических особенностей индивидуальности и экономического поведения человека как капитала (И.Н.Семенов, 2006, 2007) и разработка принципов и методов гештальт-терапии экзистенциально-профессиональных проблем жизнедеятельности руководителей малого бизнеса (С.А.Смирнов, 2005, 2007). Опыт этих исследований и разработок показал их конструктивность применительно к рефлексивно-психологическому изучению и рефлепсихотерапевтическому консалтингу субъектов управленческой деятельности, в частности, в сфере психологической поддержки руководителей малого бизнеса.

Литература

1. *Давыдова Г.И., Семенов И.Н.* Рефлексивно-диалогическая психотерапия: экзистенциальная модель развития личности //Мир психологии. 2006. № 4.
2. *Семенов И.Н.* Личностно-профессиональный рост и его рефлексивно-творческий потенциал как системообразующие факторы развития человеческого капитала // Психология профессионального роста специалиста. – Тамбов. 2007.
3. *Склизков Д.М., Эрнандес-Кастро Е.И., Семенов И.Н.* Организация как рефлексивное отражение индивидуальной деятельности ее руководителя //Психология индивидуальности. – М.: ГУ ВШЭ.2006.
4. *Смирнов С.А.* Почему все не так? (Рефлексия универсальной потребности и уникальности мотивации)//Главный врач: хозяйство и право. 2007. № 1.

ЦВЕТОВАЯ СЕМАНТИКА – АДЕКВАТНАЯ ИНФОРМАЦИОННАЯ МОДЕЛЬ РЕФЛЕКСИИ И КРЕАТИВНОСТИ

Н.В. Серов

(Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы, г. Санкт-Петербург)

С точки зрения семиотики язык является кодовой системой знаков, в которой наряду с вербальными и невербальными каналами коммуникации, имеются и генетические коды информации, или по К.Г. Юнгу, – архетипических образов коллективного бессознательного. Поэтому без моделирования этих вещей трудно говорить и о возможности адекватной интерпретации процессов рефлексии, креативности и коммуникации. Для начала же необходимо построить информационную модель интеллекта, на основе которой далее анализировать релевантные процессы. Решению этих вопросов – объективации субъективных предикатов рефлексии на базе выводов, приведенных мыслителями прошлого о цветовой семантике и функциях интеллекта – и посвящено настоящее сообщение.

Историко-методологический базис для построения АМИ

Автор/План	С-	Ид-	М-
Конфуцианство	Инь — «Вода», черная, женственная ¹	Ян — «Огонь+Дерево» – мужской (К+гЗ=серый), небесный дух	Инь — «Металл», белая, земная женственная душа ¹
Платон	Конь черный (бесстыжий)	«Возничий» (Федр 253 d)	Конь белый (совестливый)
Библия	Тело (Песн. 1:4; I Кор. 12:12)	Дух ² (Лк. 24: 37–39)	Душа (Пр. 19:2; I Кор. 15:44)
Веды	Карма (утилитарное)	Бхакти (эстетическое)	Гьяна (теоретическое) ³
Декарт	Рефлексы, эмоции	Образы, представления	Мышление, язык
Спиноза	Природа, тело	Творчество, дух	Сознание, душа
Кант	Телесные функции	Духовность эстетического	Рассудок, дискурс
Гегель	Природа, инстинкты ⁴	Дух ⁵	Разум, рассудок ⁶
Вундт	Черный – напряжение	Серый – нейтрализация	Белый – разрешение
Шелер	Инстинкты, тело, аффекты	Субъективное, дух, нелогические акты	Рассудок, логика и акты мышления
Павлов	Первая сигнальная система (безусловные рефлексы) (ощущения, инстинкты)		Вторая сигнальная система (условные рефлексы) Базис речи и абстрактного мышления
Фрейд	Бессознательное — хранилище вытесненного, сексуальность	Пред- и подсознательное – способное осознаваться	Сознание — социокультурные установки, осознаваемое
Фрезер	Черная нить магии	(Красная нить религии)	Белая нить науки
Юнг	Коллективное (архетипы, филогенез)	бессознательное (личное, онтогенез)	Сознание – индивидуация при интеграции и адаптации
Люшер	Черный – агрессивная динамика	Серый — сдержанность	Белый – социальная обусловленность
Пиаже	Ощущения, сенсомоторные механизмы,	Различные виды восприятия, представления	Опыт социализации, навык, речь, мышление
Каган	Природа – биологическое, окружающее	Культура – опредмеченное, распредмеченное	Общество – социальное наследование
Платонов	Биологически обусловленные особенности	Особенности психики и творческого познания	Уровень личного опыта, социально обусловл. качества
Симонов	Подсознание – автоматизм, безусловные рефлексы	Сверхсознание – творческая интуиция, (детская игра)	Сознание – дискурс, знание, социализированный опыт
Серов	Черный – интуиция (Δf) и женственное бессознание	Серый – хобби, игра (Δm) творческое подсознание, дух	Белый — социализирующее сознание, душа матери (Δf)
Гендер ⁷	$\Delta f (S >> Id < M)$	$\Delta m (S < Id > M)$	$\Delta f (S > Id << M)$
Этимология планов	S- (συν – совместно, συγγενες – родство)	Id- (ἰδέα – идея Платона)	M- (μάτηρ – мать, μάθημα – знание)
Логика	Генная ⁸	Образная ⁹	Формальная
Рефлексия	Ощущение	Восприятие (креатив)	Понимание (коммуникация)
Образ АМИ	A – Absorption	I – Information	M – Mirror (reflection)
Локализация	Межзачаточный, спинной мозг	Подкорка, правое полушарие	Кора, левое полушарие мозга

¹ Древнекитайская философия. Эпоха Хань. – М.: Наука, 1990, с. 225-233, 432-439

² Согласно Оригену (185-254 гг.) *Адам символизирует Дух, а Ева – душу* [Бидерманн Г. Энциклопедия символов. (Пер. с нем. / Общ. ред. Свенцицкой И. С). — М.: Республика, 1996, с.12].

³ Тимошук А.С. Эстетика ведийской культуры. – Владимир: ВЮИ, 2003. – 112 с.

⁴ *Инстинкт есть целевая деятельность, действующая бессознательно.* [Гегель. Философия природы, § 360. – М.-Л.: Соцэкгиз, 1934, с.482]

⁵ *Дух подобно Адаму, когда он увидел Еву, достоверно узнает и провозглашает: «это кость от моей кости и плоть от моей плоти».* Природа – невеста, с которой сочетается дух. [Гегель. Философия природы. – М.-Л.: Соцэкгиз, 1934, с.19]

⁶ ...одни лишь рассудочные объяснения и отношения вскоре обнаруживают свою неадекватность инстинкту [Гегель. Философия природы. – М.-Л.: Соцэкгиз, 1934, с.481]

⁷ Под «гендером» понимается психологический пол, в 85 % случаев совпадающий с физическим.

⁸ Barbieri M. The organic codes. An introduction to semantic biology. – Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2004, Ch.3-4.

⁹ Серов Н.В. Цвет культуры. – СПб: Речь, 2004, с.483-487.

Задача подразделения интеллекта на «атомарные» компоненты была сформулирована еще Платоном в «Федре» (253 d), выделившим триаду существенно различных компонентов. В XX веке Фрейд и Юнг детализировали «атомарную картину» введением гипотетических инстанций, которые в конце века нашли свою динамическую локализацию в определенных отделах центральной нервной системы, то есть из разряда метафизических перешли в научную категорию компонентов интеллекта, изучаемых на опыте.

В силу сложности этих понятий и отношений первой ступенью для создания адекватной интерпретации процессов рефлексии, креативности и коммуникации может выступать системно-функциональная модель личности, называемая далее «атомарной» моделью интеллекта (от лат. *intellectus* – ощущение, восприятие, понимание). Каждая из сфер атомарной модели интеллекта (АМИ) характеризуется следующими функциями и онтологическими планами:

Сознание (душа, рассудок, **М-план АМИ**) – произвольно осознаваемые функции социальной обусловленности и формально-логических операций «понимания» с цветами, опредмеченными в каких-либо знаках (в науке, философии и т.п.). К примеру, как замечает Кант, *«человеческий рассудок дискурсивен и может познавать только посредством общих понятий»*.

Подсознание (дух, **Ид-план АМИ**) – частично осознаваемые функции культурной обусловленности и образно-логических операций эстетического, т.е. внепрагматического «восприятия» беспредметных цветов (в игре, искусстве, творчестве и т.п.). Следуя Канту, *«прекрасно то, что познается без посредства понятия»*.

Бессознание (тело, **С-план АМИ**) – принципиально неосознаваемые функции природно-генетического кодирования информации и непроизвольно-биологической обусловленности «ощущений» цвета (цветовые феномены ВНС, аффектов и т.п.).

В таблице представлена дифференциация АМИ по релевантным компонентам, соотнесенным на основании цветовой семантики и приведенных определений.

Итак, согласно представленной базе данных, интеллект является динамической системой функционально выделенных «атомарных» компонентов, каждый из которых включает в себя характеристические смыслы как по отношению друг к другу, так и к внешней среде, что позволяет анализировать процессы рефлексии, креативности и коммуникации на информационно-моделирующем уровне цветовой семантики их онтологического представления.

ЛОЯЛЬНОСТЬ ПЕРСОНАЛА КАК ФАКТОР БЕЗОПАСНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ

Г.Н. Солнцева, Л.А. Агатова (Факультета психологии МГУ
им. М.В. Ломоносова, г. Москва)

Как известно, умышленные, злонамеренные действия сотрудников организации, представляют серьезные угрозы безопасности в информационных и

иных человеко-машинных системах [1, 2]. Эта проблема весьма остро стоит в организациях, которые формируют или реализуют инновационные потоки и которые отвечают за инновационное развитие и особенно за инфраструктуру поддержки инноваций, поскольку здесь быстро меняются типы деятельности и структуры мотивации.

В западной психологии существуют два направления интерпретации «лояльности». Первое рассматривает лояльность как преданность, приверженность, верность организации. В теории менеджмента данное направление связано с организационными факторами лояльности. Лояльность понимается как состояние, в котором человек идентифицирует себя с организацией, ее целями и желает поддержать принадлежность к ней, чтобы облегчить достижение этих целей. Степень выраженности лояльности рассматривается им как мера идентификации человека с компанией, вовлеченности в ее деятельность.

Второе направление делает акцент на лояльности как форме психологической привязанности к организации, набора сильных положительных установок по отношению к ней. Это — «аффективная лояльность». Здесь оценивается влияние эмоциональных переживаний сотрудника на его профессиональную деятельность, лояльность к организации проявляется в эмоциональной привязанности к ней.

Весьма распространенной в настоящее время стала трехкомпонентная концепция лояльности Д. Мейера и Н. Ален [3]. Лояльность персонала в ней определяется как психологическая связь между служащим и организацией, снижающая вероятность того, что служащий добровольно оставит организацию, и включает три основных компонента:

1) аффективная лояльность: идентификация и вовлеченность, а также эмоциональная привязанность к организации (в компании остаются потому, что хотят этого);

2) пролонгированная лояльность: осознание работниками затрат, связанных с уходом из организации (в компании остаются потому, что это выгодно);

3) нормативная лояльность: осознание обязательств по отношению к организации (в компании остаются потому, что испытывают чувство долга перед ней).

Таким образом, в рамках данной концепции лояльность персонала рассматривается через *рефлексивное* отношение сотрудников к компании, где они работают.

В. Доминик [4] рассматривает понятие «лояльность» в контексте внутренней безопасности организации. Согласно его мнению, законопослушность, благонадежность относятся к «ненанесению вреда», а лояльность, преданность, верность — это, скорее, «причинение пользы».

К. В. Харский предлагает рассматривать лояльность как функцию двух факторов: локуса контроля и времени [5]. Эти факторы создают двухмерное пространство лояльности, крайние типы которого автор описывает следующим образом:

1. «Ветеран». Лояльность данного типа определяется прошлым опытом и внутренней мотивацией (внутренний локус контроля). Лояльность таких сотруд-

ников очень устойчива в отношении изменений в организации, на нее события настоящего времени и предстоящие события оказывают лишь малое влияние.

2. «Мечтатель». Лояльность мечтателя основана на тех ожиданиях, которые имеет человек относительно своей компании. Лояльность мечтателя предполагает наличие внутренней мотивации. Такая лояльность способна достигать очень высокого уровня, но этот уровень может существенно упасть, если ожидания сотрудников, относящихся к данному типу, не будут постепенно оправдываться.

3. «Наследник». Его лояльность обязана либо влиянию прошлого, либо влиянию других людей. Такого рода лояльность относительно легко и быстро создается, не требует специальных каждодневных усилий по поддержанию, но, как правило, не достигает очень высокого уровня.

4. «Зомби». Это лояльность на основании внешних мотиваторов и будущего времени. Этот тип лояльности самый шаткий и уязвимый. Сотрудников, относящихся к данному типу, легче всего переманить конкурентам.

Представляет интерес классификация типов поведения нелояльных сотрудников, предложенная Д. Староверовым [6], которые представляют угрозу безопасности организации:

Аддиктивное поведение. Уход от реальности путем изменения своего психического состояния, с помощью наркотиков, алкоголя или постоянной фиксации внимания на определенных предметах или видах деятельности (карты, тараканы бега), для получения интенсивных эмоций. Эти процессы управляют жизнью человека, делают его беспомощным, лишают воли. Для достижения своих целей субъект может пожертвовать, чем угодно.

Антисоциальное поведение. Основная черта - совершение действий, противоречащих этике и морали, безответственность, игнорирование законов и прав других людей.

Суицидное поведение. Подвергающее свою (соответственно и рядом находящихся людей) жизнь риску.

Конформистское поведение. Исполнение воли «авторитета», приспособленчество, не критичность, неспособность принимать решения, брать на себя ответственность.

Нарцисстическое поведение. Повышенная чувствительность к оценкам других людей, отсутствие достаточного чувства сопереживания, дистанцирование от коллектива (как следствие неприятие его норм и требований).

Фанатическое поведение. Слепая приверженности какой-либо идее, нетерпимости к другим взглядам, что может сопровождаться действиями насильственного характера. Нейтральные или дружеские поступки других людей часто оцениваются как враждебные или, заслуживающие презрения. Отсюда невозможность адекватно оценить ситуацию и принять решение.

Аутистическое поведение. Затруднение социальных контактов, оторванность от действительности, погруженность в себя.

Как подчеркивает большинство авторов, чтобы повысить лояльность необходимо подбирать способы и средства, дающие возможность реализовать

профессиональную мотивацию сотрудников, повысить удовлетворенность различными параметрами работы в организации. Представляется, что это невозможно сделать без определенного (высокого) уровня рефлексивных отношений между руководством и основной массой сотрудников.

Литература

1. Солнцева Г.Н., Смолян Г.Л. Человеческий фактор в обеспечении безопасности информационной инфраструктуры // В сб. «Проблемы управления информационной безопасностью». – М.: УРСС. 2002.
2. Смолян Г.Л., Солнцева Г.Н. Критические инфраструктуры, безопасность, психология и моральный выбор // В сб. «Проблема субъектов Российского развития. Материалы Международного форума «Проекты будущего: междисциплинарный подход». – М.: ИФ РАН. 2006.
3. Суворова А. Лояльность персонала, 2006 // <http://www.hr-zone.net/index.php?mod=announce&go=show&id=1531>. 49
4. Доминяк В.И. Феномен лояльности в разработках зарубежных исследователей // Персонал-Микс, № 1, 2003.
5. Харский К.В. Благонадежность и лояльность персонала. – СПб., 2003.
6. Староверов Д. Лояльность персонала как фактор безопасности бизнеса.// <http://www.amulet-group.ru/page.htm?id>

РЕФЛЕКСИВНОЕ МЫШЛЕНИЕ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

Г.В. Сорина

(МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва)

В докладе предполагается рассмотреть несколько групп проблем, которые внешне кажутся совершенно самостоятельными и независимыми:

1. Педагогические, образовательные истоки тектологии А.А. Богданова.
2. Организация работы практических занятий по методу экспертных групп в современных образовательных учреждениях.

Объединяющим элементом этих двух действительно независимых сюжетов станут идеи рефлексивного мышления. Основной тезис доклада может быть сформулирован следующим образом. *Сознательное включение рефлексивного мышления в образовательный процесс повышает качество и результативность образования, приводит к появлению и развитию инновационных идей как непосредственно в образовательной практике, так и в теоретических результатах, далеко выходящих за пределы собственно проблем образования.*

Идея рефлексивного мышления в докладе будет трактоваться в духе Дж. Дьюи. В таком контексте *рефлексивное мышление понимается как активное целенаправленное рассмотрение различных точек зрения и позиций «при свете оснований», на которых оно выстраивается, и на базе анализа получаемых выводов.*

Очевидно, что ответ на вопрос об истоках возникновения богдановской тектологии, который будет рассмотрен в первой части доклада, носит открытый характер [1]. Более того никто с абсолютной достоверностью не может сказать о том, как мыслитель приходит к своим идеям. В то же время, на мой взгляд,

анализ текстов А.А. Богданова позволяет предложить вполне рациональный вариант ответа на это вопрос. В докладе показано:

- что свою систематизаторскую деятельность Богданов начинает под влиянием вопросов его взрослых слушателей в партийных школах и кружках;
- что образовательная ситуация работы со взрослыми людьми требовала от него сосредоточения внимания, в первую очередь, на методах тех наук, которые входили в рассмотрение учебных курсов;
- что слушателям были наиболее интересны не просто специализированные методы конкретных наук, а, напротив, то, что объединяет различные методы в разных науках.

В докладе будет показано, что педагогическая практика Богданова «в сильнейшей степени», как он сам писал, предопределила характер всей его последующей научной и философской работы, что сама необходимость построения единых организационных, тектологических принципов как бы выростала из этой практики.

Во второй части доклада будут представлены основные идеи методики экспертных групп как метода организации практических занятий студентов. Будет показано, что вопросы тематического содержания курса неразрывно связаны с вопросами восприятия и понимания, с рефлексивной деятельностью самих студентов на семинарских занятиях [2].

В докладе будет показано, что работа в рамках экспертных групп ориентирована на формирование у студентов:

- способности к управлению своей собственной интеллектуальной деятельностью, к критическому и рефлексивному мышлению, которые проявляются не только в рамках изучаемой дисциплины, но и в будущей профессиональной сфере;
- вкуса к самостоятельности при работе с источниками;
- умения осуществлять экспертную работу, направленную, в частности, на анализ текста;
- интереса к гуманитарным технологиям и к философии, в рамках которой эти технологии первоначально формируются.

Основные идеи методики задаются, в частности, в системе организационных и этических правил. Эти правила определяют, в том числе, необходимость проведения рефлексивного анализа ситуации, сложившейся на семинаре. В основе методики экспертных групп лежит командный принцип работы и личная ответственность каждого человека, работающего в курсе, за результаты усвоения, понимания и представления результатов своей работы.

Литература

1. *Сорина Г.В.* Истоки возникновения богдановской тектологии // Организационная динамика человеческой деятельности: экономика, философия, культура. М., 2003. С. 187-196.
2. *Сорина Г.В.* Критическое мышление и метод экспертных групп // Эпистемология и философия науки. Т. III, № 1. Ежеквартальный журнал. 2005. С. 194-204.

Исследование ведется при финансовой поддержке РГНФ, грант № 07-03-00281а

СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ НОВАЦИЯМИ В ВУЗАХ

Н.Д. Сорокина (Социологический факультет
МГУ им. М.В.Ломоносова, г. Москва)

В зависимости от модели управления различаются и социальные технологии управления. Это можно показать на примере технологии принятия управленческого решения.

Традиционная модель	Инновационная модель
<p>I: <i>1-й шаг</i> – проект решения разрабатывается специальной группой штатных сотрудников на основе анализа информации о состоянии дел в организации.</p> <p><i>2-й шаг</i> – коллегиальное обсуждение и принятие решения (в коллегиального типа организации); подготовка приказа, инструкций и т.п. без коллегиального обсуждения (в бюрократического типа организации). Конфликты пресекаются либо игнорируются, критика не приветствуется.</p> <p>II: <i>1-й шаг</i> – доведение решения до каждого подразделения путем информирования. <i>2-й шаг</i> – отсутствует. <i>3-й шаг</i> – контроль над исполнением решения формальный.</p> <p>III: <i>1-й шаг</i> – обратная связь слабая, анализ выполнения решения носит формальный характер. <i>2-й шаг</i> – коррекция принятого ранее управленческого решения и подготовка нового проводится без критического анализа и без учета мнения сотрудников организации в основном с использованием административного ресурса.</p>	<p>I: <i>1-й шаг</i> – проект решения разрабатывается группой штатных сотрудников с привлечением консультантов, экспертов на основе проведенной диагностики, которой предшествует анализ текущей информации с использованием современных информационных технологий, проведение социологических опросов, деловых, организационных игр, инновационных семинаров и т.д.</p> <p><i>2-й шаг</i> – критическое обсуждение проекта решения в подразделениях, проведение переговоров в случае возникновения конфликтов с привлечением общественности (напр., профсоюзов) и т.д.</p> <p>II: <i>1-й шаг</i> – решение доводится до каждого члена организации. <i>2-й шаг</i> – проводится работа по разъяснению того, как принятое решение повлияет на жизнь организации в целом и на каждого сотрудника. <i>3-й шаг</i> – контроль над исполнением решения с определением меры эффективности принятого решения, т.е. индекса управляемости.</p> <p>III: <i>1-й шаг</i> – получение обратной связи, как выполняется решение, рефлексивный анализ того, почему решение не выполняется либо исполняется частично. <i>2-й шаг</i> – коррекция принятого ранее управленческого решения и подготовка нового проводится по схеме, изложенной выше.</p>

В традиционной модели управления в отличие от инновационной не предполагается рефлексивного анализа в практике подготовки и принятия управленческого решения. Следовательно, анализ затруднений, проблем и конфликтов, которые периодически возникают в любой организации без использования современных технологий, в основу которых кладется переосмысление целей, задач, результатов деятельности, стиля и методов управления, не может служить в качестве инструмента эффективного управления.

Рефлексивный анализ в инновационной модели управления проводится с использованием методов выявления и использования скрытых потенциалов социальной системы, получения оптимального социального результата при наименьших управленческих издержках. Одним из таких методов является конструктивная критика внедряемой новации. Именно критика является регулятором инновационного процесса в образовании (и не только), служит защитным средством от псевдоинноваций. Критика может и должна постоянно ставить перед академическим сообществом задачи инновационной деятельности, указывать новые возможности их решения. Конструктивная критика в таком случае является одним из элементов рефлексивного процесса в управлении.

РЕФЛЕКСИВНЫЙ АСПЕКТ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

М.А. Стюгин (*Сибирский государственный аэрокосмический университет имени академика М.Ф. Решетнева, г. Красноярск*)

Предмет безопасности в целом, как и информационной безопасности в частности, не имеет в литературе однозначно определенных границ исследования. Рассмотрение вопросов безопасности, как правило, не выходит за рамки соответствия нормативно-правовых, технических и организационных мер предъявляемым требованиям. При этом проблема отрывается от целей существования той или иной системы, что приводит к невозможности обоснования адекватности принятых мер и потере смысла управленческой деятельности.

Говоря о безопасности какой-либо системы, мы подразумеваем ее способность реализовать свою целевую функцию. Если мы говорим о конфликте по цели двух субъектов, то безопасность одного из них подразумевает его превосходство в конфликте [1]. Информационная безопасность должна рассматривать информационный аспект такого превосходства, что значительно расширяет предмет исследования, но в результате позволяет выделить структуру конфликта и найти более эффективные механизмы повышения защищенности системы.

Для начала выделим субъекты информационной безопасности. Используем классификацию систем С.П.Расторгуева [2]: А – системы с неизменным внутренним состоянием; В – системы с изменяющимся внутренним состоянием; В.1 – системы с неизменным алгоритмом обработки; ... В.3 – системы с самомодифицирующейся целью и с полностью самомодифицирующимся алгоритмом обработки. Системы класса В иначе можно назвать информационными системами, т.е. системами «*осуществляющими: получение входных данных; обработку этих данных и/или изменение собственного внутреннего состояния (внутренних связей/отношений); выдачу результата либо изменение своего внешнего состояния (внешних связей/отношений)*» [2]. Говоря об активных системах, мы подразумеваем именно информационные системы класса В.3 как активные субъекты. Такие системы можно рассматривать как субъекты и одновременно как объекты информационной безопасности. Субъекты могут опреде-

лять состояние безопасности (защищенности) как способность адекватно реализовать свою целевую функцию, но при этом целевая функция не должна рассматриваться как элемент функциональной декомпозиции в составе более общей системы, иначе такой субъект является подчиненным и его состояние можно рассматривать только как удовлетворяющее состоянию безопасности более общей системы. Неподчиненные системы класса В.3 будем называть **свободными информационными системами**, то есть такие системы, функциональные характеристики которых нельзя представить в виде функциональной декомпозиции других систем. Они являются субъектами и определяют целевой режим функционирования (ЦРФ) – состояние подсистем класса А-В.3, по несоответствию которых определяется субъективный конфликт¹.

Вследствие вышесказанного безопасность свободной информационной системы можно свести к двум аспектам:

1. Техническая способность подсистем класса А-В.3 реализовывать целевой режим функционирования конечной системы.
2. Способность свободной информационной системы вырабатывать рациональные решения по информации на входе. Сюда входят как способность выработки оптимального алгоритма перевода информации в управляющие воздействия, так и обеспечения необходимых условий получения достаточной информации.

Эти два аспекта существенно различают планирование информационной безопасности по преднамеренным и естественным угрозам. Рассмотрим только преднамеренные угрозы, возникающие в результате конфликта свободных информационных систем. Безопасность по второму пункту будет включать в себя адекватность прогнозирования поведения контрагента и (в случае объективного конфликта по цели) невозможность принятия адекватных ситуации решений контрагентом для реализации состояния подсистем по предпочтениям несоответствующим нашим. В результате управление информационной безопасностью можно интерпретировать как управление активной системой (управление нарушителем-контрагентом, который является свободной информационной системой).

Таким образом, управляющие воздействия можно подразделить на институциональное и рефлексивное управление. Классический подход к построению систем информационной безопасности включает только институциональное управление, т.е. физическое или техническое ограничения множества возможных действий контрагента. При этом игнорируется тот факт, что применение рефлексивного управления позволяет увеличить эффективность системы защиты, уменьшить ее экономическую избыточность, а в некоторых случаях только посредством рефлексивного управления можно достичь необходимого уровня защищенности системы.

¹ Субъективный, т.к. определяется по несоответствию ЦРФ субъектов, формируемых на основе доктрины и наблюдаемых параметров. Объективный конфликт можно рассматривать только по несоответствию целей.

То есть в случае объективного конфликта по цели информационная безопасность субъекта по второму пункту достигается в условиях информационной небезопасности контрагента. Условия, позволяющие субъекту регулировать ЦРФ контрагента, назовем условиями **информационного превосходства** субъекта. Как крайний случай рефлексивного управления можно рассматривать возможность субъекта перевести ЦРФ контрагента в состояние отсутствия диссонанса с ЦРФ субъекта, то есть полное устранение субъективного конфликта, и устранение, тем самым, свободной информационной системы из конфликта, сделав ее функциональную характеристику как элемент функциональной декомпозиции своих подсистем.

В результате **информационную безопасность** можно определить как условия информационного превосходства свободной информационной системы (субъекта безопасности) в конфликте, позволяющие ему определить целевой режим функционирования адекватный поставленной цели и реализовать его путем модификации состояния подсистем.

Проблема заключается в определении показателей информационного превосходства, которые бы свидетельствовали об истинности существующей модели контрагента. Любые показатели, будучи осознаны контрагентом, становятся неистинными, что составляет проблему планирования управленческой деятельности в этом направлении. Однако проблема может быть решена в частных случаях путем сведения контрагента к определенному набору состояний или, по В.А. Лефевру, «воздействие на сам экран сознания...», когда субъект «оказывается замкнут в узком классе многочленов и его решения в совершенно различных ситуациях могут быть с достаточной уверенностью предсказаны» [3]. Такие решения, в частности, удалось найти для информационных атак, связанных с нарушением конфиденциальности, целостности и доступности информации.

Литература

1. Иващенко Г.В. Доктрина информационной безопасности и методические проблемы теории безопасности // Материалы круглого стола «Глобальная информатизация и социально-гуманитарные проблемы человека, культуры, общества», МГУ, октябрь 2000 г. – С. 48-63.
2. Расторгуев С.П. Информационная война: Проблемы и модели: Экзистенциальная математика. – М.: Гелиос, 2006.
3. Лефевр В.А. Конфликтующие структуры. – М.: Советское радио, 1973.

РЕФЛЕКСИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ОТНОШЕНИЙ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ЛИЧНОСТИ И ЭТНОСРЕДЫ

А.В. Сухарев

(Институт психологии РАН, г. Москва)

В этнофункциональном подходе вводится понятие *этносреды*, где этнической функцией наделяются все элементы внутренней (психическое, духовное содержание личности; биолого-антропологические особенности челове-

ка) и внешней (ландшафт, климат, природное и социокультурное окружение) среды человека. Этническая функция содержания отношений личности может принимать два значения – этноинтегрирующее (объединяющее личность с той или иной этносредой) и, напротив, этнодифференцирующее. Развитие личности (этнофункциональное развитие личности) в данном подходе понимается как приближение содержания и последовательности развития системы отношений личности к ее идеальному естественному прообразу данного развития – *этнофункциональной архегении личности*. Данный прообраз опирается на введенное нами философское понятие *архегении* (идеальный прообраз естественного развития), а также на представление о повторении общего плана исторического развития этносреды в онтогенезе личности. Нарушения этнофункционального развития личности (этнофункциональная *анархегения* личности), как отклонения от идеального прообраза естественного развития (нарушение содержания и последовательности стадий развития, взаимно этнодифференцирующая функция содержания отношений личности) может определяться гуманитарными и естественнонаучными критериями, выходящими за рамки психологической науки – экспертными оценками историков, филологов, биологов, литераторов, фольклористов, музыкантов, поэтов и пр.

Имеются многочисленные эмпирические исследования, свидетельствующие о связи количества нарушений этнофункционального развития личности и количества *этнофункциональных рассогласований* содержания отношений личности (т.е. наличия этнодифференцирующего содержания) со снижением адаптационного потенциала личности. Это снижение проявляется в возникновении признаков социально-нравственных, психических и психосоматических недугов человека. В процессе восстановления системы отношений личности к архегении этносреды рождения и проживания ее адаптационный потенциал, напротив, повышается (Сухарев А.В., Выдрин К.А., Тимохин В.В., Шапорев А.А. и др.). Адаптационный потенциал *личности*, по сути, является ее *энергетическим потенциалом*.

В нашем докладе рефлексия выступает как принцип мышления, направляющий личность и общество на осознание и осмысление этнической функции собственных форм, предпосылок и содержания, а также духовного мира и системы отношений личности в этносреде. Рефлексия содержания и последовательности стадий в ретроспективе (временной аспект) этнофункционального развития личности и системы ее пространственных отношений в этносреде способствует повышению осознанности системы отношений в процессе осознания и разрешения *этнофункциональных личностных конфликтов*. Достаточно высокие уровни разрешения данных конфликтов («наследование (этносреды)» и «творческий») способствуют снижению энтропии системы «личность-этносреда», повышению ее информационной емкости и энергетического (адаптационного) потенциала. Повышение энергетического потенциала как личности, так и этносреды имеет профилактическое значение в отношении процессов распада системы (повышения энтропии) как человека, так и его этносреды в целом.

На современном этапе культурно-исторического развития рефлексия, как форма познания этнической функции элементов «мозаичной» этносреды, является актуальным научным инструментом повышения степени организации системы «человек-природа» и этносферы планеты. Последний может рассматриваться как инструмент *этнофункциональной антропологии* направленный на устойчивое этнофункциональное развитие, понимаемое как *этнофункциональный глобализм*, в качестве альтернативы деструктивным тенденциям современного транснационального глобализма.

ЭВОЛЮЦИЯ РЕФЛЕКСИВНОСТИ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ

А.С. Тимощук (*Владимирский юридический институт, г. Владимир*)

Рефлексивность в культуре – свойство носителей культуры к обратной связи, самопознанию себя как коллективного субъекта. Принято говорить о рефлексивных и дорефлексивных традиционных культурах (С. С. Аверинцев). Считалось, что культурные практики транслируются в дорефлексивных культурах как коллективные бессознательные комплексы, неконцептуализированные когнитивные образцы. Вместе с тем, поскольку все эти культуры основаны на работе сознания, правомерно поставить вопрос о степени, качестве, видах рефлексивности в традиционных культурах. Предварительно можно выделить следующие типы рефлексивности в культуре.

Ассоциативная рефлексивность – нормативность социального поведения, подверженная нелинейной эстафете сопричастности. Еще К. Леви-Строс заметил, что тотемические животные не образуют класса ни в зоологическом, ни в утилитарном, ни в магическом смысле. Тотемы нельзя свести к простым запретным функциям, усвоенным с детства, они свидетельствуют о сложной структуре традиционного общества. Отношение между людьми и животными символизируют социальные конкурентные отношения. Предки-животные своим агрессивным поведением поддерживают социальный порядок. Животные – подвижные символические оракулы тотемного мира. Леви-Строс показал, что логика тотемической связи построена на системе нескольких отсылок. В сознании носителя культуры эти отсылки активизируют особый тип нелинейной рефлексивности, поэтому носителям этой культуры естественно относить к тотемам разнородные объекты: животных (существующие и идеальные), растения, воду, болезни. Так Леви-Строс приходит к выводу о значении ассоциативности для объяснения первобытного мышления. Ассоциативность очерчивает контуры реальности. Это логика не сколько оппозиций, сколько отсылок и корреляций. Форма в такой логике не является внутренним аспектом, а внешним, дистрибутивно-референтной. Каждый пласт социальной реальности не противопоставлен другому, а выступает необходимым дополнением, переживанием сопричастия (Л. Леви-Брюль). К. Леви-Строс ввел в научный

инструментарий категории «арматура», объясняющая некие устойчивые тематические линии мифа.

Этнически ориентированная рефлексивность (Израиль, Китай, Япония); *конфессионально ориентированная рефлексивность* (ислам). Большинство рефлексивных традиционных культур (РТК) являются бинарными и имеют четкую оппозицию «мы — они». Китай, Япония убеждены в абсолютном превосходстве собственной цивилизации и представляют этноцентрические РТК. Развившиеся на авраамических религиях РТК (иудаизм, ислам, христианство) оппозиционируют по отношению к инаковерующим.

Полагаем, что рефлексивность подвержена системогенетической эволюции, она последовательно очищается по мере перехода от обыденных, утилитарных установок сознания к теоретическому и эстетическому созерцанию. К. Яперс выдвинул гипотезу, что становление личностной рефлексии сближает и революционно обновляет духовную ситуацию в трех географических ареалах — китайском, индийском, ближневосточно-эгейском. Однако становление собственно индивидуальной рефлексии, преобладающей над родовой рефлексией, рефлексией коллективного субъекта, произошло всё же в Европе.

В европейской цивилизации возник особый тип рефлексивности. Особенно важным для западноевропейского мышления стал вопрос: «Что я могу знать?», а только потом — «На что я могу надеяться?» и «Что я должен делать?». Позднее это теоретическое отношение к действительности оформилось в Европе как определенный когнитивный тип культуры. Поэтому европейская мысль имеет тенденцию к уклонению в сторону позитивистского понимания познания, а вопрос о роли познания, его анализа в контексте экзистенциальных проблем, стоящих перед человеком, возникает лишь на время, на определенных этапах.

В противоположность этому можно привести философствование Древней Индии, где вопросы познания являлись важными, но они всегда были подчинены проблеме спасения, избавления от страданий. Общий акцент сохраняется на познании — когнитивное, познавательное отношение к действительности является, прежде всего, той формой отношения к миру, которая даёт человеку возможность решить эти проблемы. Так, метод рассуждения Сократа — «Что есть красота?», обращен к общему понятию красоты и его конкретному применению. Сократ не вопрошает об источнике красоты, и её роли. Так происходит удвоение реальности, её разделение на понятийную и вещную. В этом заключается культурный феномен европейской мысли — появление теоретического сознания, изучающего мир понятий отдельно от вещей. Мы имеем некую рефлексивно выделенную, необычную реалию, которой не было, по крайней мере, в столь ярко выраженной форме, в других культурных очагах. К тому же ещё Геродот говорил об отличии греков от других народов, об опасности поглощения греко-римской культуры варварами предупреждали Бозций, Августин, Сенека.

Высокая рефлексивность достигнута в Европе, однако, не обязательно способствует сохранению культуры. Интеллектуал общества посттрадиционного

отличается от интеллектуала общества традиционного своим критическим отношением к самим основаниям традиции. Г. С. Померанц видел этот процесс так: «Частные знания писца вкомпонованы в традицию, скорее заученную, чем осознанную, и опирающуюся на нерасчлененность обычного со священным и вечным. Еще менее «интеллигенты» — хранители предания в бесписьменном обществе, обязанные прежде всего удерживать в голове все, что тогда еще нельзя было передать библиотекам и музеям. Хранение и критика — две вещи столь же мало совместные, как гений и злодейство» (*Интеллигенция древняя и новая. Круглый стол // Народы Азии и Африки. 1990. № 2*).

Считаем, что системогенетика рефлексивности сейчас вновь направляется на ассоциативно-кластерный характер традирования. Современные анклавов, элиты, касты — это маршрутизация корпоративных потоков социальной памяти, нелинейная контекстуализация субъекта. Социальное памятование в анклавах традиционной культуры осуществляется через коллективные, эстетические практики, которые поддерживают её мнемоническую устойчивость.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ РАЗНОВИДНОСТИ РЕФЛЕКСИИ

Д.Г. Трунов

(*Пермский государственный университет, г. Пермь*)

Рефлексия выполняет две важные функции: *познавательную* и *регулятивную*. Первая реализуется в самосозерцании, самоописании и концептуализации опыта самобытия, в связи с чем ее можно разделить на *самонаблюдение* и *самоанализ*. Вторая реализуется в соотношении своего опыта с социальными и личными нормативами, а также в саморегуляции и самовоздействии, — а потому в свою очередь разделяется на *самооценку* и *самоконтроль*.

Познавательная функция практически все время подчинена регулятивной, — можно сказать, что чаще всего самопознание совершается исключительно с целью саморегуляции. Я познаю себя для того, чтобы потом себя преобразовать. Однако смешение этих функций отражается как на качестве самопознания, так и — через некачественное самопознание — на качестве саморегуляции. Результатом смешения познавательной и регулятивной функции чаще всего становится ситуация, когда самоисследование уступает место самовоздействию, когда я спешу воздействовать на себя, не достаточно разобравшись в самом себе. Прерывание собственной активности самоконтролем может осуществляться в любой точке, где регулятивная рефлексия обнаружит «отклонение от нормы».

Как следствие такого слияния упомянутых выше рефлексивных функций или даже полного вытеснения познавательной функции мы имеем «агрессивную», «деструктивную» рефлексию. То, что Фрейд называл «супер-эго», есть ни что иное, как внутренний «контролер», в котором познавательный компонент полностью подчинен «цензуре». Фрейд считал, что самонаблюдение «яв-

ляется лишь подготовкой к суду и наказанию»; если совесть является одной из функций «сверх-Я», то самонаблюдение, «необходимое как предпосылка судебной деятельности совести», является другой его функцией*.

Отголосок «агрессивного самоконтроля» мы можем наблюдать в ситуациях, когда рефлексия прерывает привычное продуктивное действие: мышление, дыхание, походка и пр. Очень часто в творческой деятельности негативно оценивается вмешательство самонаблюдения, например, в японской живописи и каллиграфии художник не должен задумываться над тем, как он будет писать, его кисть должна следовать внутреннему бессознательному импульсу, только так он достигнет необходимой ему свободы и легкости самовыражения, вмешательство ума (рефлексии) делает мазок неестественным, а значит неэстетичным. Именно этот деструктивный эффект самонаблюдения-самоконтроля дал основание для негативной оценки рефлексии как чего-то мешающего продуктивной реализации самобытия. Однако дело не в рефлексии как таковой, а в *смещении* ее познавательных и регулятивных функций, в неразличении самонаблюдения и самоконтроля.

Особую роль различение познавательной и регулятивной функций рефлексии приобретает в процессе самопознания, поскольку любое корректирующее вмешательство начинает искажать картину самобытия. Поэтому в самопознании на первый план выходит необходимость в рефлексии, освобожденной от регулятивных целей — в своего рода «неагрессивном сознании». Самоконтроль тесно связан с самооценкой: негативная оценка своего переживания или действия с этической, моральной, эстетической или другой точки зрения автоматически влечет за собой желание исправить положение, что приводит к прерыванию продуктивного акта. Отсюда понятно известное требование З. Фрейда к «свободным ассоциациям» в психоанализе — не оценивать свои мысли и чувства с точки зрения каких-либо моральных нормативов — есть ни что иное, как попытка очистить рефлексию от регулятивного компонента.

Таким образом, с функциональной точки зрения можно выделить следующие виды рефлексий: самонаблюдение, самоанализ, самооценка, самоконтроль. Смещение этих функций, их неразличение приводит к снижению качества рефлексии, к появлению, в частности, феномена «агрессивной рефлексии», мешающей реализации самобытия и его осмысления. Напротив, освобождение рефлексии от «агрессивных компонентов», связанных, например, с этической оценкой своего опыта, дает возможность совмещения продуктивности и рефлексивности. Для того, чтобы познавательные и регулятивные функции не смешивались и не мешали друг другу, необходима специальная рефлексивная процедура — метарефлексия, призванная следить за качеством рефлексии. Слежение за качеством рефлексии, проявляющееся в основном в сдерживании оценочной функции рефлексии — это главная задача метарефлексии.

* Фрейд З. Введение в психоанализ: Лекции. — М.: Наука, 1989. — 336 с.

ФОРМИРОВАНИЕ КООПЕРАТИВНОЙ РЕФЛЕКСИИ СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВУЗА

Т.Ф. Ушева

*(Красноярский государственный педагогический университет
им. В.П.Астафьева, г. Красноярск)*

Активные инновационные процессы в социально-политической и экономической сферах общества поставили педагогов перед необходимостью критической переоценки устоявшихся теоретических и практических основ педагогической деятельности, пересмотра традиционных подходов в подготовке к педагогической деятельности.

Для педагога рефлексивные умения необходимы для применения общих знаний в конкретных ситуациях своей профессиональной деятельности [1;2]. В данной публикации мы представим материалы по формированию рефлексивных кооперативных умений студентов будущих педагогов. На основании понимания аспектов рефлексии (Г.П.Щедровицкого), мы определили рефлексивные умения, необходимые будущему педагогу для осуществления профессиональной деятельности. Среди них кооперативным умениям - самоопределение в рабочей ситуации, умение удерживать коллективную задачу, умение принимать ответственность за происходящее в группе, умение осуществлять пошаговую организацию деятельности, умение соотносить результаты с целью деятельности – отводится большое значение [5].

Первым условием для развития рефлексии выступает социальная действительность, та реальная ситуация действований (мыследействований), в которой оказываются студенты во время освоения профессии. По мнению Л.С. Выготского «Социальная ситуация развития...определяет целиком и полностью те формы и тот путь, следуя по которому приобретаются новые свойства личности» [3]. Такой социальной ситуацией развития для будущего педагога является педагогическая ситуация, где ему необходимо организовать взаимодействие с учащимися и проявить свои качества. Поэтому в нашем случае, необходимо сделать ситуацию обучения педагогической ситуацией. В этом случае появляются условия для формирования рефлексии. Ситуация обучения – это ситуация взаимодействия ученика и учителя. Во взаимодействии субъекты всегда находятся в двойной позиции: непосредственного взаимодействия и анализа и принятия решения в ситуации. Занимая позиции то ученика, то учителя студент проживает разные ситуации взаимодействия и у него появляется реальный опыт для самоанализа.

Вторым, немало важным условием оказывается искусственная организация такой социальной действительности, как педагогическая. В ситуации искусственного воздействия: все, что делают другие (т.е. учащиеся) является заданным обстоятельством. Когда педагог действует, он квалифицирует свои действия как целенаправленные, осознанные. Педагогическую ситуацию выделяет целостно, может принимать решения по поводу того, что будут делать другие. Поэтому вторым условием является возможность действовать студентам самостоя-

тельно (проявлять себя субъектами социальной, т.е. педагогической действительности) планировать и подвергать анализу свои педагогические действия.

Для создания таких условий по формированию рефлексивных умений мы внесли изменения в учебный процесс. Основанием для изменения стали подходы, выработанные в системе коллективных учебных занятий [4]:

- 1) отсутствие общего фронта, т.е. обучающиеся реализуют разные цели, изучают разные фрагменты учебного материала, разными способами и средствами, за разное время;
- 2) разные студенты осваивают одну и ту же программу по разным маршрутам;
- 3) наличие сводных групп как мест пересечения разных маршрутов продвижения.

Определение уровня развития кооперативной рефлексии проводилось на основании результатов внутреннего и внешнего наблюдения. Внутреннее наблюдение фиксировало самоощущение, а внешнее деятельностное проявление умений. Наблюдение проводилось по пяти параметрам и включало следующие умения: определение позиции в группе, удержание коллективной задачи, принятие ответственности за происходящее в группе, осуществление пошаговой организацию деятельности, соотнесение результатов с целью деятельности.

Результаты сравнения внутреннего наблюдения студентов экспериментальной и контрольных групп показывает, что в экспериментальной группе больше всего внутренних усилий потребовало умение удержание коллективной задачи. Студенты данной группы столкнулись с необходимостью постоянно организовывать процесс обучения в разных сводных группах и сложнее всего им было, выполнять задание поставленное группой. На первом курсе многие участники сводных групп отвлекались, задавали вопросы или произносили реплики, мешающие работать другим членам группы. Постепенно от курса к курсу стали появляться умения задавать вопросы по существу, умения вовлекать других членов группы в активную деятельность, прогнозировать результаты коллективной работы.

По окончании второго года обучения уже можно фиксировать развитие кооперативной рефлексии во внутреннем плане у студентов экспериментальной группы: умение занять позицию в группе, умение удерживать коллективную задачу, умение соотносить результаты с целью деятельности. В деятельности эти умения у студентов экспериментальной группы проявлялись уже по результатам первого года обучения и отличались от результатов студентов контрольной группы.

Снижения значений у экспериментальной группы обусловлены самим механизмом становления рефлексии. Он «запускается» при столкновении с какими-либо трудностями, происшедший процесс проблематизации студентов экспериментальной группы повлек за собой процесс обнаружения собственной профессиональной некомпетентности (в процессе учения, обучения и организации учебного процесса), но осмысленный выход из проблематизации позволил им в дальнейшем пользоваться навыками самоанализа и анализа ситуации в целом: видеть позиции участников, четко анализировать цели, соотносить их с результатом, пошагово выполнять действия и нести за них ответственность.

Для обоснования данного факта мы выполнили двухфакторный анализ по показателям внешнего наблюдения, где видно рост уровня кооперативной рефлексии.

Качественный скачок в развитии произошел в умении занимать и удерживать позицию в группе. Он наблюдается в первый год обучения студентов экспериментальной группы, где процесс обучения характеризуется отсутствием общего фронта и наличием многообразия сводных групп под разные дидактические задачи.

Сложно формируется ответственность за происходящее в группе. Нам удалось установить, что только на основе удержания позиции, принятия и удержания коллективной задачи происходит ее развитие. Поэтому о сформированности умения нести ответственность можно говорить лишь после того, как сформируются два предыдущих умения.

Рефлексивные умения не возникают, они формируются в результате стихийных проблемных ситуаций более длительно или целенаправленно в результате специально организованной деятельности. Итоги экспериментальной работы по формированию навыков кооперативной рефлексии показывают положительные результаты, через коллективные формы рефлексии происходит формирование ее индивидуальных форм.

Литература

1. *Алексеев Н.Г.* Способность к рефлексии как существенный компонент интеллектуальной культуры современного специалиста / Н.Г. Алексеев // Проблемы и методы формирования интеллектуальной культуры специалиста. – Новосибирск, 1984. – С. 100-102.
2. *Бизяева А.А.* Рефлексивные процессы в сознании и деятельности учителя. Автореф. дис.... канд. психол. наук. / А.А. Бизяева. – СПб, 1993.
3. *Выготский Л.С.* Педагогическая психология / Под ред. В.В. Давыдова. – М., 1991.
4. *Лебединцев В.Б.* Коллективные учебные занятия – особый тип учебного процесса / В.Б. Лебединцев // Коллективный способ обучения: Научно-методический журнал. 2007. № 9. С. 14-35.
5. *Щедровицкий Г.П.* Коммуникация, деятельность, рефлексия. / Г.П. Щедровицкий // Исследование речемыслительной деятельности. – Алма-Ата, 1974.

КОГНИТИВНАЯ ГРАФИКА В ВИЗУАЛИЗАЦИИ РЕФЛЕКСИВНОЙ МОДЕЛИ В.А. ЛЕФЕВРА

И.В. Федотова

(Омский государственный институт сервиса, г. Омск)

Возможности когнитивной графики нашли свое применение во многих областях. Примером могут служить «лица Чернова», применяемые в статистике. Еще одним примером применения может служить медицина. Часто заболевание практически нельзя идентифицировать по описанию, т.е. определять по классификационной шкале симптомов. Для более удобной диагностики предложен программный продукт. После ввода исходных параметров на экране появляется графический образ, в котором каждый элемент закреплен за соответствующим параметром.

ром, отход от допустимых значений влечет искажение образа [1]. Данную методику, возможно, применять и в других областях, например в учебном процессе, где элементы будут связаны с зачетами и экзаменами конкретного студента.

Одним из интересных направлений, где применение когнитивной графики дает хороший результат, можно считать анализ рефлексивных процессов. Подход к проблеме с точки зрения рефлексивного анализа позволяет конкретизировать её структуру. Рефлексия предполагает умение изобразить ситуацию, где присутствует обозначение себя и других в этой ситуации и соответствующие связи.

Существенный вклад в это направление внес В.А. Лефевр [2]: именно он предложил аналитическую модель субъекта, возможность интерпретировать модель с помощью образов (рожиц), а также схему расчета взаимоотношений субъектов для конкретной ситуации.

Используя данную схему, можно получить когнитивный образ ситуации в конкретный момент времени, а также числовые характеристики субъектов ситуации. На основе предложенной модели создан программный комплекс, выполненный в среде Delphi 7 и позволяющий в интерактивном режиме на основе входных данных получить графическую и числовую интерпретацию ситуации.

В результате можно производить анализ ситуации и, что более важно, путем корректировки данных оценить последствия введенных изменений.

Предполагается использование результатов данной работы в проекте «Рефлексивный театр ситуационного центра», который поддержан грантом РГНФ № 07-06-141772г.

Литература

1. Повстаная А.Н., Филимонов В.А., Шупина М.И. Применение способа индивидуальной оценки совокупности параметров для ранней диагностики артериальной гипертензии у молодых людей//Методические рекомендации для врачей. – Омск: Омская государственная медицинская академия, 2005. – 28 с.
2. Лефевр В.А. Конфликтующие структуры. – М: Советское радио, 1973.
3. Филимонов В.А., Федотова И.В. Графика для структурно-функционального анализа. Международная научно практическая конференция. Сборник статей. – Омск: ОГИС, 2007. С. 57.
4. Федотова И.В. Построения когнитивного образа ситуации. Международная научно практическая конференция. Сборник статей. – Омск: ОГИС, 2006. С. 253-254.

РЕФЛЕКСИВНЫЙ ТЕАТР В ПРОЕКТЕ МНОГОДИСЦИПЛИНАРНОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО КОМПЛЕКСА «ГЕН ГУРУ»

В.А. Филимонов

(Омский филиал Института математики СО РАН, г. Омск)

В работе [6] предложен проект машины, позволяющей максимально использовать весь потенциал коллектива исследователей (проектной группы). Такой проект, независимо от возможности его практической реализации, позволил бы увидеть точки роста и критические ресурсы. При достижении кри-

тического уровня сложности машина могла бы быть использована для своего собственного развития. Представление о ней позволило бы также строить процессы обучения, ориентированные на исследовательские технологии будущего.

Предложенная нами технология [5] ориентирована на создание коллективом, реализующим определенный проект, виртуальной системы информационных технологий, которые действуют в пределах конкретного коллектива и конкретного проекта. Это позволяет, в частности, представить рассматриваемую машину как рефлексивный театр [7]. В идеальном случае авторами, актерами и зрителями являются все участники.

Отличия от аналогов, использующих идею театра и мобилизацию креативности [1, 2, 8], следующие:

- основной режим работы – длительное сопровождение сложного проекта, в том числе учебного, разрабатываемого достаточно стабильным коллективом, причём каждая рабочая сессия – не изолированное мероприятие, а часть *«проектного сериала»*, история которого сохраняется и анализируется;
- одновременно и параллельно используются аналитические инструменты, в особенности, схематизация, а также художественные средства (фрагменты художественных произведений, притчи, коаны, аудио- и видеофрагменты фильмов и т.п.);
- игротехники могут использовать театральные технологии и реквизит;
- строятся «зеркала», в частности, портреты [3, 5] и характеристики компетентности, всех участников работы: экспертов, заказчиков, сервисной команды;
- наконец, театр является именно рефлексивным, поскольку все действия, рефлексивные в том числе, непрерывно сопровождаются рефлексивными комментариями, логическими и/или художественными, на соответствующих полях экранах.

Приведённый перечень является описанием идеализированного процесса, который имеет много вариантов реализации. Каждый коллектив сам определяет пределы провокаций, возгонки рефлексии и степени «просвечивания» себя.

Ознакомление участников с их моделями, оценками компетентности и аналогичными характеристиками является полезным, но болезненным процессом, что требует особого регламента и осторожности. Возможности театра позволяют создать инструмент, адекватный задаче. Одним из таких инструментов является работа под масками, в том числе с использованием вариантов *«один человек – несколько масок»* и *«несколько человек – одна маска»*.

С целью форсированного изучения возможностей рефлексивного театра в ноябре 2007 г. на базе Омского государственного института сервиса (ОГИС) проводится конференция «Рефлексивный театр ситуационного центра (в образовательном аспекте)». Предусматривается минимальное количество секционных докладов, основным форматом конференции определены проектные группы. Планируется просмотр и обсуждение работ (презентаций, видеофильмов и др.) студентов ОГИС и других вузов по тематике конференции. Совместно с Омским филиалом Института математики СО РАН запланировано проведение видеокон-

ференции и трансляции по интернет отдельных эпизодов конференции. Кроме того, предполагается дистанционное участие приглашённых экспертов. Публикации и видеоматериалы будут изданы на компакт-диске. Информация о конференции размещается на сайте www.ofim.oscsbras.ru/~rtsc2007.

*Проведение конференции поддержано грантом 07-06-14177г
Российского гуманитарного научного фонда*

Литература

1. *Анисимов О.С., Жирков О.А.* Деловой театр на ситуационном центре//Матер. конф. «Ситуационные центры: модели, технологии, опыт практической реализации» 2006 // М.: Российская академия государственной службы, 2007.
2. *Анисимов О.С., Ефремов В.А., Жирков О.А.* Электронный деловой театр ситуационного центра - инструмент проектирования и обучения// Матер. конф. «Совершенствование технологий обеспечения качества образования» 16–17 апр. 2007 г., Омск //Омск: Омский гос. ин-т сервиса, 2007.
3. *Левфевр В.А.* Психографика (знаки страстей в математических структурах). В кн.: Левфевр В.А.. Рефлексия. – М.: «Когито-центр», 2003. – 496 с.
4. *Филимонов В.А.* Алгебра логики и совести/ Вступительное слово В.А.Левфевра//Учеб. пособие для старших классов общеобразовательных и профильных школ // Омск: Омский гос. ин-т сервиса, 2006. – 72 с.
5. *Филимонов В.А.* Винтсервинг–технология подготовки сервисных команд для ситуационных центров//Матер. конф. «Ситуационные центры: модели, технологии, опыт практической реализации» 2006 г. // М.: Российская академия государственной службы, 2007.
6. *Филимонов В.А.* Исследовательский комплекс «Ген Гуру» (эскиз многодисциплинарного проекта) //Матер. междуна. конф. «Знания – Онтологии – Теории» (ЗОНТ-07) // Н-ск.: Институт математики СО РАН (электронное издание).
7. *Филимонов В.А.* Рефлексивный театр ситуационного центра// Матер. конф. «Совершенствование технологий обеспечения качества образования» 16 – 17 апр. 2007 г., Омск //Омск: Омский гос. ин-т сервиса, 2007.

СВЯЗЬ САМОРЕФЕРЕНТНОСТИ И РЕФЛЕКСИИ В КОНТЕКСТЕ РАДИКАЛЬНОГО КОНСТРУКТИВИЗМА

В.Е. Хищенко

(Новосибирский технический университет, г. Новосибирск)

Научные теории резюмируют человеческий опыт, практику жизни наблюдателя, но не объективный независимый мир. Эта ветвь эпистемологии называется радикальным конструктивизмом [1, 2]. Полярная точка зрения - эмпиризм предполагает, что реальность едина для всех наблюдателей, что знание есть представление о реальности, истинное настолько, насколько внешний порядок с этим представлением, совпадает. Считается, что процесс познания суть источник этих представлений о незыблемой онтологической действительности.

Но реальность зависит от наших попыток и способов ее упорядочить и меняется с развитием нашего восприятия. По мнению В. Гейзенберга то, с чем мы имеем дело при наблюдении, это не сама природа, но природа в свете

наших вопросов. Наблюдаемое и наблюдатель совместно конструируют друг друга. Это старая мысль. В своем синтезе рационализма и эмпиризма Кант склонялся к тому же, утверждая: «это звучит странно, но тем не менее верно, если я скажу: рассудок не черпает законы (a priori) из природы, а предписывает их ей» [3, т. 4, ч. 1].

Биологический, генетический аспект этой эпистемологической схемы тесно связан с прагматизмом, восходит к трудам Юэкскюля, Пирса, Пиаже [1, 4-7]. В работе [8], говоря о биологических корнях процесса познания, авторы теории автопоэзиса решительно отвергают чистый репрезентационизм, как отражение внешнего мира в нашем сознании, но дистанцируются и от солипсизма, утверждающего существование лишь внутреннего мира субъекта. Радикальный конструктивизм посередине.

Переходя в социальную плоскость, приведем слова Хайека [9]: «Вопрос здесь не в том, насколько похожа на правду созданная человеком картина внешнего мира, а в том, как человек, действуя в соответствии со своими воззрениями, выстраивает другой мир, частью которого он сам становится. При этом под человеческими воззрениями и понятиями мы подразумеваем не только знания об окружающем мире, а все знания и представления людей о самих себе, о других людях и о внешнем мире, короче - все то, чем обусловлена их деятельность, в том числе и сама наука». Индивидуальная и групповая рефлексия создает модели связей в группе, обществе. Эти модели входят в социальную реальность, тут же меняют ее и ... теряют свою адекватность.

Обдумывая результаты Пиаже, Глазерфельд [1] отмечает, что в процессе адаптации восприятие модифицирует внешний мир таким образом, чтобы он соответствовал концептуальным структурам организма, в то время как, согласно эволюционной теории, естественный отбор модифицирует строение организма, приспособляя его к среде. Это удивит и тех, кто считает эмпиризм естественной и единственно возможной схемой познания. Но с точки зрения радикального конструктивизма адаптация вовсе не подразумевает какой-либо адекватности внешнему миру вещей-в-себе, а лишь улучшение состояния равновесия данного организма в смысле соответствия собственному опыту.

И здесь пора сказать о самореферентности [8, 12], как способности мозга ссылаться на себя. В согласии с логикой радикального конструктивизма происходит не отражение мира, а поиск внутренних референтов, спецификация реальности и рефлексивное выстраивание уникального внутреннего мира субъекта.

Луман [10] считает, что познание лишь потому возможно, что наблюдатель не имеет прямого контакта со средой и вынужден самореферентно полагать среду, строить модели среды и себя в среде, развивая собственную когнитивную сложность. Так работает герменевтический цикл уточнения контекста и интерпретаций, так производится информация, смысл, так растет способность к адаптации в смысле Пиаже, как постоянного расширения диапазона устойчивости. Затем мы можем оперировать собственными референтами, работать в своем «ментальном архиве».

Луман апеллирует к феноменологии Гуссерля [11], подчеркивая, что сознание всегда одновременно относится к самому себе и к наблюдениям, соединяя самореферентность и внешнюю референцию, переключаясь между рефлексией и направленностью на мир. Не происходит ли между этими двумя сторонами мышления гомеостатического взаимоподдержания?

Как только мы самореферентно подбираем аналог, рефлексивно формируем модель и встраиваем ее в свой опыт, обновляя мир и себя в нем, нам становятся доступными новые грани мира, невидимые с прежним (архаичным) ментальным архивом. Можно сказать, что рефлексия позволяет сформулировать идеи, гипотезы, которые мы не можем ни подтвердить, ни опровергнуть в прежней теории, парадигме, системе мышления, в старой системе аксиом, которая, как известно, неполна по Геделю. И находится человеческий интеллект, и выстраивает метатеорию, включающую и обобщающую старую, и она вновь гармонирует с нашими концептуальными структурами, позволяя решать жизненные и научные проблемы до появления очередного противоречия.

Но это рекурсивное конструирование может иметь другую динамику, когда противоречия не разрешаются на пути обобщения, когда изменения восприятия, меняя воспринимаемую проблему, тут же становятся неадекватными и процесс походит на чередование истинности и ложности парадокса Рассела. Такой «порочный круг» наблюдается в попытках социальных инноваций. Чем объяснить эту болезнь гомеостата? Вероятно, дело в несовершенстве рефлексивных средств управления?

Нужны методики координации конструктивности баланса этих сторон личного и группового интеллекта в ходе конструирования реальности.

Литература

1. *Glaserfeld E. von*. Radical Constructivism. A Way of Knowing and Learning. Studies in Mathematics Education Series 6, The Palmer Press, London-Washington, 1996, p.53-75. <http://www.synergetic.ru/sections/autopoiesis/index.php?article=.%2Farticles%2Fglaserfeld>
2. *Цоколов С.А.* Философия радикального конструктивизма Эрнста фон Глазерсфельда. Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. № 4, 2001. С. 38-59.
3. *Кант И.* Соч.: В 6 т. – М.: Мысль, 1964.
4. *Uexkull J. von*. The Theory of Meaning // *Semiotica*. 42 (1). 1982. P. 25-82.
5. *Peirce, C.S.* Philosophical writings of Peirce. Edited by J. Buchler. New York: Dover Publications. 1955.
6. *Sharov A.* The origin and evolution of signs <http://www.ento.vt.edu/~sharov/biosem/txt/origsign.html>
7. *Piaget J.* Le structuralismes, Paris, Presses Universitaires de France, 4th ed. 1970, p.57-86. <http://kinocenter.rsuh.ru/Piaget7.htm>
8. *Матурана У. Р., Варела Ф.Х.* Древо познания. – М.: Прогресс-Традиция, 2001.
9. *Хайек Ф.* Контрреволюция науки. Этюды о злоупотреблениях разумом. – М.: ОГИ, 2003//www.synergetic.ru/philosophy/articles/hksc.htm.
10. *Luhmann N.* Soziale Systeme. Frankfurt a.M., 1984. См. также http://soc.pu.ru/materials/golovin/reader/luhmann/r_luhmann2.doc
11. *Husserl E.* Die Krisis der Europaischen Wissenschaften und die transzendente Phenomenologie, *Husserliana*. Vol. VI. Den Haag: Nijhoff, 1954.
12. *Хищенко В.Е.* Самоорганизация: элементы теории и социальные приложения. – М.: Комкнига, 2005.

ВЫЯВЛЕНИЕ РАЗЛИЧИЙ В ОЦЕНКЕ «ЭТИЧЕСКОГО КОМПРОМИССА» И «ЭТИЧЕСКОЙ КОНФРОНТАЦИИ» СРЕДИ СТУДЕНТОВ МОСКОВСКИХ ВУЗОВ (Сравнительный анализ данных с экспериментом В.Лефевра).

Л.Н. Цой (*Московская академии государственного и муниципального управления РАГС, г. Москва*)

С.С. Сергеев, Л.Р. Комалова (*Центра социологических исследований МГЛУ, г. Москва*)

Двадцать пять лет назад (1982 г.) В.Лефевр провел эксперимент. Им была опрошена группа американцев и группа (недавних, в то время) советских эмигрантов. Участникам было предложено выразить свое согласие или несогласие с утверждениями, относящимися к ситуации, когда требуется сопоставить цели и применяемое средство, и предполагающими компромисс между злом и добром.

Таблица 1

Отличия в ответах между американцами и недавними (в то время) иммигрантами из Советского Союза

Утверждение	Американцы. (опрошено 62 чел.) % согласия (ДА)	Недавние иммигранты из Советского Союза (опрошено 84 чел.) % согласия (ДА)
Чтобы уменьшить страдания больного, врач должен скрыть от него безнадежный диагноз	8,0	89,0
Преступника можно наказать строже, чем положено по закону – чтобы другим было неповадно	11,5	84,5
Чтобы помочь невинному избежать суда, можно пойти на лжесвидетельство	19,9	65,0
Во время экзамена своему другу можно послать шпаргалку	8,0	62,0

Из этого эксперимента В. Лефевр сделал следующие выводы: компромисс добра и зла в одном обществе (американском) оценивается *негативно*, а в другом (советском) – *позитивно*. Приняв это различие за отправную точку, и применив идею булевой алгебры для представления взаимоотношения двух абстрактных индивидов, он построил модель. В этой модели центральной компонентой является связь между состоянием индивида и процессом осознания: *если индивид, находящийся в состоянии зла, осознает это состояние, он переходит в состояние добра*. Это утверждение В.Лефевр предлагает рассматривать как нормативный (не психологический) закон этической оценки и включает его в свою теорию в качестве аксиомы. Состояние зла нельзя наблюдать как физический феномен, но можно наблюдать, что люди оценивают *позитивно осознанием человека зла в себе*. Если люди слышат от человека фразу, что он осознал, что был неправ, то

они меняют свою негативную оценку на позитивную. То есть сам факт осознания своей неправоты или признания зла, вынуждает людей сменить свою оценку в отношении человека, признавшего зло в себе. Так как этот социокультурный феномен наблюдается во всех культурах и принимается В. Лефевром как нормативный закон этической оценки, как аксиома, то на основании этой аксиомы он построил две системы формальных отношений между добром и злом, которые отличаются между собой только двумя этими отношениями.

Эти отношения можно назвать аксиомами.

- Конфронтация добра и зла и компромисс между добром и злом есть добро.
- Конфронтация зла и зла, равно как и компромисс зла и зла, есть зло.
- Зло, осознавшее зло, есть добро.

«Эти аксиомы, — пишет В.Лефевр, — нельзя проверить прямыми эмпирическими наблюдениями или экспериментами, но они не противоречат нашей интуиции»¹. И в этом мы с ним согласны. Нас заинтересовал этот эксперимент, и через 25 лет мы решили провести исследование среди студентов и магистрантов московских вузов. Вот что мы получили.

Таблица 2

Отличия в ответах между американцами, недавними (в то время) иммигрантами из Советского Союза, и российскими студентами

Утверждение	1982 год		2007 год
	Американцы. (опрошено 62 чел.) % согласия (ДА)	Недавние иммигранты из Советского Союза (опрошено 84 чел.) % согласия (ДА)	Российские студенты (опрошено 62 чел.) % согласия (ДА)
Доктор должен скрывать от пациента, что тот болен раком, чтобы уменьшить его страдания.	8,0	89,0	30,7%
Хулиган может быть наказан строже, чем требует закон, если это послужит предостережением для других.	11,5	84,5	27,4%
Можно дать ложные показания на суде, чтобы помочь невинному избежать тюрьмы.	19,9	65,0	62,9%
Можно послать шпаргалку, чтобы помочь близкому другу на конкурсном экзамене.	8,0	62,0	93,6%

Вопросы находятся в разных зонах сознания, и ответы даны исходя из индивидуальных и общественных установок, представлениях о добре и зле. Относительно условно можно сказать, что первый вопрос находится в зоне *собственной моральной оценки*. Через 25 лет ответы на этот вопрос приблизились к ответам американцев.

Второй вопрос находится в *зоне правосознания*. Здесь также наблюдается резкий скачек приближения к американцам. Третий вопрос находится в зоне оцен-

¹ Лефевр В.А. Алгебра совести/Пер. с англ. — М., «Когито-Центр», 2003. С. 61.

ки суду, как государственному институту. Этот показатель остается на прежнем месте. Четвертый вопрос находится в зоне *общественного сознания*. В ответах на этот вопрос видно существенное расхождение россиян с американцами. Возможно, что именно в этой зоне, на наш взгляд, можно обнаружить неожиданные изменения глубинного характера. В силу ограничения формата статьи, мы не раскрываем логику, интерпретацию ответов, а также наши гипотезы, сформулированные на основании анализа полученных данных.

О ТРАНСФОРМАЦИИ СТРУКТУР ИНФОРМИРОВАННОСТИ В РЕФЛЕКСИВНЫХ ИГРАХ

А.Г. Чхартишвили

(Институт проблем управления РАН, г. Москва)

1. Пример. Для начала сформулируем задачу (в стиле «задач на сообразительность» или «занимательных задач»).

Условие задачи. Трое друзей играют в игру со следующими правилами. Третий задумывает два (возможно, совпадающих) целых числа в промежутке от 1 до 9 включительно и сообщает первому сумму этих чисел, а второму – их произведение. Затем третий спрашивает: «какие числа задуманы?» Первый и второй должны назвать эти числа, либо ответить «не знаю» (отвечают одновременно и не обмениваясь какой-либо информацией).

Оба ответили на вопрос одинаково: «не знаю». Третий повторил вопрос: какие числа задуманы? Первый и второй, подумав, опять ответили: «не знаю». Третий опять повторил вопрос и получил тот же ответ. Так повторялось семь раз, а на восьмой первый назвал задуманные числа.

Вопрос задачи: какие числа были задуманы?

Для ответа на вопрос задачи необходимо описать, как изменялась информированность первого и второго игроков (в частности, каким образом первый игрок от неполной информированности о ситуации – ведь он знал лишь сумму чисел – пришел к полной информированности). Для этого, в свою очередь, необходимо описать эту информированность (в том числе ее рефлексивную компоненту – информированность об информированности оппонента), а также связь между информированностью и ответами игроков. Обсуждению этих трех проблем (структура информированности, действия игроков на основании нее, изменение информированности) и посвящен настоящий доклад.

Отметим, что данный доклад является продолжением серии работ [1-3] моделирующих принятие решений в условиях неполной информированности при помощи аппарата рефлексивных игр. Альтернативой является моделирование в русле байесовых игр – подход, подробно изложенный, например, в [4, 5].

2. Структура информированности. Опишем структуру информированности игроков (*агентов*) в ситуации неполной информированности. Пусть в игре участвует n игроков, будем их называть *реальными агентами*. Введем следующие понятия и множества (множества далее будем считать конечными).

Θ – множество состояний природы;

A_i – множество возможных экземпляров i -го агента, $i \in N = \{1, \dots, n\}$;

$A = A_1 \cup \dots \cup A_n$ – множество всех агентов;

$\Omega \subset \Theta \times A_1 \times \dots \times A_n$ – множество *возможных миров*.

В каждом возможном мире $w = (\omega_0, \omega_1, \dots, \omega_n)$ имеет место определенное состояние природы $\omega_0 \in \Theta$ и определенные экземпляры $\omega_i \in A_i$ каждого агента. Будем говорить, что агент ω_i принадлежит миру ω , или входит в мир ω .

η – *функция информированности* агента, которая каждому агенту $a \in A$ ставит в соответствие множество миров $\eta(a) \subset \Omega$, которые агент считает возможными в силу своей информированности.

$\omega^* \in \Omega$ – *реальный мир*. Один из возможных миров является реальным, т.е. характеризуется тем состоянием природы и теми агентами, которые существуют на самом деле.

Входящие в реальный мир агенты являются реальными, прочие экземпляры агентов будем называть фантомными [1-3].

Структуру информированности можно наглядно изображать в виде ориентированного графа с вершинами двух типов – миры и агенты. Стрелка от агента к миру означает, что данный агент входит в данный мир. Стрелка от мира к агенту означает, что данный агент считает данный мир возможным.

Будем считать, что выполнены следующие условия: условие 1 (идентичности агента): каждый агент входит во все миры, которые он считает возможными; условие 2 (единства мира): граф структуры информированности является связным.

3. Информационное равновесие. Если наряду со структурой информированности (характеризующей информированность агентов) заданы целевые функции (характеризующие интересы агентов) и их возможные действия, то можно задаться традиционным для теории игр (см., напр., [6]) вопросом: какие действия выберут агенты? Назовем *информационным равновесием* такой набор действий агентов, когда каждый из них максимизирует свой наихудший результат во всех мирах, которые он считает возможными.

4. Трансформация структур информированности. Структура информированности представляет собой своего рода «моментальный снимок» взаимной информированности агентов. Ясно, что с течением времени информированность может меняться. В частности, информированность агентов может меняться в результате наблюдения результатов игры, что влечет за собой трансформацию структуры информированности. Мы рассматриваем игру в нормальной форме, т.е. ходы выбираются агентами одновременно и независимо.

Будем считать, что у каждого агента имеется функция наблюдения, которая определяет поступающий агенту «сигнал», зависящий от состояния природы и действий агентов. Таким образом, в результате игры информированность агентов может измениться, и следующую игру (если она состоится) они разыграют с новой информированностью.

Трансформация структуры информированности состоит в следующем: для каждого агента (как реального, так и фантомного), модифицируется множе-

ство миров, которые он считает возможными. Модификация состоит в том, что исключаются те миры, для которых значение функции наблюдения принимает значение, отличное от наблюдаемого агентом (т.е. реальность этих миров вступает в противоречие с наблюдением агента).

Литература

1. Новиков Д.А., Чхартишвили А.Г. Рефлексивные игры. – М.: СИНТЕГ, 2003. – 158 с.
2. Чхартишвили А.Г. Информационное равновесие / Управление большими системами. Сборник трудов. Выпуск 3. – М.: ИПУ РАН, 2003. С. 100–119.
3. Чхартишвили А.Г. Теоретико-игровые модели информационного управления. – М.: ПМСОФТ, 2004. – 227 с.
4. Aumann R.J. Interactive epistemology I: Knowledge // International Journal of Game Theory. Vol. 28. 1999. № 5. P. 263-300.
5. Aumann R.J., Heifetz A. Incomplete Information // Handbook of Game Theory, Vol. 3, edited by R.J. Aumann and S. Hart. Elsevier, Amsterdam, 2002. P. 1665-1686.
6. Myerson R.B. Game theory: analysis of conflict. London: Harvard Univ. Press, 2001. – 568 p.

РЕФЛЕКСИЯ И СИМВОЛИЗАЦИЯ КАК МЕХАНИЗМЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕРЕЖИВАНИЯ

О.С. Шалина

(Факультет психологии МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва)

В современной психологии проблема механизмов психологической защиты разрабатывается по пути изучения копинг-стратегий («стратегий совладания»), понимаемых и ситуационными образованиями, и устойчивыми личностными диспозициями (Битютская, 2007; Ehrenreich, 2001). Существуют и другие пути преодоления проблемно-конфликтной ситуации: это — осуществление конфликта в рефлексивно-символическом пространстве. Так, символ и когнитивный образ могут выступать культурно-исторически выработанными средствами (соответственно, процессы символизации и рефлексивные процессы — механизмами) деятельности переживания.

Проблема широкого поля значений этих двух понятий разрабатывается в разных научных областях — философии, психологии, семиотике, лингвистике, кибернетике и т.д. Постараемся выделить основные моменты.

Символическое пространство личности (СПЛ) — это особое поле презентации проблемной ситуации, сфера переживания конфликтной ситуации, пространство воплощения и творческого разрешения кризиса. СПЛ дистанцировано, отстоит от человека, он получает возможность отдалить переживание от себя, взглянуть на него со стороны. Переноса конфликт в сферу его символического разрешения, человек получает возможность перейти в позицию активного субъекта. Овладение этим символическим пространством является более продуктивным способом переживания, нежели защитные механизмы, направленные не на воплощение и разрешение конфликта, а на отчуждение травматического опыта. Единицей анализа этого процесса может выступать символ как особое психотехническое средство.

Содержаниями сферы символического пространства являются продуцируемые художественные образы, которые обретают жизнь в архетипах, языковых структурах, индивидуальных образах, фантазиях, сновидениях, произведениях искусства. Разнообразии, многогранности этих образов, их личностная значимость, включенность в культурно-исторический контекст свидетельствуют о богатстве и насыщенности символической жизни.

Как уже отмечалось, понимание символа варьирует и сильно зависит от методологической позиции автора. Впрочем, можно выделить и некую общую линию в этом понимании. К существенным особенностям символа стоит отнести неисчерпаемость его смысловых содержаний. И как значение может функционировать на вне-индивидуальном уровне (как фиксированный общественно-исторически выработанный опыт) и личностном уровне (облекаясь личностным смыслом, по А.Н. Леонтьеву), так и символ может раскрывать некоторые свои смысловые содержания в индивидуальном бытии, оставаясь, по сути бесконечным и непознаваемым в надиндивидуальном плане.

Таким образом, опосредствующая роль символа в преодолении проблемно-конфликтной ситуации заключается именно в «наделении» события «значением-для-себя», в раскрытии его личностного смысла (или, выражаясь терминами Г. Риккерта, в придании ценности).

То есть, по сути, рефлексивные процессы опосредствуют деятельность (в том числе и деятельность переживания), раскрывая ее временную перспективу, структурируя и трансформируя опыт, определяя «место и значение» кризисного события в автобиографическом сознании.

Разделение двух процессов – символизации и рефлексии – не представляется возможным. Их развитие, особенности протекания, продукты тесно взаимосвязаны. С одной стороны, саму работу с символическими образами (как, например, методы психодрамы и символдрамы в психотерапевтической практике или автопортретное творчество художников (Шалина, 2006)) нельзя описать и понять без учета когнитивных переработок и рефлексии определенного жизненного периода, опыта. С другой стороны, когнитивные, мыслительные структуры, рефлексивные процессы во многом опираются на образы, символы и знаки, которые являются ведущими образующими факторами нашего сознания. И как символизация подразумевает особую рефлексивную, когнитивную оценку жизненной ситуации, так и когнитивная переработка, трансформация определенной информации основывается на языковых и культурных содержаниях, зафиксированных и транслируемых от поколения к поколению через символические содержания культурно-исторического опыта.

Литература

- Асмолов А.Г. Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Смысл: Издательский центр «Академия», 2007. – 528 с.
- Битютская Е.В. Когнитивное оценивание и стратегии совладания в трудных жизненных ситуациях. – Дисс... к.п.н. – М.: МГУ, 2007.

- Василюк Ф.Е.* Психология переживания. – М.: Изд-во МГУ, 1984.
- Щедровицкий Г.П.* Рефлексия и ее проблемы // Рефлексивные процессы и управление. №1, 2001.
- Шалина О.С.* Проблемы символизации личностных переживаний. – Дипломн. работа, – М.: МГУ, 2006.
- Ehrenreich John H.* Coping with disasters. / A guidebook to psychosocial intervention. – Center for Psychology and Society, State University of New York, 2001.

УПРАВЛЕНИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕМ ПРЕДПРИЯТИЯ С СУБЪЕКТАМИ ВНЕШНЕЙ СРЕДЫ НА ОСНОВЕ СОЧЕТАНИЯ РАЗВЕРНУТОЙ И БЫСТРОЙ ФОРМ РЕФЛЕКСИИ

Л.Г. Шемаева

*(Харьковский национальный экономический университет,
г. Харьков, Украина)*

В условиях усиления интеграционных процессов в экономике и возрастания активности субъектов внешней среды предприятий, обусловленной разной направленностью их интересов, предприятию необходимо разрабатывать стратегии их взаимодействия для обеспечения своего устойчивого функционирования и развития. Однако существующее научно-методическое обеспечение процессов взаимодействия предприятия с внешней средой недостаточно учитывает принцип рефлексии и различий субъектов взаимодействия; мониторинг бизнес – ландшафта предприятия. Взаимодействие предприятия и субъектов внешней среды осуществляется традиционными методами без учёта их представлений и особенностей.

Применение рефлексивного управления в указанной сфере базируется на исследованиях В Лефевра, В. Лепского и др., которые определили условия и направления использования развёрнутой и быстрой рефлексии субъектов, а также выдвинули гипотезу о возможности взаимодействия этих двух форм рефлексии для разрешения реальных конфликтов (В. Лепский, Г. Смолян). В развитие рассмотренных подходов следует определить ряд дополнений.

Во-первых, в реальном взаимодействии предприятия в лице его субъектов управления и субъектов внешней среды, для реализации стратегических интересов предприятия, ему необходимо применять рефлексивное управление взаимодействием в направлении перевода характера этого взаимодействия в русло стратегического сотрудничества. При этом управление должно базироваться на обеих формах рефлексии и для моделирования процессов рефлексивного управления взаимодействием также целесообразно использование сочетания двух форм – развёрнутой и быстрой рефлексии.

Во-вторых, реализация развёрнутой и быстрой рефлексии даёт возможность предприятию влиять на составляющие процесса принятия решения субъектами взаимодействия. На основе модели рефлексивного взаимодействия субъектов (развёрнутая форма рефлексии) прогнозируется развитие ситуации в ходе взаимодействия, и определяются направления влияния. Для

реализации влияния осуществляется на основе модели рефлексивного влияния (быстрая форма рефлексии). В качестве системообразующего стержня этого влияния следует определить психологический цикл процесса принятия решения, который содержит следующие процессуальные компоненты: интересы – мотив – цель – задачи, технология действия – результат, а также на процесс формирования мотивов поведения, на процесс выбора цели, на сам выбор цели, выбор задач и технологий, которые используются для достижения результата.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ РОЛИ РЕФЛЕКСИВНОСТИ В СТРУКТУРЕ ПСИХИКИ

К.Т. Янович

*(Ярославский государственный университет
им. П.Г. Демидова, г. Ярославль)*

Цель: исследование взаимосвязи между уровнем развития рефлексии и её парциальными составляющими. Объяснительная платформа для всего спектра эмпирических результатов заложена в предыдущих исследованиях, которые показали фундаментальную закономерность «типа оптимума» для рефлексивных феноменов [1, 2, 3, 4.] Согласно этим результатам мы сформулировали предположение, что интегральное проявление рефлексивности как таковой и эффективность функциональной роли рефлексивности в структуре психики подчиняется закону «оптимума».

В исследовании использовались методики, измеряющие рефлексивность в её различных аспектах: общая рефлексивность (личностный аспект), определялась по «Методике диагностики рефлексивности» (методика Карпова А.В. Пономарёвой В.В.) [2]; социо- и ауто-рефлексивность, определялась по «Методике уровня выраженности направленности рефлексии М.Гранта» [1]; деятельностно обусловленная (регулятивная) рефлексия, диагностировалась по «Опроснику метакогнитивной включённости в деятельность» (Metacognitive Awareness Inventory – [1]) и экспериментальной психосемантической методике оценки Я-концепции [5]. Выборка составила 90 человек: 50 женщин и 40 мужчин в возрасте от 18 до 51 года.

В ходе анализа данных была выявлена качественная гетерогенность¹ компонентов структур рефлексивности у полярных групп² испытуемых. Это означает, что изменение уровня рефлексивности (а, следовательно, и меры развернутости, развития самого процесса рефлексии) сопровождается качественными перестройками всей структуры взаимосвязей метапроцессов. Этот вывод может быть дополнен проведённым анализом организованности структур.

¹ Использовался экспресс метод статистического анализа χ^2 .

² Эмпирические данные были сгруппированы в три группы в зависимости от выраженности рефлексии: высоко- средне- и низкорефлексивные субъекты.

Анализ организованности структур коррелограмм полярных групп рефлексивности проводился методом, разработанным А.В.Карповым³. Результаты анализа приведены в таблице.

Специфика рефлексивности как общей способности заключается в том, что максимум внешнего критерия достигается на некоторых средних значениях. Когда рефлексивность развита предельно высоко, то субъективный контроль начинает всепроникать в структуру мыслительной деятельности и подменять объективное функционирование субъективным контролем. В результате эффективность деятельности падает. Все переменные нашего исследования заключены в одном глобальном конструкте «рефлексивность». Это, в свою очередь, означает, что результаты не возможно оценивать исходя из устоявшейся логики анализа организованности интегрированности и дифференцированности структур.

Опираясь на объяснение закона оптимума, мы предлагаем рассматривать когерентность структур в качестве показателя аморфности (слитности, структурной дезорганизованности). Дифференцированность – показатель функциональной определенности для каждого элемента структуры, так как, когда мы говорим о парциальных явлениях чего-то единого, именно дифференцированность свидетельствует о том, как это единое представлено в качестве единства разнообразного.

Уровень рефлексивности	ИКС	ИДС	ИОС
R-(низкий уровень)	28	8	36
R	12	11	23
R+(высокий уровень)	22	4	26

Таким образом применив такое объяснение к полученным результатам можем выделить следующее: наименее слито и аморфно представлена структура субъектов с оптимально выраженной рефлексивностью, структурограммы низко- и высоко-рефлексивных субъектов значимо отличаются от аналогичного показателя среднерефлексивных субъектов и в большей степени аморфны, недифференцированы.

Возникает уникальная ситуация, с которой мы впервые сталкиваемся: мы строим функциональную зависимость фактически саму на себя, интегральный показатель рефлексивности на слитность аморфность его частных, парциальных показателей. Свойство более эффективно, когда его парциальные составляющие максимально дифференцированы. Получается фундаментальный результат, согласно которому рефлексивность как свойство, как гетерогенное, разнообразное, внутренне богатое наполненное разными аспектами является максимально дифференцированным и, следовательно, максимально эффективным именно на промежуточном оптимальном значении. Мы приходим к зави-

—

³ Индекс когерентности структур индивидуальных качеств (ИКС) – функция числа положительных значимых связей в структуре и меры их значимости, индекс дивергентности (ИДС) – функция числа и значимости отрицательных связей в структуре, индекс общей организованности (ИОС) – функция общего количества связей и их значимости. При этом, связям значимым при $p \leq 0,01$ приписывается весовые коэффициенты 2 балла, связям значимым при $p \leq 0,05$ приписывается весовой коэффициент 1 балл [4].

симости типа оптимума, только взятой не по отношению к внешнему результату, не по отношению к внешнему процессу, а по отношению к самому свойству рефлексивности.

Литература

1. *Карпов А.В.* Психология рефлексивных механизмов деятельности. – М. 2003.
2. *Карпов А.В., Пономарева В.В.* Психология рефлексивных механизмов управления. – М.: ИП РАН, 2000. – 283 с.;
3. *Карпов А.В., Скитяева И.М.* Психология метакогнитивных процессов личности. – М.: Издательство «Институт психологии РАН». 2005.
4. *Карпов А.В.* Психология принятия управленческих решений / Под ред. д-ра психол. Наук РАО, проф. В.Д. Шадрикова. – М.: Юристъ, 1998. – 440 с.
5. *Янович К.Т.* Разработка экспериментальной психосемантической методики исследования Я-концепции // Сборник материалов шестой научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых учёных вузов. Ярославль, 2005.

РЕФЛЕКСИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ И УПРАВЛЕНИЕ
Сборник материалов VI Международного симпозиума
«Рефлексивные процессы и управление»
10-12 октября 2007 г., Москва
Под ред. В.Е.Лепского

Издательство «КОГИТО-ЦЕНТР»
Номер лицензии 05006 от 07.06.01

Подписано в печать 21.09.07
Формат 60 x 90 1/16. 8,5 усл. печ. л. Тираж
Отпечатано в типографии «Макс-принт»